ISSN 0131—0097

ОКТЯБРЬ № 43 1991

THE WEEKLY MAGAZINE

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

МОЗГОВАЯ АТАКА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 43 (3353)
19 — 26 октября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Плакат художника КАРАКАШЕВА В. С.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 27.09.91. Подписано к печати 15.10.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 929. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

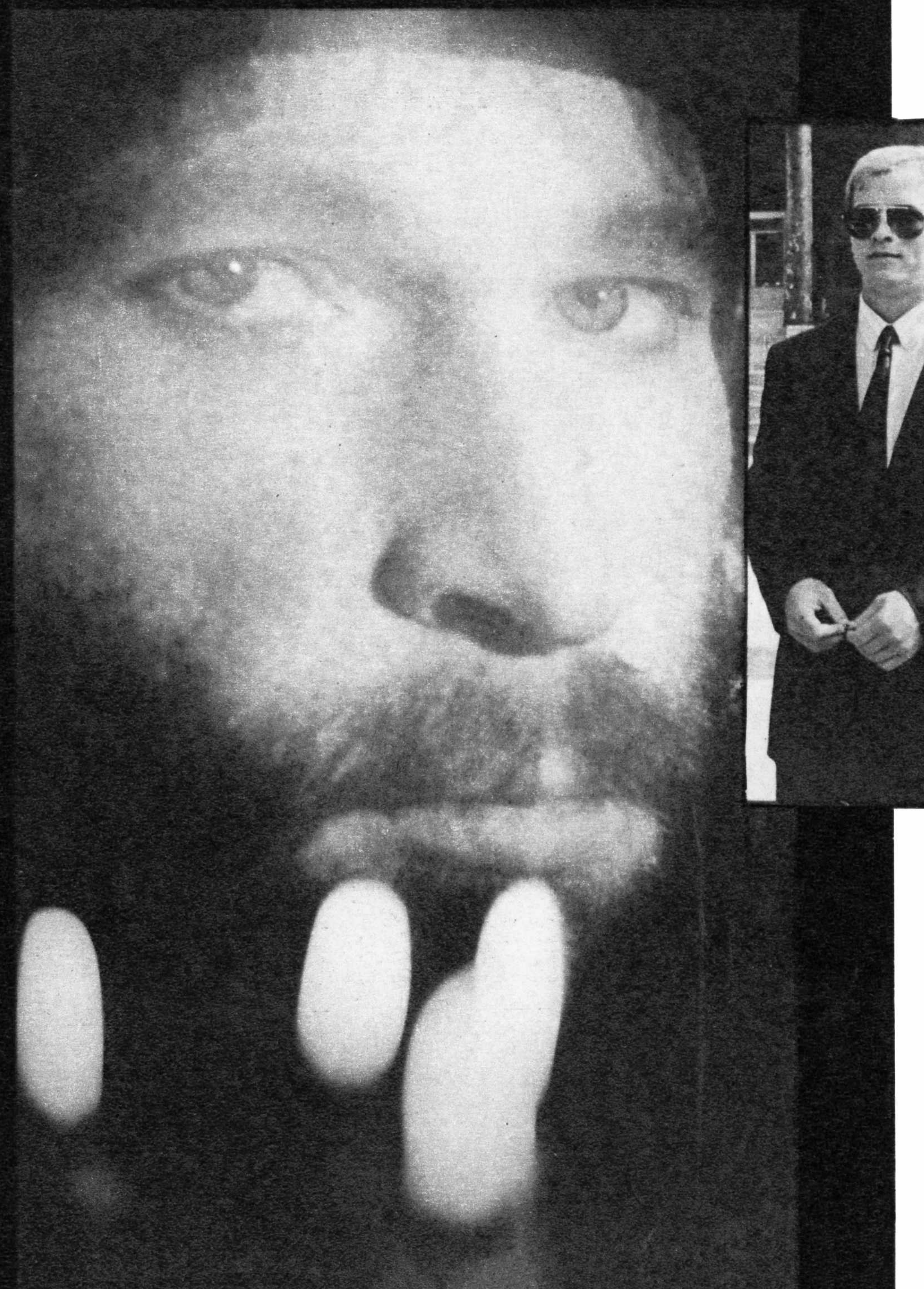
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Типография издательства «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ХОРОНИМ ТАЛЬКОВА...

Владимир ЧЕРНОВ. Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

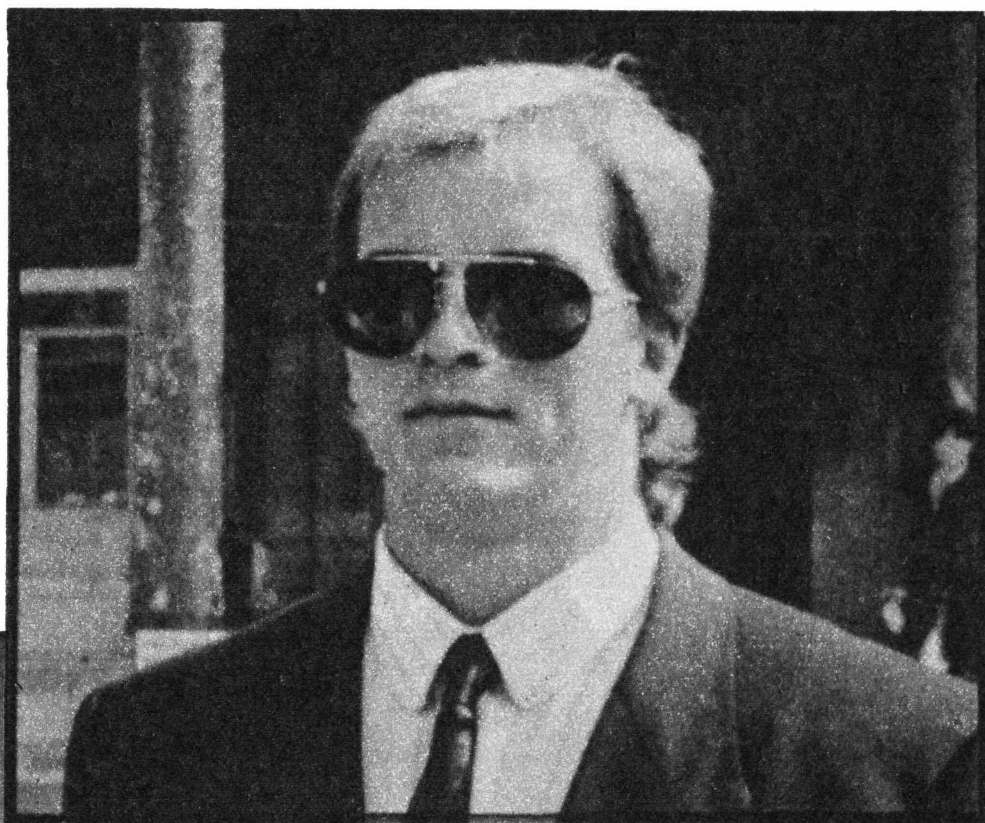
Страна, где каждый день кого-то убивают. И каждую ночь. Малых сих и великих. Вот Талькова убили. Пора бы привыкнуть.

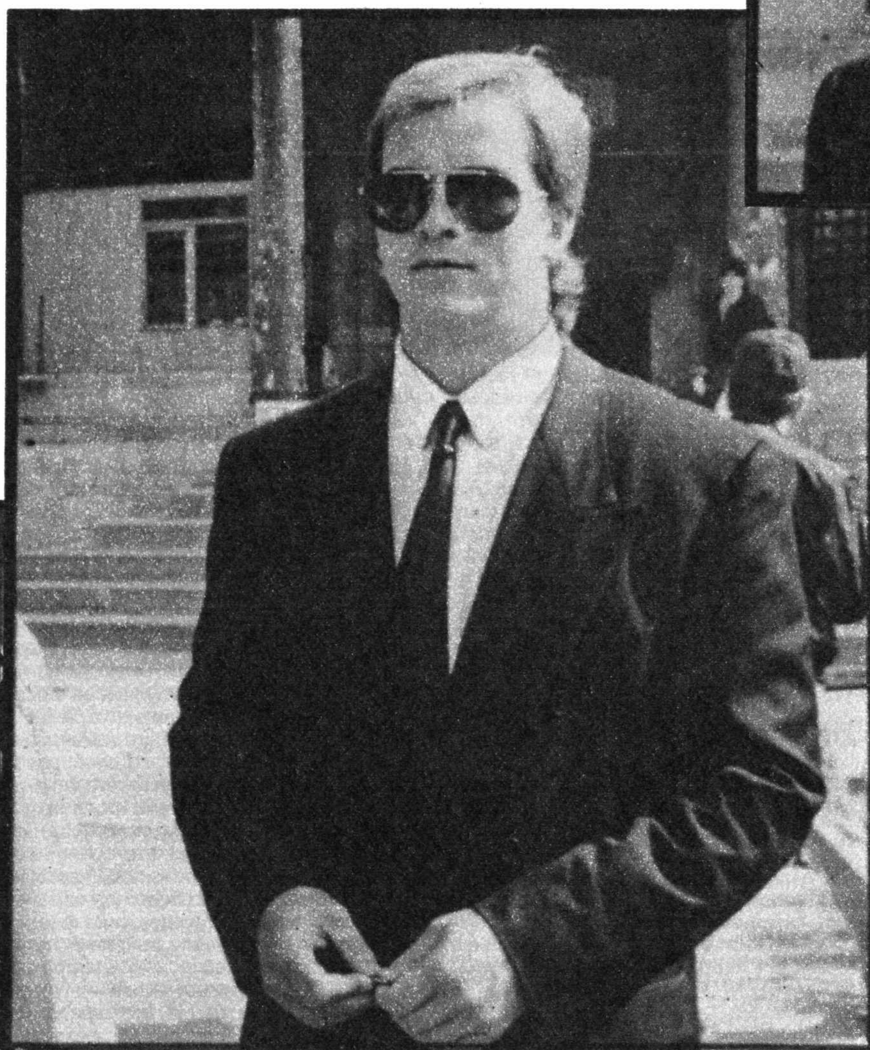
Но рыдают толпы фанатов. Женщина звонит по утрам: как жить, он ей снится каждую ночь? «Память» под предводительством пузатого человека в черной рубашке толпится у гроба. Господин Васильев, это политическое убийство? А ка-ак же!

Вот этот господин в черных очках, как говорят присутствовавшие, Талькова убил. Обнаружил, что Тальков его не уважает. Ну и убил.

Тальков пел себе песни, пил водку, во хмелю становился бешен. Говорят, когда господин в черных очках потребовал к себе уважения, Тальков тоже был бешен, говорят, он вообще часто... Все-все-все. О мертвых только хорошее.

Много мертвых. Все больше их на корабле. Корабль дураков. Поговорим о живых.

Страна, где, взяв друг друга за горло в заблеванном подъезде, спрашивают жарким шепотом, брызгая слюною в лицо: «Ты меня уважаешь?» Где никто никого никогда не уважал. Где никто никому не верит, где все всегда друг на друга плевали, где одна тоска — чтоб уважали.

Где народы, преисполнившись титанического самоуважения, требуют отныне выговаривать: Таллинн, Башкортостан. Почему Англия не требует называть себя Инглэнд, а англичан инглишмэнами? Почему ее не коробит, не выворачивает наизнанку от ненависти к народам, называющим ее согласно своим языкам и обычаям?

Я уважаю Англию. Я не уважаю народ, который не уважает меня. Мой дом, мои привычки, мой язык.

Страна, где все хотят, чтобы их называли господами. Господа из Санкт-Петербурга, Екатеринбурга,— как еще? — вы уже стали добрей и умней? У вас переменились манеры? Из уст ваших перестала ползти словесная блевотина? Десятки лет мы сочиняли себе все новые изумительные имена. Нам мало?

Господин Васильев, а что если прямо тут же взять и потребовать от господ кыргызов впредь именовать нас русичами, например? Слабо?

Мы, опрокинутые в бездну самоуничтожения. Бедные, угрюмые дураки. Корабль дураков, мчащийся на всех парусах, теряя оснастку, превращаясь в лохмотья, в дырявую тень.

И многих еще похороним, если не остановимся. Дураки, дураки...

Фото Александра НАТРУСКИНА

Как обычно, под рубрикой «Человек месяца» на основе читательской почты мы готовились представить в августе «десятку» лидеров общественного мнения, но попытка переворота сломала естественный ход событий и изменила расстановку первых фигур. Заканчивать уже начавшееся исследование или публиковать экспресс-опрос, проведенный Службой VP 19—20 августа, нам казалось бессмысленным. Сегодня мы представляем вам материал о лидерах среди женщин-политиков.

ЖЕНСКИЙ «ОЛИМП»

Итоги опроса Службы изучения общественного мнения VP (руководитель — профессор Б. А. ГРУШИН)

1. ПРОЦЕДУРА ОПРОСА *

Опрос проводился по телефону. В качестве претендентов на звание человека месяца на этот раз выступали женщины, играющие сегодня заметную роль в общественно-политической жизни страны.

2. РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

Ответы на первый вопрос — «Кто именно из названных женщин находится сегодня в центре внимания общественности, является предметом наиболее частых обсуждений?» (в % к общему числу опрошенных, но по мере убывания величин):

1. Старовойтова Г. В.	— 33
2. Горбачева Р. М.	— 10
3. Корягина Т. И.	— 8
4—5. Горячева С. П.	— 7
4—5. Панфилова Э. А.	— 7
6. Боннэр Е. Г.	— 6
7—8. Заславская Т. И.	— 5
7—8. Куркова Б. А.	— 5
9—10. Андреева Н. А.	— 4
9—10. Гаер Е. А.	— 4
Другие ответы	— 4
Затруднились ответить	— 6
Отказались отвечать	— 1

Г. В. Старовойтова — одна из наиболее ярких фигур среди политиков «новой волны» — весьма популярна как среди своих сторонников, так и среди противников. Наиболее часто ей отдавали предпочтение представители исполнительной власти Союза (52%) и РСФСР (56%), наименее часто — народные депутаты СССР (10%) и представители КПСС (9%).

Р. М. Горбачева, безусловно, привлекает внимание людей не только своей собственной активной деятельностью, но и как супруга Президента страны. Этот феномен распространен во многих странах мира и хорошо известен.

Чаще представителей других групп ей отдали пальму первенства народные депутаты СССР (22%), представители партий и общественных организаций Союза (20%), журналисты (21%).

Все последующие претендентки на место «человека месяца» имеют, по оценке лидеров общественного мнения, приблизительно одинаковое число «поклонников». Н. А. Андреева наиболее популярна среди активистов партий и общественных организаций Союза (9%) и журналистов (9%); Е. Г. Боннэр — среди активистов партий и общественных организаций РСФСР (19%); С. П. Горячева — среди представителей ЦК КП РСФСР (50%) и т. д.

Ответы на второй вопрос — «Как, по-вашему, относится к Г. В. Старовойтовой большинство наших граждан — безусловно положительно, скорее положительно, нейтрально, скорее отрицательно, безусловно отрицательно?» (в % к числу отвечающих на вопрос):

отвечали на вопрос	136
безусловно положительно	10
скорее положительно	43
нейтрально	21
скорее отрицательно	18
безусловно отрицательно	1
затруднились ответить	7

Популярность Г. В. Старовойтовой, как показывают результаты, явно со знаком «плюс». Можно предположить, что оценка респондентами отношения большинства граждан страны к Г. В. Старовойтовой отражает не только реальное состояние дел, но и политические пристрастия опрашиваемых. Об этом косвенно свидетельствует противоположность мнений постоянных политических оппонентов — представителей исполнительной власти Союза и РСФСР. Среди первых около 60% относятся к ней скорее отрицательно (и лишь 12% скорее положительно), а для вторых соответствующие цифры таковы — 16% и 44%. Сравнение с ответами представителей других групп лидеров общественного мнения позволяет заметить, что функционеры исполнительной власти России солидарны с мнением большинства.

ПРЕСС-СЛУЖБА VP

* Более подробно с процедурой опроса можно ознакомиться в №№ 8 и 12 журнала за текущий год.

Итоги опроса, проведенного журналом, застали меня врасплох, как и предложение поделиться с вами своими мыслями. Времени на отшлифованное эссе у меня, как всегда, нет, поэтому мысли будут «непричесанными» и на разные темы, которые, думаю, затрагивают многих из нас сейчас, в период затянувшейся послепутчевой паузы в развитии страны.

Августовский путч был конвульсивной попыткой сохранить силой разбегающуюся империю, в этом его главный смысл. Ни экономической, ни политической программы путчисты не предлагали, а лишь выражали стремления какой-то (в основном пожилой) части населения страны, не готовой принять как данность новые политические реалии. Результат преступных действий путчистов оказался обратным. И распад Союза, и его "декоммунизация" резко ускорились, тем более что мужественные шаги Б. Н. Ельцина и решительность сторонников демократических реформ на этот раз не встречали противодействия М. С. Горбачева, очевидно, пораженного личным предательством бывших соратников, отстранивших его на 72 часа от власти.

Однако промедления на избранном пути могут оказаться катастрофическими для реформаторов, как и недостаток времени для осмысления ситуации и прогнозов. Давайте посмотрим на распад Союза с позиций интересов России.

Россия формально являлась центром империи — тем, что в «классических» трудах по империализму именовалось метрополией (англ. аналог — «mother country»). Однако ее колонии в отличие от колоний Британской, Французской, Германской империй находились не за морями-океанами, а на соседних территориях; и это обусловило этническое перемешивание населения. В частности, наличие 25 миллионов русских, живущих в других республиках, главным образом на Украине и в Казахстане. Их судьба теперь становится предметом наших неусыпных и многообразных по формам забот.

ОТ ИМПЕРИИ К РОССИИ

Другая особенность нашей советской империи состояла вовсе не в том, что (как хотелось бы думать некоторым) в отличие от иных «плохих» империй прошлого она была «хорошей», отражавшей интересы «новой исторической общности». Увы, факты говорят о том, что эта империя не менее своих предшественниц угнетала, ассимилировала, депортировала, обезглавливала народы. Все народы, включая русский. Так что особенность советской империи состояла и в том, что метрополия империи — Россия — жила не богаче своих «колоний», а даже хуже их. Она так же приносила тоталитарному режиму человеческие жертвы и подвергалась разграблению.

Что означает сегодня для России возможный выход из Союза? Один западный политик как-то сказал: главный итог истории — это география. И поэтому я не склонна предаваться эйфории по поводу обретения Россией независимости, когда гляжу на географическую карту.

Независимая Россия рядом с независимыми Украиной, Прибалтикой, Закавказьем оказывается отодвинутой от Европы и тех окон в Европу (да и на Каспий), которые пооткрывал еще Петр I. Опять Санкт-Петербург с Архангельском да необустроенная Новороссийская гавань — и все. И мне не совсем понятно, что может делать с Черноморским флотом, скажем, с крейсером «Слава», оснащенным ядерными ракетами большой дальности полета, или со средиземноморской эскадрой братская Украина, чье стремление к независимости я глубоко уважаю. Однако вопрос о том, в каком государстве или в руках какого военно-политического блока находятся военно-морские базы Севастополя и Феодосии,— это не вопрос чьих-то шовинистических имперских амбиций. Скажем прямо: это вопрос сохранения мирового порядка, и нам просто не позволят его нарушить.

Я не хочу быть понятой превратно. Я не призываю пересматривать сегодня границы России — на это следует наложить мораторий сроком в 3—5 лет. Речь не может идти о территориальных претензиях, но любое демократическое государство, согласно Международному пакту ООН о гражданских и политических правах, признает право народов на самоопределение. Для введения конституционного механизма реализации этого права, на мой взгляд, следовало бы учитывать три фактора, непременно в их сочетании: историческая принадлежность земель; современный этнический состав населения; волеизъявление населения (включая этническое большинство и этнические меньшинства), выраженное путем референдума (голосование двумя третями). Вот эти принципы в будущем, в успокоившейся и неголодной ситуации и определят новые административные границы внутри бывшего СССР.

Я не сторонница высказанной недавно моим коллегой Г. Э. Бурбулисом идеи, что Россия — правопреемница СССР. Что, взять на себя всю кровь и преступления советского режима? Все тайные убийства КГБ у нас и за рубежом? Позор вторжения в Чехословакию и Афганистан? Нет, мы начинаем строить новую демократическую Россию. И не след нам уговаривать вступить в союз с нами националистические, прокоммунистические или фундаменталистские режимы, устанавливающиеся в ряде бывших союзных республик. Надо думать о своем развитии. Будем сильными — уговаривать никого не придется, а с иными и нечего вступать в союз.

У нас полно внутренних проблем. Силы нации истощены покорением необъятных пространств и многочисленных народов, а естественный ход собственной истории был прерван переворотом 17-го года, когда подлинный субъект российской истории еще только созревал.

На самом деле у нас пока нет настоящей России — ни суверенного государства, ни гражданского общества. Они еще в скорлупе. Государственность пока сводится к институту президентства (правда, опирающегося на всенародную поддержку), а гражданское общество исчисляется теми сотнями тысяч человек, которые вышли к «Белому дому», к Петросовету да на митинги в разных городах в дни противостояния хунте маразматиков. Субъект осознания интересов новой России только формируется и его «заносит» пока — то в сторону всеобъемлющего клерикализма, то к коричневому патриотизму с красными глазами — а путь-то есть, ясный путь, которым давно идут цивилизованные народы, и не надо изобретать что-то сверхсамобытное. Конечно, Россия — одно из двух государств в мире, расположенных одновременно в Европе и в Азии (другое — Турция), оттого в менталитете народов и правителей обеих стран постоянно борются европейская и азиатская ориентации. Но думаю все же, что русский народ — от Смоленска до Камчатки — по преимуществу европеец, наследник христианских духовных ценностей, и его живое тело не разделить Уральским хребтом.

Единство любого государства определяется экономическим рынком, накрепко связывающим его регионы, да некой общностью идеологии, а этого, увы, более нет. Потому, вероятно, вслед за выходом России из постылого Союза не избежать дальнейшего ее дробления на российские же региональные республики (не считая бывших национальных автономий) — поскольку, кажется, решать экономические и человеческие проблемы легче в обозримых государственных единицах. Боюсь и другого — возможного поиска внутренних врагов распада, особенно из числа представителей отделившихся народов... Все еще сильно оборонное сознание: защищать русских (от кого? от американцев, татар, евреев?..), вместо того чтобы пробуждаться и развивать свою страну, а не чужие.

Как бы новая мессианская идея не посетила сознание моих соотечественников — например, в виде идеи исторической ответственности за другие народы... Раз ты мессия, то уже безгрешен и в саморазвитии не нуждаешься. Как никогда, важны сегодня слова П. Чаадаева о том, что время слепых влюбленностей прошло и нельзя более любить родину с преклоненной головой и закрытыми глазами. Главное, чем мы обязаны родине,— это правда, пусть горькая.

Русские испытывают некоторые трудности в определении своей этнической идентичности. Во-первых, слишком долго мы были не нацией, а населением, «фоном» для экзотических особенностей других народов. Вспомним хотя бы известное выражение официальной педагогики: «Национально-русское двуязычие»... Во-вторых, многие национальные символы были использованы и эксплуатировались сталинизмом — между прочим, как и нацизмом в Германии. И теперь они порождают неадекватные политизированные ассоциации. Немцы тоже жалуются, что плохо понимают, что это значит — быть немцем (если не шовинистом). А ведь они давно прошли (западные, конечно) процесс денацификации, который у нас еще впереди, я имею в виду отторжение наследия тоталитарного режима в политических структурах и сознании людей.

Нам еще предстоит построить новое российское государство — президентскую республику с классическим разделением исполнительной, законодательной и судебной властей, с нормальной армией и без тайной полиции. Государство, которое, как хороший автомобиль, везет своего ездока так, что работы двигателя не ощущаешь... Государство, в котором из-за краха идеологии какой-нибудь партии казначеи этой партии (при живехоньких секретарях по идеологии!) не кончали бы жизнь самоубийством...

Особенно важными при строительстве демократического государства становятся проблемы армейского строительства. Нормой должен быть полный контроль гражданских властей, органов представительной демократии над военной властью, защищающей безопасность гражданского общества. Мы уже видели, что происходит в тех случаях, когда армия «сама себе хозяйка»,— в Югославии, в кровавых акциях против республик внутри СССР. Военных делают заложниками своих интересов разные мелкие коммунистические наполеоны, а отмывать мундиры потом приходится честным солдатам и офицерам. Естественным следствием главенства людей в штатском явилась бы и забота общества об армии, то есть о своей собственной защите.

Сегодня мы не видим ни того, ни другого. Армия не раз применялась для подавления национально-освободительных движений — в Алма-Ате, Тбилиси, Карабахе, Ереване, Баку, Литве, Латвии и, наконец, в столице России — в Москве, когда освободительное движение пробудилось и среди россиян.

Общество не спешит решать армейские проблемы, хотя промедление опасно. Уровень бытовой неустроенности, качество жилья и питания, социальное и юридическое бесправие военных и раньше грозили взрывом. Теперь ситуация усугубляется массовым сокращением армии, выводом войск из более благополучных, чем мы, стран Восточной Европы и Прибалтики, вынужденной депрофессионализацией элитных подразделений, например, из-за сокращения числа полетов летчиков-испытателей, обусловленного просто экономией топлива.

Тяжелой травмой для Советской Армии обернулась и департизация. Дело не только во внезапной ненужности политработников, воспитанных на идеологии ленинизма, не только в необходимости закрыть политучилища и отправить на пенсию генералов и полковников, служивших профессиональными коммунистами, а не профессиональными военными.

Еще опаснее тот духовный вакуум, который поразил армию сильнее, чем остальное общество. Отказ от прежней идеологии ставит офицеров в ситуацию невозможности вести прежнюю воспитательную работу и поддерживать высокий моральный дух войск, а деморализация армии является одной из причин царящего в ней насилия и огромного количества жертв в мирное время.

Как известно из социологической теории и из житейских наблюдений, существуют только три источника всякой власти:

— доверие или любовь;

— интерес (например, экономический);

— страх, основанный на репрессиях и насилии.

До недавнего времени можно было без большой погрешности утверждать, что на первый источник опирается власть российского руководства, а последний — единственный механизм управления, остававшийся в руках имперского центра. Однако ни Горбачев, ни Ельцин не располагают рычагами влияния на среднее звено этой триады. В условиях разрушения денежной системы ни у одной властной структуры нет возможности стимулировать труд, поэтому хозяйственная разруха углубляется.

А между тем мне кажется, что простая отмена некоторых «павловских» решений и части тех законов, которые «напахал» ВС СССР, могли бы несколько поправить дело. Я имею в виду правовые акты о налогообложении с прибыли и с оборота (и запутанность их соотношения), о валютном обращении внутри СССР, о торгово-закупочных кооперативах: если бы они не были запрещены, сегодня урожай не гнил бы на полях, а был через посредников-кооператоров доставлен на городские прилавки. Мы, депутаты, получаем множество писем от сидящих в тюрьмах людей, наказанных за свою экономическую инициативу по этим законам. И, конечно, нуждаются в защите закона земельная реформа и право частной собственности.

Если говорить о правовой сфере, то следовало бы во многих случаях отдать приоритет международно-правовым документам по отношению к внутрисоюзным. И немедленно отменить в России Закон о КГБ — позорное детище самого КГБ и депутатов, демонстрирующих вопиющую неосведомленность о фундаментальных правах человека.

...Природа медлит с холодами и как будто дает нам последний шанс — отдайте же наконец землю тем, кто готов ее обрабатывать! Такие люди есть, я знаю их великое множество! А землю на Руси никогда не делили по весне — только после урожая, до озимых, чтоб знать загодя, какой кусок крестьянину обрабатывать и чем засеивать весной.

Думаю, если эту зиму переживем — без голода и остановок ТЭЦ, без выступлений «коричневых патриотов»,— то дальше жизнь начнет налаживаться. Помоги же, Господи, всей президентской рати и не наказывай нас самой страшной из своих кар — лишением разума... И начнем наконец великий труд по строительству новой России и возрождению ее былой славы.

14 октября 1991 г.

ИЗ ПОЧТЫ ОДНОГО ДНЯ

Чтобы человек стал работать, заставить его можно только при помощи страха или заинтересованности. Страх мы уже проходили. А чтобы заинтересовать человека, надо дать ему свободу.

Ю. ГРЕШАЕВ
Омск

В какой еще стране качество сельхозпродукции и промтоваров может быть настолько низким? А наше строительство? Не успеем дом построить, как его уже нужно ремонтировать. При всем при том наших работников премируют, награждают и даже делают героями. Это ли не парадокс зрелого социализма?

А. НОВОГРУДСКИЙ
Ставрополь

Сейчас много говорят о рядовых членах КПСС. Чем, мол, они виноваты, ведь все злодеяния творила партийная номенклатура. Да, это так. Но куда же смотрели рядовые коммунисты? Молчали. Потому что знали: заикнись — станешь «врагом народа». Так, извините, зачем вступать в такую партию? А затем, что каждый рядовой коммунист знал, насколько легче продвигаться в жизни с партбилетом, чем без него. Вот я и считаю, что все коммунисты виноваты перед народом.

Т. УШАКОВА
Киев

Я являюсь давним подписчиком вашего журнала и всякий раз, когда вы печатаете сообщение о подписке на литературное приложение, удивляюсь вашей наивности. Неужели вы действительно верите, что подписка в первую очередь попадет к читателям «Огонька»? Ведь все лимитированные издания распространяет «Союзпечать». А эта организация, как известно, всей душой предана аппаратчикам. Так что ваши приложения они же и почитывают, а попутно склоняют ваш журнал.

Р. КИВЕЛЮК
Архангельская обл.

Меня волнует такой вопрос. Из состава СССР выходят некоторые республики. Так что, теперь бремя расходов на вооружение, производство ядерного оружия и на космические исследования ляжет на плечи россиян? То есть налоги, взимаемые с нас, возрастут? Ведь вышедшие из состава СССР республики будут стоять в стороне от этих забот.

К. БОБКОВ
Петрозаводск

На страницах своего журнала вы часто ратуете за ведение фермерского хозяйства. Только вот где у нас в стране крестьянин должен строить свою ферму? Если близ города, то, прежде чем заняться хозяйством, он должен вокруг своей фермы выстроить берлинскую стену и по углам поставить пулеметы. Набеги горожан принуждают к этому.

А. ИЛЬИН
совхоз
«Кронштадтский»
Ленинградской обл.

■

Мы все спорим и спорим, как приватизировать так называемую социалистическую собственность, хотя на самом деле давным-давно растащили ее по личным закромам. Если кто и не ворует, то видит, как другие воруют, знает, к кому обратиться, чтобы «достал». На днях знакомая отделочница сказала: «Десять лет покупаю мясо у одного мужика из подсобного хозяйства — и ни разу он не попался». А попросил немного цемента трубу замазать, так она целое ведро принесла.

Ведрами, тачками, грузовиками, вагонами... Каждый день на протяжении семидесяти лет таскаем и никак перетаскать не можем. То ли государственная собственность неиссякаема, то ли государство — это действительно мы? Из кармана в карман перекладываем. Вот и думаю: какие бы формы ни придумывали, все равно ничего не изменится, пока мы сами не изменимся.

Можно, конечно, встать в позу, возмутиться: это что, у нас страна воров, что ли?

Может, в том и беда, что воровать-то, оказывается, выгодно. Украл на 7 тысяч, доказали на 300 рублей — эту сумму и возместил. Далее положительная характеристика, передача виновного на поруки. Кругом свои!

Можно, конечно, укрепить, ужесточить, возместить, посадить. У каждого станка поставить по милиционеру. Но возрастет ли от этого производительность труда? Прибавится ли товаров?

Не получится ли то, что уже было: большой лагерь строгого режима, где одни работают, другие охраняют, третьи распределяют? Но главная-то причина останется. У нас ведь все, как в детдоме: о тебе заботятся, выделяют, а все равно плохо. Все чужое, не твое...

Не оправдываю женщину, выносившую за пазухой буханку хлеба с комбината. Но кто-то же положил ей за труд нищенскую зарплату? Порядок этот настолько исказил наши нравы, что и там, где работники стали собственниками своих предприятий, все равно тащат.

Много еще воды утечет, пока все в нашем сознании встанет на свои места.

В. РОСЛОВ
Святогорск

■

С доверием отношусь к журналу «Огонек» и надеюсь, что это письмо прочитает и Гавриил Харитонович Попов.

Меня тревожит отношение мэра Москвы к вопросам земельной политики и к самой идее слияния Москвы и области. В чем смысл этого: жителю области предоставится почетное право стоять в московских очередях за продукцией, которая производится в подмосковных селах?

Я, проживая на территории свиноводческого совхоза, ни разу не видел в местном магазине мяса по государственным ценам. И вообще непонятно, почему на селе цены выше московских? Затраты на перевозку меньше, а цены выше... Но это еще не все. Чтобы купить промтовары, надо сдать мясо, фрукты или овощи. О деревенском жителе никто не думает. Считается, что он зажиточный, с него можно драть. А откуда взялась эта зажиточность? Деревенский житель, отбыв восьмичасовую барщину на госпредприятии, не сидит у телевизора, а идет обрабатывать свой надел. Иначе ему не прожить. И вот за эту тяжелейшую работу и прозвали селянина рвачом, хапугой и т.п. А государство еще награждает коммерческими ценами и обязательством сдавать излишки на промтовары. Но какие же на 15 сотках излишки? Да и вообще — нельзя хорошо делать два дела: отбывать госповинность, а потом обрабатывать землю. Земля требует полной отдачи. К чему все это я пишу? Хочу, чтобы вы поняли наконец, что, раздав подмосковные земли горожанам, вы ничего не добьетесь. О каких урожаях тут может идти речь?

И еще один немаловажный фактор. Вы что же, надеетесь, что областные жители будут молча терпеть, видя, как гробят их землю, как раздают ее направо и налево? Отнюдь нет. Уж если москвичи так воспылали любовью к земле, может, им вернуться в свои, брошенные когда-то деревни?

Москвичам — привилегии: берите землю, ведь за нее с вас ничего не требуют. А сельскому жителю, чтобы получить землю и разрешение о постройке дома, нужно писать заявление о передаче квартиры после постройки дома сельсовету. Но чем отличается особняк на дачном участке от дома крестьянина? Чем отличаются права на землю горожанина от моих прав на эту землю, на которой жили мои предки?

Может, все-таки дать землю тем, кто ее хочет обрабатывать и умеет это делать. И не 15 соток, а столько, сколько нужно крестьянину, чтобы не отбывать постылую повинность. Вот тогда земледелец и себя накормит, и горожанину привезет.

А сейчас ваша политическая кампания по наделению горожан землей очень напоминает антиалкогольную кампанию. Тогда рубили виноградники, а сейчас рубят леса и распахивают пастбища. Уж вам-то как экономисту надо бы знать последствия этого нашествия.

А. МЕТЕЛИЦЫН
Ногинский район Московской обл.

■

В № 29 «Огонька» опубликована статья Вл. Солоухина «Не наливают новое вино в старые мехи»... Не буду оценивать статью в целом, внутреннюю пружину, подвигнувшую Солоухина на ее написание,— это сделают, я уверена, люди, более знакомые с его деятельностью. Но об искажении фактов я должна сказать.

Цитирую фразу из статьи: «Мать писателя Ю. Трифонова была, говорят, комиссаром чоновских войск, участвовала в расказачивании». Все в этой фразе ложь. Никто из родственников писателя Ю. Трифонова, моего брата, не был ни комиссаром чоновских войск, ни бойцом.

Наша мать, Е. А. Лурье-Трифонова, 1904 года рождения, в период расказачивания была школьницей, позже окончила Тимирязевскую академию, получив диплом зоотехника. Она не только никогда не была комиссаром, но никогда не была и членом какой-либо партии.

Родители наши поженились в 1924 году. Думаю, что оценка отцом действий по расказачиванию будет интересна и Вл. Солоухину. В архиве ЦГАОР хранится доклад нашего отца, В. А. Трифонова, в оргбюро ЦК РКП(б), датированный июнем 1919 года, по поводу политики Донбюро по отношению к казачеству. Привожу выдержки из доклада:

«Огульные обвинения казаков в контрреволюционности являются, конечно, плодом незрелого размышления... Ошибки, граничившие с преступлениями, совершенные нами на Дону... осложнили положение... нужно твердо и определенно отказаться от политики репрессий по отношению к казакам вообще».

В письме к старому другу отец выражается еще более эмоционально: «На юге творились и творятся величайшие безобразия и преступления, о которых нужно во все горло кричать на площадях» (Архив А. А. Сольца).

В статье Вл. Солоухин, многократно повторяя фарисейскую фразу Сталина «дети не отвечают за отцов», фактически призывает требовать именно от детей ответа, покаяния. Должен ли сам Вл. Солоухин покаяться за многие широко известные свои действия, например, за участие в травле Б. Пастернака? Или, следуя его логике, за его действия должны каяться его дети и малолетние внуки, а он сам, взрослый человек, будет продолжать лгать и фарисействовать?

Т. В. ТРИФОНОВА
Москва

■

Я, Локерман Н. Р., обращаюсь к вам с необычной просьбой: оказать помощь в выезде за границу на лечение. Мое заболевание у нас не лечат. Заболевание, которым я страдаю, редкое. Диагноз: миопатия, которая поддается лечению в США. Здесь я обречен. Но у меня нет валюты. Мои предки всю жизнь платили в бюджет и никогда не болели. Где их деньги? Вот на Кубу валюта есть, а для больного человека — нету. Может, кто-то у нас или на Западе поможет мне поехать на лечение в США? Я верю, что еще могу выздороветь. Но я устал в этом бардаке жить, стучаться в двери зажравшихся плутов, которые отгородились от своего народа стеной лжи и равнодушия.

Н. ЛОКЕРМАН,
Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 5, кв. 123

■

На нашу воинскую часть выделили несколько литературных приложений к «Огоньку». Естественно, что мы распределили их между подписчиками журнала. Но начальник отдела подписки Макарова заявила, что нам литприложения не положены, так как они будут распределяться только подписчикам газет «Красная звезда» и «На боевом посту». Макарова уверяла нас, что у нее есть распоряжение вышестоящего начальства.

Распоряжения сейчас пишут многие. Но читателям «Огонька» от этого не легче.

В. МАРТЫНЮК,
воинская часть
Чита

■

Хочу рассказать об оригинальном способе наполнения городской казны.

Суть дела в следующем. У нас, как и в других городах, имеется единственная возможность не ходить голодными и босыми — это покупать продукты и товары на рынках. Но если продовольственные рынки давно уже функционируют, то вещевого пока нет. Тогда городские власти решили выйти из положения так. Оградили 400 кв. метров забором и стали брать плату с граждан, желающих попасть на эту площадку. Ну ладно бы для продавцов, но фокус в том, что вход стал платным и для покупателей.

На вопрос «За что берете?» милиционер сначала пригрозил опустить в подвал, а затем объяснил, что на вырученные деньги будет благоустраиваться этот загон.

Инициатива городских властей, видимо, будет совершенствоваться. Ведь если за погляд на обнесенной забором площадке берут рубль, то почему бы за посещение «Универсама» с импортным оборудованием не брать 5 рублей?

А может, я не прав и вполне допустимо брать деньги и за вдох, и за выдох?

М. ФАБРИКАНТ
Саратов

■

Уважаемый г-н Корчагин! Прочел Вашу статью «По следу «Красной полосы» (№ 38). Взгляд, так сказать, «снаружи».

Это же не вертухаи у Вас, а серафимы! Бедненькие, нет у них ничего, кроме резиновых дубинок (не считая карцеров, смирительных рубах, наручников, мстительного голода для зеков, сапог с подковами, которыми они увечат, боксов, где нельзя даже присесть, крутых побоев, полной и безусловной безнаказанности, не перечислишь всего). А у зеков тьма приспособлений, вплоть до иголки...

Неловко поправлять Вас, но слово «вертухай», придуманное не блатными, а политическими в незапамятные «золотые» тридцатые, обозначает не охранника, который от многочисленных забот вертится юлой, а пса охранного, рявкающего на сорокаградусном морозе на загибающихся от холода зеков: «Нэ вэртухайсь, твою трах-тарарах-мать!»

Банду вертухаев не величают, щадя армию, «взводом» или «ротой», но лишь псарней, не иначе.

Не стану цитировать их способы общения с заключенными. Самая «небоскребная» матерщина боцмана торгового парусника покажется песенкой в детском садике рядом с «речью» вертухая.

Я это знаю не из гостевого репортажа: за 12 лет сумел поверхностно ознакомиться.

Верно, попадались приличные ребята (это подтверждают воспоминания от Гинзбург до Буковского и мои собственные наблюдения). Но это не профессионалы, а просто мобилизованные срочнослужащие. Процентов 10, не более. Среди сверхсрочников (т. е. профи), уверяю Вас, не встретил ни одного. Поверьте моему опыту и искреннему пожеланию Вам никогда не делить его ни со мной, ни с кем-то еще.

Тюрьмы, увы, необходимы. Выгребные ямы и сортиры тоже. Но никому не приходит в голову восхищаться ассенизаторами только за то, что они этим занимаются, разве что золотарь спасет тонущего в нужнике ребенка.

Не тратьте сочувственных слов, общаясь с вертухаями, уважаемый господин Корчагин! Право, есть много более подходящих для этого действия тем.

С безусловным уважением

Мих. БЕРЛЯНД,
бывший абориген ГУЛАГа
Москва

■

Я не могу больше молчать. И хочу понять, почему жизнь моя сложилась так, что в девятнадцать лет у меня душа старческая. Бог лишил меня того, что согревает в самые тяжелые минуты,— любви к Родине.

Хочу понять, почему тогда, 19 августа, мое сердце дрогнуло в надежде, что жесткая рука ГКЧП освободит от грязи, в которой тонет Родина. Теперь я презираю себя за это.

Мне всего девятнадцать, но время застоя отложило и на мне свой отпечаток. Потому, что я горячо верила, что «народ и партия едины», верила, что «мы придем к коммунизму». Моим идеалом был Ленин. О, как я горько ошибалась!

Меня учили быть честной и справедливой, а сами забывали про эти принципы, выходя из класса или студенческой аудитории. Это они сделали меня лицемерной и честолюбивой.

И тогда, 19-го, я в первый момент подумала, что, может быть, сила сможет смести со своих постов грязных людишек?

У меня есть мечта. Я хочу уехать в США, развить там окончательно свои способности, разбогатеть и иметь возможность отдавать свои деньги сиротам, инвалидам, своей стране.

Н. МАМЕДОВА
Баку

■

Прочитала о варианте Фокина («Будни после карнавала», № 34). Больше всего мне сейчас хотелось бы посмотреть в его глаза. Горбачев для него не стал примером. А его били: слева, справа, прямо. И сзади, как это делает Фокин. Он свидетельствует сам: «Смотрю на президента по телевизору и вижу ужасно усталого человека, неспособного, похоже, к генерированию новых идей».

Так вот, я не вижу лица Фокина, но презираю его за богомерзкое отношение к утратившему веру и здоровье человеку, президенту моей страны.

Одна американка по фамилии Буш в ответ на телевопрос, не родственница ли она президента Буша, без улыбки и с достоинством ответила: да, мы все родственники своего президента.

Это — достоинство. Это честь. Это — лицо нации. Я не из рода моего президента, но для меня он стал дороже моих родственников. Он положил жизнь свою и семьи на чашу весов, на второй чаше — ложь, бесстыдство, предательство и мы с вами, мелкие, жалкие, самовлюбленные эгоисты. В то время, когда наши руки освобождались для аплодисментов и транспарантов, он делал свое дело. Впервые в истории. Ошибаясь, получая подзатыльники от «свободных духом» фокиных.

Может наступить время, когда мы еще вспомним, за чьей спиной чувствовали себя вольготно. Объективно взгляните на Михаила Сергеевича. Кто его сделал заложником всего мира? Не мы ли с вами?

Э. ЛАДЫЖЕНСКАЯ
Черкассы

■

По мере формирования демократических сил в Советах значительное количество рычагов управления перешло от партийного аппарата к деятелям радикального толка. Но их деятельность не дает положительных результатов. Мафия сейчас имеет возможность купить с потрохами всю исполнительную власть. И нет никакой надежды на свет в конце тоннеля. Куда же податься состарившимся строителям коммунизма? Белые (то бишь Павлов) грабили, местные власти, торгаши всех мастей и просто уличные бандиты грабят. И некому пожаловаться.

А. ЗЫРЯНОВ
Свердловск

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕМОРИАЛ «ИМЕНА» В МОСКВЕ

Летом 1987 года группа молодых американцев приступила к осуществлению проекта создания мемориала жертвам СПИДа, выбрав традиционную для Америки форму коврика из ткани с аппликациями. В ответ на призыв активистов со всех концов страны стали поступать мемориальные полотнища, сделанные руками друзей и родных. Каждый такой «квилт» («лоскутное покрывало») — зримое воплощение любви и памяти о конкретном человеке, унесенном чумой XX века.

Теперь их собрано более 14 000, на каждом — имя. Отсюда название мемориального проекта, ставшего международным,— ведь в нем участвуют уже 26 стран. Десятки тысяч американцев пришли отдать дань памяти, когда проект «ИМЕНА» развернул свою первую выставку прямо на лужайках Капитолийского холма. «Наша главная забота — сделать так, чтобы ни одна личная трагедия не была забыта»,— говорят активисты проекта.

Первая выставка мемориала «ИМЕНА» в Москве, организованная благотворительным фондом «Огонек» — АнтиСПИД» и Объединением художественных выставок и пропаганды изобразительного искусства МСХ, состоится с 25 октября по 31 октября в выставочном зале Дома художника на Кузнецком мосту.

Одновременно пройдет выставка-продажа произведений прикладного искусства в поддержку ВИЧ-инфицированных детей России.

■

Когда журналист ленинградского телевидения Н. Правдюк задал в эфире вопрос: «Могут ли управлять Францией три бразильца?» — имея в виду национальный состав первого Советского правительства, я восприняла это всего лишь как нечистоплотный шаг в политической игре. Не можете же Вы, журналист Н. Правдюк, в самом деле не знать ответ?

В Вашем вопросе отсутствует одно важное слово. Он (вопрос) должен был звучать так: «Могут ли управлять Францией три бразильских гражданина?» На это легко ответить «нет», чего Вы и добивались. Если же три бразильца по рождению являются гражданами Франции, то их расовая чистота может волновать только Вас, ну, и еще господина Ле Пена.

Вообще-то пример Вы привели неудачный, так как «бразильская нация» — понятие такое же относительное, как и «американская». К счастью, слишком различны корни людей, населяющих эти страны, чтобы идеи Ваших единомышленников имели там какую-то почву.

Так что поляки, евреи, грузины и т.д., в компании с русскими узурпировавшие власть в 1917 году, грешные во многом, с этой стороны как раз чисты — все они были гражданами Российской Империи.

Попутный вопрос: почему Вас так взволновала национальная принадлежность именно советских правителей России, а не то, что более 250 лет до этого Россией правили немцы, ибо последним русским по национальности царем был Петр I?

И последнее. Я русская. Сообщаю это специально для Вас, испытывая некоторое отвращение, ибо в цивилизованных странах, на которые Вы ссылаетесь, национальное происхождение человека является таким же глубоко личным делом, как музыкальные или литературные пристрастия.

Не откажите в любезности исправить невинные пробелы в Вашем образовании так же публично, как публично и был задан Вами вопрос, с которого я начала это письмо. Иначе как же согласуется декларируемое Вами уважение к Десяти Заповедям Христа с забвением слов: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской». А Вы пытаетесь соблазнить миллионы.

О. БАКУШИНСКАЯ
Москва

■

Мы, русские, часто оказываемся жертвами собственных ошибок (не зря говорят, что наш мужик задним умом силен).

Октябрь 17-го — перегиб. Надо бы остановиться на феврале. Догадались слишком поздно.

Сплошная коллективизация — еще один перегиб. Мы семьдесят лет строили социализм — военный, скороспелый, развитой, а оказалось — скотский. Боже, не допусти новых перегибов!

А. ЕРМАКОВ
Саратовская обл.

Нина ЧУГУНОВА

БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ

К ВОПРОСУ ОБ ЭКСПЕРИМЕНТАХ НАД ЖИВЫМИ ЛЮДЬМИ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Евгений Кирюшин был призван в армию в 1968-м и вскоре оказался в «учебке» — школе младших авиационных специалистов. Однажды сюда прибыла комиссия... «Строили поротно и объявляли, что будут отбирать для работ, связанных с космосом. Критерий отбора — исключительное здоровье».

— Я всю жизнь мечтал об авиации, а тут космос!

Евгений Кирюшин, Сергей Нефедов и их товарищи чувствовали себя, пройдя чрезвычайно тщательное обследование, сержантами на генеральской должности. Они оказались в Москве. Воинская часть, где им предстояло закончить службу, была необычной частью. Казарма мало походила на казарму. Питались, как летчики. Дедовщина в тех невинных формах шестидесятых здесь была строго пресечена. Командир части — начальник команды испытателей Михаил Алексеевич Лазаренко был замечательным человеком. Увольнительные бывали часто. А что касается работ, то при всей их тяжести они были исполнены духа служения КОСМОСУ, и этот дух воспитывался в молодых сержантах, о которых академик Газенко спустя годы сказал: «Мы имели более-менее гомогенную популяцию людей»,— иными словами, в распоряжении экспериментаторов оказался стандартный человеческий материал.

После двух-, трехмесячной новой проверки здоровья проходил торжественный обряд посвящения: сержантов принимали в отряд испытателей, им «показывали какой-то приказ от 52-го года», они «испытывали сильнейший эмоциональный подъем». Первый эксперимент воспринимался как крещение: «Условия эксперимента: ознакомительная четырехкратная перегрузка, после сразу же — двенадцатикратная, давление растет с каждой секундой, при девяти «ж» бороться уже невозможно, у многих начинались крупные вестибулярные расстройства, состояние было ненормальным еще двое суток, мы отпаивались газировкой».

«Я попал в элиту,— вспоминал Евгений Кирюшин,— нас называли «высотниками», далеко не все выдерживали работу, когда на высоте 40 км надо было в течение двух часов имитировать операторскую деятельность. Людей рвало в маску».

Сергей Нефедов, тоже будущая гордость клинического отдела Института медико-биологических проблем, также в в/ч прошел специфические испытания, правильнее сказать — эксперименты: катапультирование (чего и сейчас втайне страшатся летчики), сурдокамеру (тогда вопрос о том, как прореагирует психика человека на великое одиночество космоса, еще стоял перед исследователями, в сурдокамере каждый шорох начинает ощущаться, как гром, причиняет почти физическую боль)...

В этом военном институте не обходилось без неприятностей. На катапульте повредил позвоночник Богдан Гук, уволенный после из в/ч с орденом. Евгений Кирюшин считает, что «из каждого набора люди ломались, и тогда вручались два-три ордена: два-три человека возвращались героями домой, выдавались и медали», но «только один ушел по собственной воле». Космическая эйфория усиливалась секретностью. Когда одному из испытателей (кажется, это был Роман Шор из Киева) девушка приписала в открытке: с космическим приветом,— парня отчитали на построении.

Списанные по медицинским показателям — в этих случаях туманно говорили: у тебя что-то с желудком (так было с Валентином Щербаченко из Ростовской области)— не воспринимали обстоятельства досрочного дембеля как трагические и ехали домой счастливые: они выходили из секретного мира космоса, хорошо послужив ему (когда через железные ворота института все-таки проникла западная кинокомпания, стремившаяся снять фильм о подготовке космонавтов, сотрудники были срочно переодеты в белые халаты, так что киношники не увидели ни одного мундира... да они вообще ничего не увидели! Будущего директора ИМБП Газенко они попросили усесться на центрифугу: им хотелось живости).

В в/ч «испытания» делились на престижные и непрестижные.

Престижной была невесомость — ее имитация в условиях земли.

Можно предположить, что через военный институт авиационной (впоследствии космической) медицины прошло более тысячи физически одаренных парней, безусловно, цвет народа (Евгений Кирюшин убежден, что в испытатели попадали, пройдя через многократные проверки, люди «чистые душой, верящие, преданные»).

Здесь, в в/ч, они узнали, что такое эксперимент на пределе. Сергей Нефедов вспоминал: «Вот пример: мы должны были отработать ситуацию приводнения корабля в незаданном районе где-нибудь в Индийском океане и там пробултыхаться в условиях неограниченной жары, неограниченной влажности и ограниченного потребления воды и пищи. Еда для меня почти неприемлемая — сладости в спецнаборах,— и литр воды на сутки. Начали мы лихо. А закончили: один на полу в поисках хоть какой-то прохлады, а другой — это я — сидя в кресле и пытаясь работать. Но трое суток прошло, и было ясно, что это можно перенести. В этом эксперименте меня видела моя будущая жена».

(Их будущие жены были лаборантками, и они потом прекрасно представляли себе, что происходит у мужей в институте.)

Отслужив, сержанты-авиамеханики возвращались на гражданку, жизнь их складывалась по-разному, но иным судьба давала «счастливый шанс» вернуться в юность, к «работе на космос»...

В «Известиях» за 1963 год была помещена фотография Миши Ходжакова, члена клуба юных космонавтов. Потом клуб как-то распался. Миша поступил в вуз. И вдруг услышал о каком-то институте, об испытателях, и его потянуло несбывшееся, детская мечта...

В клуб при Дворце пионеров на Ленинских горах иногда заходил Олег Георгиевич Газенко, еще не академик и еще не генерал-лейтенант во главе института, но уже большой друг будущих космонавтов.

Лаборантка в/ч Лена, будущая жена Евгения Кирюшина, была тоже из юных космонавтов, она занималась во Дворце вместе с Мишей Ходжаковым, но была в медицинском отряде...

КРАТКИЙ КУРС ИСТОРИИ ВОПРОСА

Мы обязаны ограничить задачи публикации.

История свершений (всегда связанных с предельными нагрузками: все стихии враждебны человеку, иные воинственно враждебны, бунт же их не оставляет иногда и надежды) оставила медицине роль санитара, идущего вослед войску. Отвага и наивность питали путешественников: в море человек брал запасы воды, но на борт ступал в розоватых брабантских кружевах на манжетах бархатного камзола... отвага, наивность, но и спесь, и высокомерие. Врач лечил землянина. Но уже морское плавание предъявило медицине загадки,— как правило, загадки катастроф и смертей заставляли медика задуматься об иной природе иных стихий. Врачу долго доставались рухнувшие с вершин как материал для работы не скальпеля — ума.

Но только полеты человека, догадываюсь, сделались настоящей причиной появления профессиональной медицины, предвосхищающей агрессию стихии.

Так, поскольку враждебность небес превзошла все стихии, полеты на аэростатах продолжались сто лет, прежде чем медики попытались снабдить человека средствами защиты. В авиации без медицинской защиты летали всего 15—20 лет... Но «самое дальнее небо» уже не обещало медикам опыта беззащитного плавания как материала для размышлений. Человека надо было оградить прежде, чем он стартует.

Космическая медицина имеет свою историю и уважаемые имена, свои трагедии и своих героев-первопроходцев. Основополагающим открытием была догадка Циолковского: сама по себе скорость не опасна, опасно лишь ее изменение во времени. Так была определена задача космической медицины: поиск пределов переносимости.

Чрезвычайный интерес медиков к воздухоплаванию сопровождался чрезвычайной заинтересованностью в их исследованиях военных: первое военное применение авиации помечено 1911—1912 годами, то есть кануном войны — тогда надо метить и стремление военных оттеснить врача от пилота или нанять врача на военную службу (что иногда есть одно и то же).

В 20-е годы в военно-медицинской академии проводились опыты на животных, близкие целям будущей космонавтики. Существовал научно-исследовательский санитарный институт (НИСИ РККА), где работала комиссия по допуску пилотов к полетам (руководитель ее был застрелен летчиком, забракованным комиссией, этот факт, на мой взгляд, подтверждает силу идеологии, не признающей за медициной права на безапелляционные суждения, опровергнуть медика считалось доблестью волевого человека). С 1937 по 1941 год существовал институт авиационной медицины имени Павлова, неоправданно закрытый на время войны и заново учрежденный в 1947-м.

Первая наша центрифуга была трофеем германского производства. Война заканчивалась, когда стало известно местонахождение немецкого ракетного полигона. В Пенемюнд понеслись Королев и другие, так было вывезено оборудование (американцам достался Вернер фон Браун, отец ФАУ-2, раненный во время бомбардировки Пенемюнда). Наши первые ракеты появились в 1948-м. Не медикам, а военным техникам принадлежит идея посадить в отсек, предназначенный для боевого заряда и прежде заполняемый метеорологическими приборами, какое-либо животное. Первый опыт, строжайше засекреченный, осуществился, видимо, в 1951 году.

Вернер фон Браун заявил в 1951 году, то есть на заре практической ракетной авиации, что основной вопрос развития ракетной техники — сможет ли эти условия перенести человек. Так был сформулирован новый военный заказ медицине непредсказуемых ситуаций и враждебных стихий.

Начало «холодной войны»... В США в Белых песках запускаются новые ФАУ-2, в СССР, в Капустином Яре, ведутся опыты по созданию баллистических ракет, нужна была такая, что «способна трахнуть по Вашингтону»... но 1957 год был «геофизическим годом Земли», годом Циолковского и годом молодежного фестиваля: Королев заявил, что мы близки к запуску спутника. Так произошло частичное рассекречивание наших исследований, наши ракеты, по рассекречивании, должны были неминуемо называться «геофизическими».

Космос стал «мирным» благодаря стечению обстоятельств.

Первая группа испытателей появилась у нас в 1948 году, она состояла из военных: военных врачей, участников собственных экспериментов, и военнослужащих — и была предназначена для испытаний в области ракетной авиации. Есть сведения, что по этому поводу издавался специальный приказ, инициированный, между прочим, и неудачами в небе Кореи.

В корейском конфликте участвовали МИГ-15, американцы использовали «Сейбры», имевшие сравнительно с МИГами лучшие маневренные характеристики. Превосходство янки имело и другую причину: «серая пелена», с которой столкнулись еще летчики второй мировой, внезапно терявшие сознание при выходе из глубокого пике, этот бич реактивной авиации, в Корее уже не представляла угрозы — американцы имели противоперегрузочный костюм.

Академик Олег Газенко, участник корейского конфликта, запомнил «малого по фамилии Мюллер, сбитого нами, его самолет был украшен в носовой части нарисованной пастью акулы: тогда я впервые увидел этот костюм».

В Корее американцы имели и еще одно преимущество, признаваемое нами с неохотой. Их летчики не боялись «заходить» над морем. Они имели все основания считать, что в случае катастрофического катапультирования для их спасения предусмотрено все. Наша военная идеология пренебрегала особым состоянием духа, обеспечиваемым уверенностью в безопасности, и в рискованном полете советский мужественный летчик опирался на вдохновение камикадзе... но разве иное чувство вело нас в смертный бой все наши годы великих свершений?

Через пятнадцать лет от института авиационной (космической) медицины отделился особенный НИИ, призванный служить космосу, новому учреждению досталось примерно 85 процентов «космических» тем.

В 1970 году полетел «Союз-9» с Севастьяновым и Николаевым. До них летали считанные сутки, самое большое пять. Американцы достигли предела в 14 суток. Наших ребят после окончания 18-суточного полета вынесли из спускаемого аппарата на руках... Так за предельными перегрузками взлета и посадки возник целый комплекс проблем, связанных с длительным пребыванием человека в космосе.

Западные державы, ведущие исследования в области космической медицины, не имели в распоряжении научных и военных центров профессиональных испытуемых.

У нас такие группы были всегда. Самая многочисленная — в 70-е годы. Это были самые бесправные покорители космоса.

ПАРНИ С ПЛАКАТА

...Разные судьбы Сергея Нефедова, Евгения Кирюшина, Виктора Волкова, Юрия Савочкина, Михаила Ходжакова... и Михаила Гришкова, и Саши Огурцова — не очередной повод воскликнуть: что они сделали с нами! Не только это.

Я прежде хочу указать на них как на последних поэтов нашей обиженной державы.

Они продержались дольше всех на высшей ноте ликующего государственного гимна мертвого государства.

Как весело жили, помните? О космосе, нашем позднем дитяти, вспоминали в конце застолья, когда лучше шли анекдоты. О космонавте Ремеке и обезьяне. О москалях, что улетали в космос «уси». «Космическая серия», как и весь советский народ, к космосу не имела никакого отношения... А народ был ли когда еще более советским, свойским, теплым и родным, одинаковым, на все имеющим один короткий ответ, здоровье тратившим с щедростью забулдыги и от чистоты помыслов берегущий детей, как от сглазу?

Здоровых не было. А если появлялись, как чудачество природы — само-то знали, на что здоровье употребить, на что — здоровый дух?

Держава всегда знала.

«Испытатели космоса» были в державе самый последний покос.

От прежних, в истории воспетых, под корень стригших поросль чистых и молодых, этих отличала простота. Не было песен, фильма о первом встречном, стенда в музее великого почина, угла в павильоне на ВДНХ. И железному НАДО не нужен был Владимир Ильич Ленин. И партия не нужна.

Тайна и космос.

А больше и не на что было покупать. Это были и «последние поэты» — парни, сошедшие с плаката.

НАЧАЛО КОНЦА

«Перед экспериментом мы подписывали карту испытателя, подписывали порой в конце эксперимента всем скопом. Когда случилась клиническая смерть на тренажере, ввели странную форму заявлений: «Я, такой-то, прошу на добровольной основе...» «Это было всем смешно...»

«В СООТВЕТСТВИИ С ДИРЕКТИВНЫМИ ДОКУМЕНТАМИ»

«Я пришел из армии в двадцать пять лет, сразу женился и получил квартиру: одни пустые стены. После окончания техникума связи получал 115 рублей. Родилась дочь. Тут мне позвонили и говорят: Федорович, ведь ты же спортсмен!

Так я попал в институт. Комиссию прошел — как ласточка и сразу же попал на сорокадевятисуточную гипокинезию.

Денежный фактор отрицать не буду: пообещали по триста за эксперимент, включая месяц входа и месяц на реабилитацию. Потом были разные эксперименты за пять лет работы, но первый был до того тяжелый! Голова разрывалась. Думал: убегу. Но на четвертый день лежания стало полегче, только вместо мочи пошел кальций.

Впрочем, отношение наше к собственному здоровью было легким, беспечным. Ну, скажем, я знал, что у меня прыгает давление... Те, кто за себя боялся, те уходили. Конечно, мы чувствовали риск. Зато мы знали всех гражданских космонавтов. Савицкая и другие девочки. Серебров. Савиных. Когда начинался шестимесячный эксперимент, нам сказали, что мы идем непосредственно перед космонавтами. И тогда ведь Гречко полетел на четыре месяца.

Мы всегда старались довести эксперимент до конца.

Когда нам вводили изотопы — йод-132, то говорили, что это «не страшно». Много лет спустя, по чернобыльским информациям, я узнал, что йод-132 выводится в течение семи лет.

Я тогда считал, что есть врачи порядочные, человечные, а есть бесчеловечные, которым лишь бы получить результаты. А на нас им наплевать.

В одном эксперименте у меня случился аппендицит, и он разлился, а перед этим я отработал на велоэргометре часа полтора и закончил с частотой пульса 216. Я помню, что экспериментаторы переглянулись, мне уже было плохо, у меня быстро взяли кровь, прибежала чудесная врач, и меня положили на стол оперировать. В реанимации я пролежал два дня.

Наша группа испытателей, как я понимал, числилась в институте нелегально. Эксперименты проводились то в одном месте, то в другом, они выпрашивали помещение у клиник.

Иногда с нами работали психологи, но мне они не нравились и толку от них не было: они все расспрашивали о сексвлечениях.

Первый раз, вернувшись с эксперимента, я жене ничего не сказал, а потом приходил, улыбаясь, и стал ее готовить к такой мысли, что все это очень весело.

Зондирование сердца было моим последним экспериментом.

Пока я лежал и ждал своей очереди, люди спокойно приходили и уходили, но я, как только прошел зондирование, почувствовал холод в икроножных мышцах. Я пожаловался. Была срочная операция на Волоколамке, оказалось, что у меня образовался тромб. Десять суток я провалялся и понял, что случай мой тяжелый: нога бездействовала. Тромб был в три сантиметра. Больница, где меня оперировали, не была специализированной. Однажды я открыл глаза под капельницей и увидел пузырек воздуха в 15 сантиметрах от иглы...

У Саши Маркелова после биопсии мышечной ткани тоже были неприятности, образовалась гематома, он лежал три недели...

Все же с тромбом у меня получилось удачно, зашили мне артерию. Но дальше, как я понял, никто за меня ответственность нести не хотел. А ввиду секретности и больничный мне они выдать не могли, так что я, отлежавшись, пошел по месту жительства, где на меня взглянули как на бешеного.

У меня от всех этих лет осталась похвальная грамота».

(Из рассказа бывшего механика Института медико-биологических проблем Юрия Савочкина.)

«На центрифугу я ходил с Женей Кирюшиным и с Сережей Нефедовым. С Женей в паре часто работал Миша Ходжаков, он был внештатником, студентом, но был лучше иного профессионала...

Центрифугу вы, конечно, видели в кинохронике, одно время ее часто показывали. Тебя размазывает, как блин. До восьми «ж» еще можно дышать полной грудью, после только животом: человек не в силах был бы разомкнуть сложившуюся на выдохе грудную клетку.

Мы старались не прерывать эксперимент, это было вопросом порядочности. В тот день, когда я перекатался, я, конечно, мог отказаться от вращения, поскольку и врач меня спросила: «Вы что такой?» «Не выспался»,— ответил я. Я довел вращение до конца.

С 1970 по 1972 год я ходил на перегрузки, на высотные эксперименты в барокамере.

Когда ходили на декомпрессионку, то нам делали отмывку гелием: гелий, замещая в организме азот, предупреждает расстройства типа кессонной болезни. От взрывной декомпрессии погибли наши трое космонавтов. Все это было интересно. Никто не знал, каким будет итог. В 1972-м у меня родилась дочь (жили тремя семьями в двухкомнатной квартире) — и сразу же я перекатался... Я задержался на «десятке» сверх положенного времени, но довел вращение до конца. Слабость была сильная, я вспотел как мышь. Мне не дали встать, повезли в клинотдел, ничего не сказав, я пролежал три дня и был отправлен в клинику Института физкультуры, где при мне уже открыто говорили о блокаде... Это означало, что я посадил сердце. В клинике я проходил как спецконтингент, как бы из отряда подготовки космонавтов.

Потом меня отправили в Ермолово в дом отдыха, жена после родов лежала в больнице, а ребенок начинал жизнь как беспризорный, то у одной бабушки, то у другой, они все работали. А 16 апреля мне сказали: переходи в техники на свои сто рублей.

Я ушел. Никто не позвонил мне, не поинтересовался. В самом начале работы в институте я стал учиться на заочном в МИРЭА. Перед сессией у меня образовались хвосты по французскому, а надо было идти в эксперимент, меня торопили, и я попросил заступиться за меня в МИРЭА, объяснить. Когда я вышел из эксперимента, меня уже отчислили.

...После окончания эксперимента, когда уже и дверь открыта — можно выходить! — эти 15—20 минут такая эйфория. Ты отработал честно.

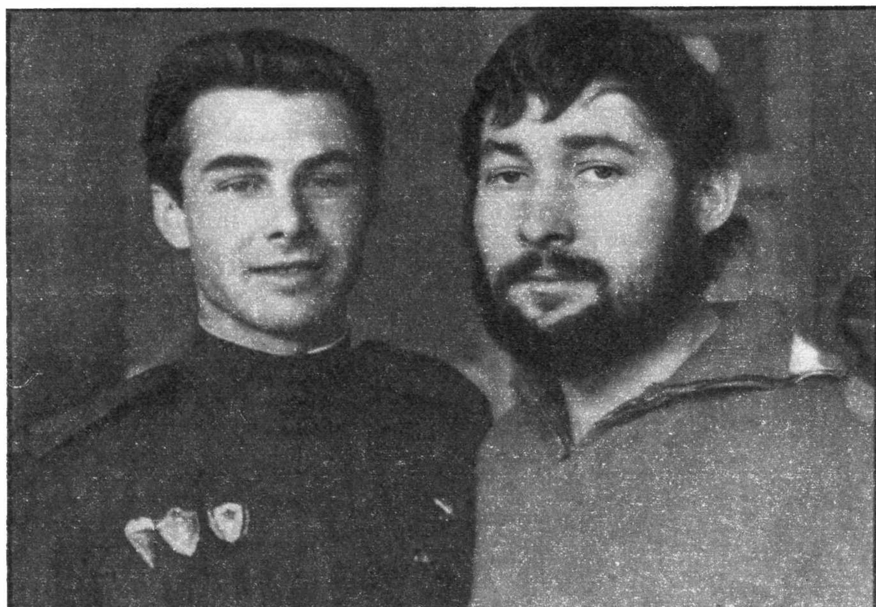
Я не хотел об этом вспоминать. Я не знаю, сколько докторских, сколько кандидатских и дипломов было защищено на материале наших экспериментов.

Тех, у кого уже был «фон», старались убрать, избавиться от них. В связи с этим началось нехорошее...»

(Из рассказа бывшего механика Виктора Волкова.)

«Тов. Гришкову М. И. Уважаемый Михаил Иванович! По поручению Секретариата Президиума Верховного Совета СССР Министерство здравоохранения СССР внимательно рассмотрело Ваше письмо и сообщает следующее. Ваше заболевание (рассеянный энцефаломиелит), по поводу которого Вам дана инвалидность 2-й группы, не связано с Вашим участием в проводимых Институтом медико-биологических проблем исследованиях и испытаниях в качестве испытателя-добровольца. Помимо того, в соответствии с имеющимися директивными документами, за участие в указанных исследованиях и испытаниях Вам были выплачены денежные вознаграждения...» **(Из письма зам. начальника Третьего главного управления при Минздраве СССР.)**

Фотоархива «испытателей» не существует. Есть любительские снимки. Одна фотография предоставлена нам Люцией Коцан (о судьбе ее мужа, Романа, она рассказала в письме — «Огонек» № 7 — 1991 г.). На другой — Сергей Нефедов. Все молоды, здоровы...

(Окончание в следующем номере.)

Павел НИКИТИН

Осторожно: ГекаЧекисты!

ЗНАЛ ЛИ КГБ СССР О ГОТОВЯЩЕЙСЯ ПУБЛИКАЦИИ В «ШПИГЕЛЕ»?

Чему радуемся? Откуда столько злорадства? В капкан попались злодеи, мешающие жить? Мерзкие, подлые людишки?

Вспомним 21 августа, когда каждое движение бровей кремлевских заговорщиков еще подобострастно ловилось окружавшей их челядью.

Не было ясно, кто победит.

В вечерней тьме во Внуково шла малюсенькая, всего в несколько автомобилей колонна. Замыкал ее автобус с автоматчиками, а возглавляла черная «Волга» с Генеральным прокурором РСФСР Валентином Степанковым и его заместителем Евгением Лисовым. Они ехали арестовывать путчистов. И не знали, что ждет их, на всякий случай готовясь к яростному сопротивлению охраны кремлевских заговорщиков.

Они понимали, что действуют на грани закона. Санкцию на арест руководителей страны по всем правилам должен был бы дать Генеральный прокурор СССР Н. Трубин. Но он отказался сделать это под предлогом того, что надо посоветоваться с Президентом. Прокурор страны выжидал, ситуация же требовала крайних, чрезвычайных мер. Российская прокуратура отважилась на них. Заместитель Генерального прокурора РСФСР Евгений Лисов вынес постановление на арест гэкачепистов. Под санкцией на арест подпись поставил Генеральный прокурор РСФСР Степанков.

Когда Ельцин «для разрядки» подпишет Указ о приостановлении деятельности компартии на территории РСФСР, а Президенту СССР ничего не останется, как распустить ее, Генеральный прокурор СССР, боясь потерять момент, торопливо произведет серию ночных арестов оставшихся к тому времени на свободе заговорщиков — фигур второстепенных. Рвения было много — эффект же, произведенный на общественное мнение, равнялся нулю. Аресты не принесли ни доблести, ни славы. Их никто и не заметил. Но результат все же был: создалась парадоксальная ситуация — следствие по одному и тому же делу теперь вели два ведомства, союзная и российская прокуратура. У тех и других были арестованные.

Общественность не желала, чтобы главную скрипку в расследовании заговора играл Н. Трубин, законник, оправдавший вооруженное вмешательство в Новочеркасске, Тбилиси и Вильнюсе.

После длительных тяжб, с большой неохотой, только под нажимом сложившихся обстоятельств Трубин передал дело вместе с арестованными Лисову, который стал руководителем бригады по расследованию государственного заговора.

Сегодня газеты буквально кричат с первых полос: «Если продавать показания путчистов, есть смысл устраивать перевороты чаще!» Это крик в адрес Степанкова и Лисова. Какая короткая память! Неужели кто-то всерьез верит, что те, кто вчера переломил ход событий в пользу демократии, сегодня будут лить воду на мельницу уже готовящегося второго переворота?

Допускаю — с большим сомнением и оговорками,— что в следственной бригаде мог найтись предатель, клюнувший на горстку «зеленых». Но если даже таковой отыщется, никто не поверит, что случившееся дело рук одиночки,— даже те, кто сегодня исходит криком. Каждый здравомыслящий понимает: разразившийся скандал — аргумент в политическом противостоянии.

Все, что вы узнали от «Шпигеля», не было новостью; то, что путчисты закладывали за воротник, нам уже сообщали не раз. Что на «организационном» заседании ГКЧП присутствовали Бессмертных и Лукьянов, тоже не секрет. Министр об этом рассказал в многочисленных интервью, глава парламента — с высокой трибуны Верховного Совета СССР. О роли в Форосской акции Болдина, Варенникова, Бакланова, Шенина поведала словоохотливая свита Президента. А сам Президент обо всем пережитом уже умудрился написать книгу, которую готов опубликовать на Западе.

Сенсацией (на это и расчет) является одно — материалы в «Шпигель» утекли из святая святых — следственных архивов. Невозможно вернее ударить по следствию! И вот уже раздаются торопливые речи об отставке.

Сценарий до боли знакомый. Точно так же развивались события вокруг «узбекского дела». Сначала — кампания по дискредитации следственной бригады Тельмана Гдляна, затем — ее отстранение. Завершающий этап — передача дела в КГБ, где оно благополучно разваливается.

Отработанный механизм приводят в действие все те же силы. На это, в частности, указывает полученная «Огоньком» от компетентного источника ошарашивающая новость: оказывается, КГБ знал о готовящейся публикации в «Шпигеле». За два-три дня до выхода сенсационного номера Генеральному прокурору РСФСР Степанкову, по нашим данным, позвонили из аппарата Президента СССР и со ссылкой на КГБ сообщили, что «Шпигель» вот-вот начнет печатать стенограммы допросов гэкачепистов. А в КГБ не только подтвердили сказанное, но и назвали... фамилию советского гражданина, который предположительно вывез видеоматериалы на Запад.

Чекисты, как всегда, оказались в «курсе». Остается лишь задаться вопросом: если они знали об утечке, почему не предотвратили ее? Неужели нельзя было принять какие-то меры хотя бы после того дня, когда оглушающая новость стала известна «виновникам торжества« — российской прокуратуре? Речь не о том, чтобы бросить на штурм «Шпигеля» известную «Альфу», есть дипломатические и прочие каналы. Ведь похищены важные документы, от которых во многом зависит политический климат в стране.

И неизбежный в данной ситуации вопрос: была ли выгодна эта утечка Президенту и службе безопасности? Публикация в «Шпигеле» давала шанс приручить, сделать послушной следственную бригаду, а быть может, даже вывести ее из игры. Сколько можно терпеть вызовы на допросы, потрошение документов, бесцеремонное заглядывание в тайники!

Следственная бригада, к примеру, обнаружила материалы, указывающие на то, что КГБ не без ведома аппарата руководства страны длительное время осуществлял прослушивание телефонных разговоров лидеров демократических сил страны, народных депутатов РСФСР и СССР. Чтобы хоть как-то спасти свою репутацию, КГБ, несмотря на категорический запрет следствия, сообщил прессе о находке, тем самым надеясь предстать в глазах общественности организацией, решительно порывающей с прошлым. А заодно и поставить в известность о ЧП своих бывших коллег, находящихся в «Матросской тишине». Не успел отшуметь этот скандал — грянул второй. Следственная бригада в одном из сейфов ответственных работников КГБ обнаружила ксерокопию истории болезни Ельцина. С какой целью отнюдь не в медицинском учреждении хранились документы о здоровье руководителя России? Как они попали сюда?

Расследуя дело ГКЧП, следствие постоянно ставит вопросы, ответы на которые крайне затруднительны как для КГБ, так и для Президента, бывшего генерального секретаря КПСС. Как деньги КПСС оказывались в зарубежных банках или были инвестированными в коммерческие предприятия, в том числе и СП? Как средства вывозились за границу? Почему, когда народ нищенствовал, КПСС отправляла миллионы долларов на содержание зарубежных коммунистических партий? По каким каналам шла валюта?

Публикация в «Шпигеле» снимает много проблем. Она, в частности, пусть на какое-то время, но остановит падение рейтинга Горбачева в стране, ибо окончательно поставит крест на мифе о том, что якобы Президент страны был главным сценаристом августовских событий. В показаниях гэкачепистов Горбачев предстал человеком с мужественным, непоколебимым характером.

Рано или поздно тайное становится явным. Пройдет время, и мы узнаем, как материалы следствия оказались за рубежом. Несомненно, что за кражей стояли силы, заинтересованные в сохранении такой власти, при которой они «вверху», а все остальные — «внизу». Операция «Утечка» — это можно сказать с большой долей вероятности — проведена в первые недели следствия, когда следственная бригада не имела достаточных условий для сохранения тайн, так как работала в разных зданиях. «Заинтересованные силы» знали о каждом шаге следствия. Многое указывало на то, что телефоны прослушивались. В «Матросской тишине», в комнатах следователей было обнаружено без малого двадцать потайных микрофонов — «клопов». И никто не может дать гарантии, что обезврежены все подслушивающие устройства. Может быть, и сегодня каждое слово, произнесенное следователями, становится достоянием все тех же «заинтересованных сил». Не может составить тайны для профессионалов разведки, о чем говорится в здании следственного управления в Малом Кисельном переулке. С каких-то семидесяти метров на него окнами смотрит управление правительственной связи, сверхсекретного ведомства КГБ, начиненного самой современной спецтехникой, способной не только видеть и слышать, но и записывать на расстоянии изображения с экранов телемониторов, причем и напрямую, и опосредованно.

События заставляют задуматься, как может развиваться политическая борьба дальше. Дело ГКЧП будет тормозиться. Время работает сейчас, увы, не на демократов. В помощь высокопоставленным узникам «Матросской тишины» их друзья на воле будут саботировать перемены, осуществлять мероприятия, ведущие к дестабилизации обстановки в стране, параличу власти, чтобы в конечном итоге ввести, уже на конституционной основе, чрезвычайное положение. В таком случае суд над ГКЧП превратится в фарс, заговорщики предстанут перед общественностью как герои, опередившие время.

Остается сказать спасибо «Шпигелю». Но только ли ему?

ОГОНЁК

«ИНТЕРПРЕССФОТО-91»

Владимир Федоренко. АНДРЕЙ САХАРОВ

Юрий Простяков. НА МИТИНГЕ (из серии).

Вячеслав Бобков. ЧЕЛОВЕК И МОРЕ.

Владимир Вяткин. МОТОКРОСС.

Фотокорреспонденты всего мира приняли участие в 15-й фотовыставке-конкурсе в Бразилии, которую организовала фотосекция Международной организации журналистов.
Фотографы нашей страны получили самое большое количество наград — 22 золотые, серебряные и бронзовые медали. Особенно отличились фотомастера информационного агентства «Новости» (ныне Российское информационное агентство) — у них 18 призов. Мы представляем некоторые награжденные снимки.

Олег Ласточкин.
ПЕРЕД РЕСТАВРАЦИЕЙ.

Александр Поляков.
ТАЙМЫР (из серии).

ОГОНЁК

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ДНО ЦИЛИНДРА

Этим летом в Нью-Йорке я слышал голос Оскара Уайльда. Аллен Гинсберг, патриарх битничества и эрудит, прокручивал мне сокровища своей фонотеки.

Через бетонное столетие, сквозь хрип небоскребного города донесся надтреснутый, высокий, тонкий голосок лунного поэта. Среди глубокой дикции Бретона и Аполлинера он сквозил особой пронзительностью своей — пронзительностью страданья. Читал концовку «Баллады Рэдингской тюрьмы».

Возлюбленных все убивают,—
Так повелось в веках,—
Тот — с дикой злобою во взоре,
Тот — с лестью на устах,
Кто трус — с коварным поцелуем,
Кто смел — с клинком в руках!

«Как тонкий колокол звучит,— заметил Аллен,— не как русский ваш, набатный, а тончайший колокольный реестр...»

Я с детства знал наизусть эту балладу в переводе, кажется, Брюсова. В сундуке деда среди подшивок «Нивы» и пыльных томов Кнута Гамсуна и Ростана я нашел эту желтую брошюрку со шрифтом «модерн» на обложке. С первых строк мое сознание было потрясено красным страданием на фоне серых тюремных стен и одежды, которым начинается баллада:

Он больше не был в ярко-красном,
Но он обрызган был
Вином багряным, кровью алой,
В тот час, когда убил,—
Ту женщину убил в постели,
Которую любил.

В одежде серой, сером кепи,
Меж тех, кто осужден,
И он гулял походкой легкой;
Казался весел он...

Да и кто из русских поэтов не попадал под гипноз блистательно-порочного Оскара? Весь Серебряный век нашей литературы носит на себе его лунный отсвет. Бальмонт, Гумилев и Брюсов переводили его.

А муж ваш носит томик Уайльда,
Ваш муж презрительный эстет,—

ревниво пел Северянин и фотографировался на свой «Громокипящий кубок» с челкой и ракурсом «под Оскара». Да и Сергей Есенин примерял уайльдовский цилиндр.

В видиоме моем этот цилиндр денди, сшитый в театральной мастерской, и белая бабочка, закодированная в имени поэта.

Многие читатели упрекают меня за то, что я применяю метод прочтения судьбы через имена лишь к субъектам русской культуры — Ахматовой, Есенину, Мандельштаму, С. Прокофьеву и др. Не свойство ли это лишь нашего языка и видеоряда кириллицы? Подходит ли сей «видеометод» к фигурам западной культуры?

Я взял Оскара Уайльда. В инициалах его «O» и «W» зашифрованы и цилиндрический блеск его судьбы, и тюремная решетка, и голубизна за нею — *«лоскуток голубизны в тюремных небесах»*.

Вы помните, как П. Флоренский в своих «Сновидениях» писал, что Бога мы видим через решетку? В своем детском пророческом сне великий наш философ и поэт увидел свое будущее заточение, соловецкую тюрьму и одновременно свет и произнесенное имя: «Бог». Бога он увидел сквозь ГУЛАГ. Замечу кстати, в моем маниакальном стремлении расшифровать судьбу в именах,— не этот ли смысл закодирован в буквах БУЛГАКОВ? Вчитайтесь: «БОГ ГУЛАГА»... Бог, увиденный сквозь век ГУЛАГа.

Этот духовный свет, выстраданная аскеза и сквозит в «Балладе Рэдингской тюрьмы». Психологический слом, ужасы тюремного дна отняли солнечную палитру у кумира салонов, принца Красоты, носившего цветок подсолнечника в петлице, и сменили структурой духовной. Если раньше эстет резал лохмотья на нищем, чтобы те выглядели изысканно, то теперь поэт видит страдания другого, содрогается за него, может быть, лунно влюбленный в преступного конногвардейца.

Не только тюремное заточение сломало поэта, но и злорадно отшатнувшаяся толпа, боготворившая раньше его — законодателя вкусов и идола, толпа — она всегда толпа и жаждет падения кумира. Да так ли велик был грех поэта, так ли аморален среди дивизий этих убогих моралистов? Так ли уж преступен был Уайльд или собрат его по лунному влечению Чайковский, каждая нота которого чище и выше морали всех его судей?

Инстинкт толпы — растоптать, оплевать свой идеал, чаще это происходит по отношению к художникам — находит разные причины. Другая толпа, в другие времена, по другим тезисам — грязно-политическим — клеймила, прорабатывала и ломала Заболоцкого и Пастернака. Иные тюрьмы ожидали их, одного — лагеря, другого — внутреннее заточение, но результат сломанной музыки был тот же. Прочитайте позднего Заболоцкого. Разве можно узнать автора сочных, мажорно-гротескных, красочных, буйных сюрреалистичных «Столбцов»? Но простота и пронзительная духовная аскеза формы та же, что и у автора Рэдингской баллады. И происхождение то же. Присутствие страдания и Бога, увиденного сквозь решетку. Метафизика страдания.

Вместо гомеричности — интонация-вздох:
Два крыла как два огромных горя...

Сколько надо пережить, чтобы так вздохнуть — по людям, по стране, по своим сломанным крыльям...

Толпа радуется: поэт пришел от головоломности к общедоступной красоте, но какой ценой, личной ломкой костей и души достигнуто это!

Вернемся к британскому эстету.

На нашей странице вы видите портрет Уайльда, выполненный саркастическим скрупулезным пером короля литературного шаржа Д. Левина, давнего постоянного портретиста «Нью-Йорк ревью оф букс». В избранной монографии художника шаржи на нас с ним помещены на ту же самую букву, рядом с вечно детским Энди Уорхолом, а Пушкин заговорщически подмигивает через страницу Марселю Прусту.

В своих пьесах Уайльд предстает блистательным ироничным портретистом. Ровно сто лет назад, в 1891 году, вышел великий роман поэта «Портрет Дориана Грея». Задумаемся над совпадением дат.

Без книги этой, без магической метафоры ее сюжета нельзя представить мировую культуру. Дело не только в литературном влиянии, ну, например, на есенинского «Черного человека». Поэт ищет корень красоты и порока, их взаимосвязь. Сюжет этот прочитывается в судьбах не только отдельных людей, но и наций, но и общественных формаций. Прекрасный юноша, изображенный на волшебном портрете, становится растлителем, подонком, убийцей. Его внешность остается чистой и прекрасной «дивной молодости и красоты». Преступления отпечатываются на портрете. Портрет превращается в отвратительного, развратного старика. Дориан бросается с ножом на изображение. И погибает сам, превратившись в отвратного мертвеца.

Не наше ли общество, погрязшее в преступлениях, изображало себя вечно молодым и прекрасным? Не уничтожение ли лживого портрета убило оригинал, не открылось ли ныне взору отвратительное лицо преступного трупа? А контакты с «аномальным» миром?

«...На полу с ножом в груди лежал мертвый человек во фраке. Лицо у него было морщинистое, увядшее, отталкивающее. И только по кольцам на руках слуги узнали, кто это». Так заканчивается великий роман Оскара Уайльда.

Узнаем ли и мы себя в этом портрете. Неужто и потомки наши будут узнавать себя в нем?

Оскар УАЙЛЬД

ИЗ «БАЛЛАДЫ РЭДИНГСКОЙ ТЮРЬМЫ»

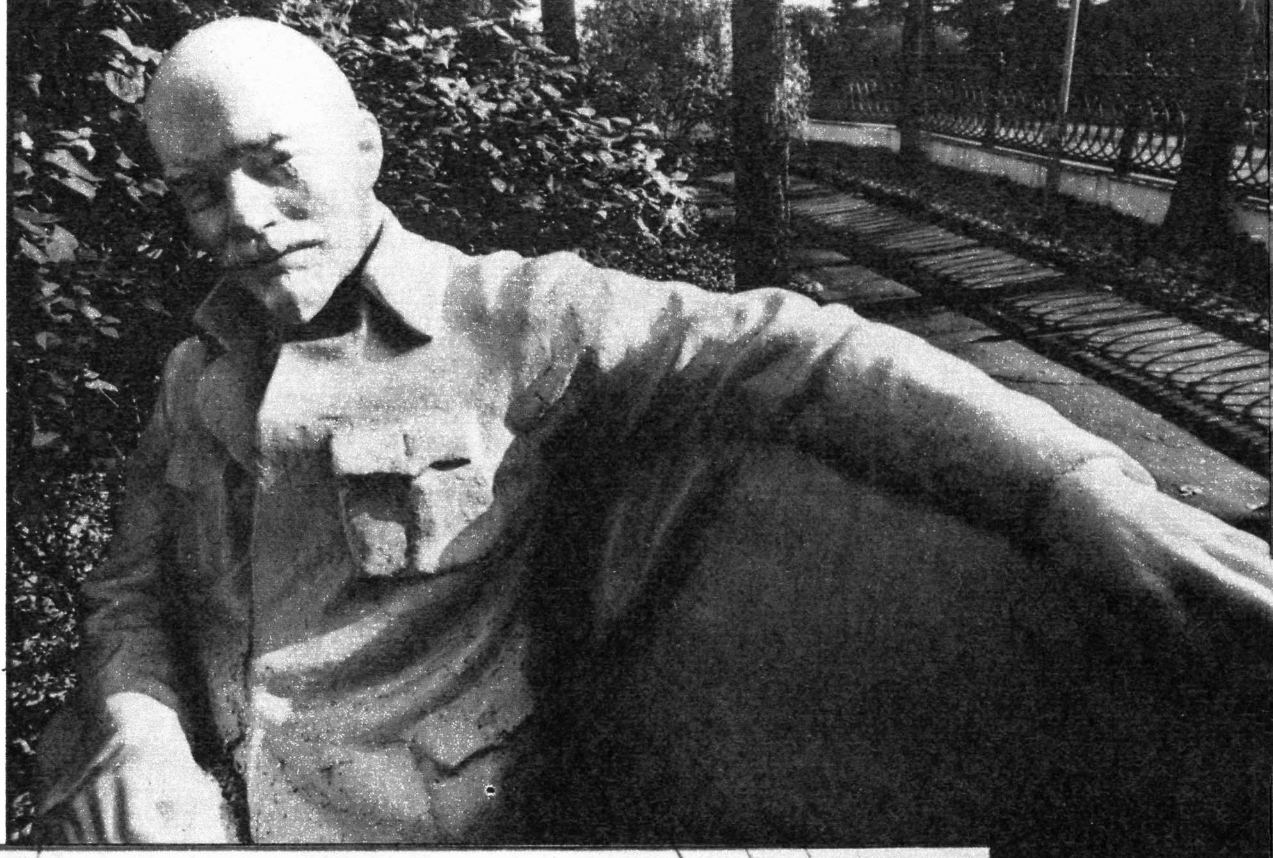
Есть возле Рэдинга тюрьма,
А в ней позорный ров,
Там труп, завернутый людьми
В пылающий покров,
Не осеняет благодать
Заупокойных слов.

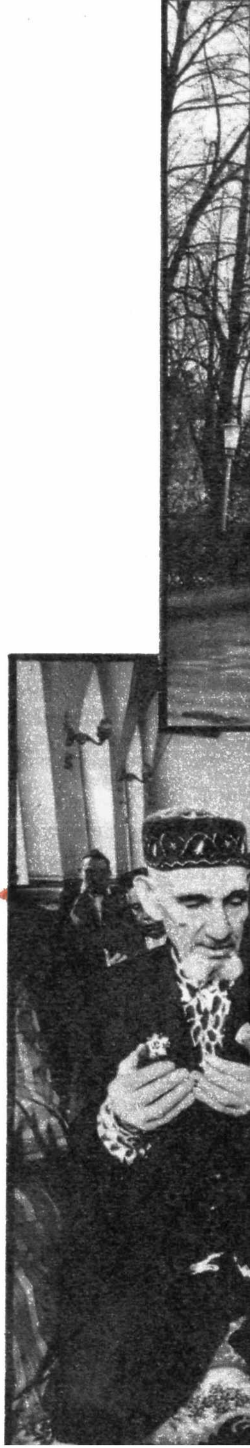
Пускай до Страшного суда
Лежит спокойно Он,
Пусть не ворвется скорбный стон
В Его последний сон,—
Убил возлюбленную Он,
И потому казнен.

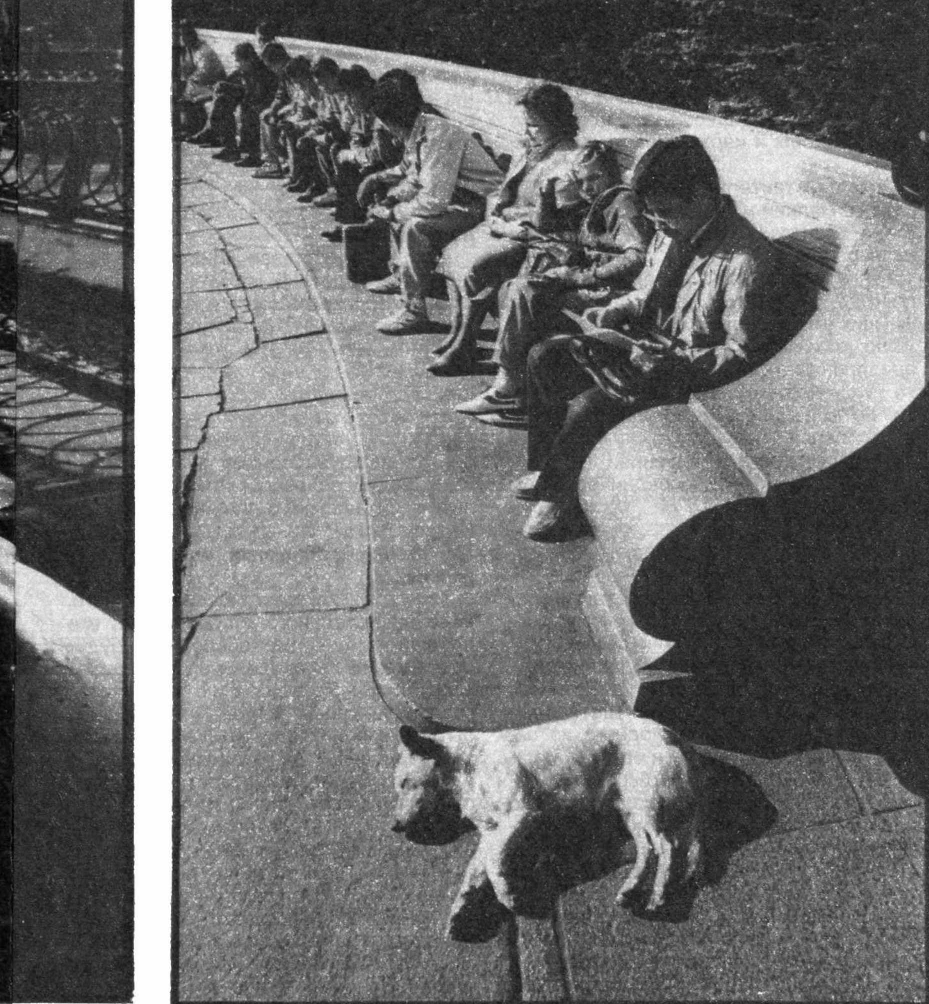
Но каждый, кто на свете жил,
Любимых убивал,
Один — жестокостью, другой —
Отравою похвал,
Трус — поцелуем, тот, кто смел,—
Кинжалом наповал.

(Перевод Н. Воронель)

ЧТО УДЕРЖИТ БАШНЮ СЮЮМБЕКИ?

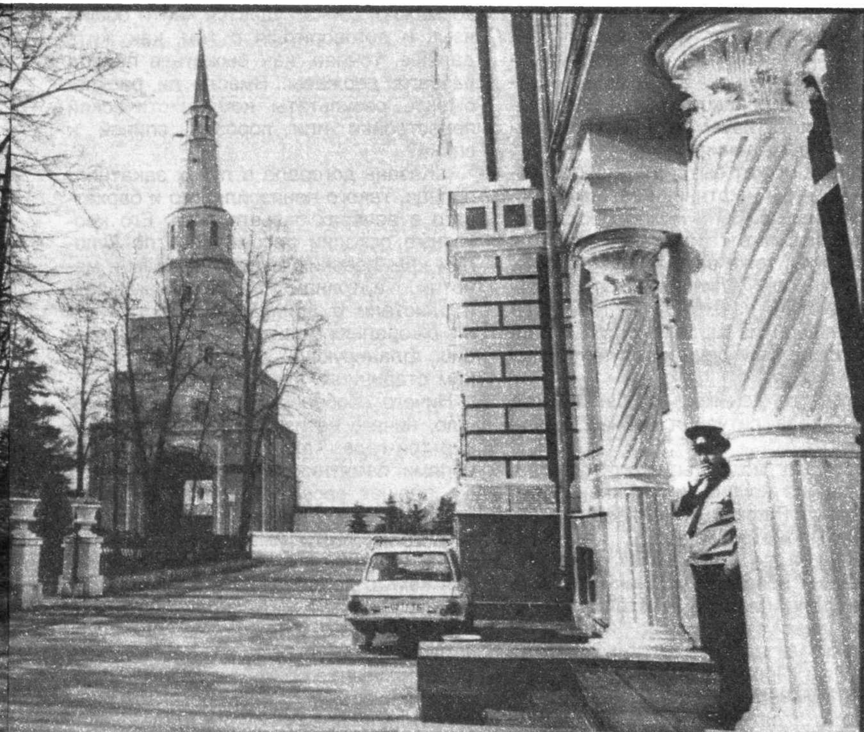

Ваиз ЮНИСОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»
Фото Фарита ГУБАЕВА и Сергея ПЕТРУХИНА

Башня царицы Сююмбеки, что в Казанском кремле, схожа с пизанской — она такая же падающая, несимметричная, загадочная и при этом все же внушающая доверие и надежность. Такое ощущение, что так и должно быть и она никогда не падет наземь. Разве что какой-нибудь новоявленный Иван Грозный соберется в очередной раз брать Казань, разрушить ее, присоединить и крестить свободолюбивый народ. А народ, кстати, как это уже доказано Соловьевым, Ключевским и Гумилевым, не имеет никакого отношения к монгольским захватчикам, а лишь к Булгарскому государству, которое любило торговать, любило рынок и свободу, исповедовало ислам, а потом распалось.

Нынешнее положение Татарстана — как у башни Сююмбеки: с одной стороны, не вписывающееся в «архитектуру» российского сообщества, с другой — имеющее весьма крепкий фундамент. Уверен: жаждущие крови не дождутся очередного Карабаха или Ферганы, Сербо-Хорватии или Гагаузии: народы здесь настолько ассимилировались, что едва ли будут друг друга притеснять и тем более уничтожать. А в целом татарское население лишь на пять процентов превышает русское по численности.

Такая уживчивость и численное соотношение даже в послепутчевый момент, когда все шатко, зыбко и странно, помогли Татарстану остаться наиболее спокойной и наиболее стабильной республикой. Может быть, поэтому кто-то из политологов назвал Татарстан «оазисом национал-коммунизма»?

А что, разве истинная демократия там, где из автоматов стреляют по толпе или убивают таможенников, или гусеницами БТР давят молодежь?

Мне трудно согласиться с этим очередным ярлыком. Но и отвергнуть его напрочь — тоже не легче.

Здесь весьма консервативный народ, но правительство еще более консервативное.

Почему так?

Да потому, что люди по горло сыты перестройкой и желают без всяких митингов и демонстраций жить достойной человека жизнью, без обмана, без налогов «в никуда», без директив из Москвы.

Почему правительство Татарстана еще более консервативно? Да потому, что это ставленники и в основной своей массе бывшие функционеры КПСС, имеющие устойчивое большинство в Верховном Совете.

После командировки я долго думал: а что же, собственно, происходит в Татарстане, за кого народ этой республики, так желающей наконец-то обрести суверенитет,— за Союз Горбачева, за Россию Ельцина или за Татарстан Шаймиева?

Десяток записанных мною кассет свидетельствует о том, что народ все-таки, невзирая на пол, социальное положение и национальность,— за суверенный Татарстан Шаймиева, хотя после московских событий 19—21 августа авторитет местного президента всерьез пошатнулся. Дело в том, что в первые дни переворота Шаймиев обратился к народу Татарстана:

«Должен со всей откровенностью и ответственностью заявить, что в сложившихся условиях на период чрезвычайного положения недопустимы всякие митинги, демонстрации, шествия, забастовки, что в отношении всех тех, кто не проявит этого понимания, кто своими деструктивными действиями попытается нарушить стабильность в общественно-политической жизни, будут приняты чрезвычайные меры».

Далее Шаймиев заявил, что будет создан специальный комитет по контролю над местными средствами массовой информации. Не знаю: надо ли было создавать этот сомнительный комитет, если и так масс-медиа республики находятся под жестким контролем старорежимных рескомовских структур, и до сих пор демократы практически лишены возможности использовать эфир, а из газет они прибегают лишь к городской «Вечерней Казани». И вообще фигура Шаймиева и его поступок по отношению к хунте вызвали массу разнородных и неоднозначных толкований: зачем человеку, исповедовавшему суверенитет Татарстана, надо было так быстро и подобострастно идти на поклон к ГКЧП, ведь в случае успеха переворота не было бы и никакого суверенитета?

Приведу, впрочем, некоторые мнения граждан республики.

М. Насыров, профессор Казанского авиационного института:

— Как бы там ни было, Татарстан не встал на защиту демократии. Солидарность М. Шаймиева с А. Лукьяновым зеркально напоминает солидарность Г. Усманова с Е. Лигачевым в борьбе против Ельцина. Эта параллель не случайна. Республиканское руководство в значительной степени сохранило партаппаратовские корни прежних времен. Президент должен уйти в отставку, особенно после молчаливого признания янаевского режима.

Р. Мустафин, заместитель начальника Приволжского РОВД г. Казани:

— Шаймиев — наш, народный, президент: за него проголосовали более семидесяти процентов избирателей. Судите сами: в дни переворота никто не строил баррикад, а на митинге было всего человек тридцать. Шаймиев, мне кажется, поступил очень мудро, сделав временную уступку кремлевским большевикам. Как работник милиции, заявляю, что у нас нет никаких национальных конфликтов — и все это благодаря взвешенной политике Шаймиева, который своим указом ввел в программу обучения школьников два обязательных языка, татарский и русский. Оба языка объявлены государственными.

Руководители республиканского комитета защиты президента Татарстана С. Ахмерова и Р. Закиев:

— Наш комитет создан 26 августа, после того, как Р. Хасбулатов выступил на сессии Верховного Совета СССР, заявив, что в областях, краях и республиках необходимо без колебаний распустить выборные органы власти, запятнавшие себя сотрудничеством с путчистами. До этого проскальзывало в печати, что Шаймиев — государственный преступник, поддержавший путчистов. У нас многие с этим не согласны. Если б Шаймиев, как Ельцин, призвал к сопротивлению, то здесь уж точно были бы танки и начались не только столкновения с солдатами, но и между местными Татарским общественным центром и отделением «Демроссии».

...Подобные мнения можно приводить до бесконечности, и они неизбежно будут взаимоисключать друг друга. Есть, например, в республике крайне правое национал-патриотическое движение «Иттифак» (лидер Ф. Байрамова), которое никоим образом не желает вхождения Татарстана ни в Союз, ни в Россию. Движение не приемлет ни демократические новации Ельцина, ни неуверенность в необходимости проведения жесткой национальной политики команды Шаймиева: в их среде последний популярен постольку, поскольку «свой» по крови. Так вот, даже «Иттифак», не желающий думать ни о каком Ельцине, встал 19-го на его сторону и конкретным делом поддержал защитников «Белого дома». Националисты поняли: там, где хунта, там не может быть независимости.

Словом, московский путч и московская бархатная революция, которая продолжается и поныне, расставили многое на свои места в Татарстане. Но это вовсе не значит, что здесь все замерло и застыло. Напротив. При кажущейся внешней стабильности политическая жизнь республики обретает вид бурлящего котла: закрыты и опечатаны «дворянские гнезда» коммунистов (теперь местные большевики именуют себя социалистами парламентской направленности); все смелее заявляют о себе (хорошо, что в форме историко-философских дебатов) националисты; формирует отряды народной гвардии Всесоюзный татарский общественный центр; призывает к национальному самосознанию и возрождению Булгарского государства, процветавшего на территории Поволжья, Демократическая партия народов Татарстана; лидер татарского отделения Демократической партии России Р. Ахметов пробует убедить население в том, что Россия должна быть единой и неделимой.

Расклад очень сложный, ни за неделю, ни за месяц в политическом спектре не разберешься: летом и осенью 1991-го очень многие перекрасились из «красных» в «зеленые», используя очень модное исламское знамя зеленого цвета с полумесяцем на полотнище.

Из беседы с Абдуллой-хазрятом, имамом казанской соборной мечети.

— Много ли верующих в республике?

— Церковь не реском партии, поэтому не ведет учета верующих, но я вам скажу, что по-настоящему верующих в Аллаха не так уж и много. Как правило, это пожилые люди, которые начинают подводить итоги прожитой жизни, но меня радует, что в мечеть стали ходить и молодые люди. Перестройка дала нам многое, и мы наконец-то почувствовали себя людьми, а не изгоями общества; мы стали находить деньги на реставрацию старых и строительство новых мечетей. Когда случился переворот, стало страшно: неужели назад, неужели опять будем существовать вне закона?

— Как ваше духовенство относится к суверенитету Татарстана?

— Я не имею права говорить за всю церковь, мы стараемся быть подальше от политики, которая так или иначе всегда была занятием грязным и неблагодарным. Но лично я за суверенитет, за то, чтобы мы сами могли распоряжаться своими богатствами. Суверенитет в моем понимании — это интересы тех народов, которые проживают на территории республики. Мне очень хочется, чтобы они жили лучше. Мы хотели бы быть свободными среди свободных.

— По-вашему, получается так, что люди, проживающие в наиболее благоприятных географических условиях, заслуживают лучшей участи, нежели те, у которых нет, скажем, леса, нефти, золота и других ресурсов?

— Извините, а сколько же можно других кормить и жить по принципу: все голые — и я должен быть голый, все голодные — и я должен обязательно голодать. Ну, скажите, кто расплатится за нефть, которую полностью выкачали из недр нашей республики? Путчист Бакланов, главный военно-промышленный мафиозо? Или военный бандит Язов?

— Но ведь это очень трудно, не имея выхода к морю, быть полностью ото всех независимым.

— А мы что, разве собираемся быть нахлебниками? Мы готовы за все платить пошлины, как это делает государство Лесото, расположенное в центре ЮАР. Оно имеет свою армию, свою валюту и т. д.

Так наш разговор с имамом сошел с небес наземь и коснулся главного: каким быть реальному суверенитету? Как жить дальше, чем питаться, кому за это платить, с кем иметь дело, какой экономический уклад формировать, чтобы потом не просить милостыню на Западе? И вообще, как распоряжаться собственностью, которая доселе числилась за бывшим Союзом Советских Социалистических Республик? Все люди, у которых я спрашивал, как быть с КамАЗом, ЕлАЗом, нефтепроводом и другими крупными народнохозяйственными объектами СССР,— все без исключения, татары, русские, башкиры, отвечали примерно так: а заплатили ли за союзные объекты прибалты или грузины, какова их расплата за свой суверенитет? У большинства мною опрошенных, если говорить образно, примерно такая идея: надо войти в новый Союз на конфедеративной основе и обустроиться, как, например, в Швейцарии, где французы не ущемляют итальянцев, а немцы — французов. А если с Союзом ничего не получится, то пусть тогда Россия будет как бы Америкой, а Татарстан как бы Канадой, где официально признаны два языка.

Но все это, конечно, мечтания о спокойной и благополучной жизни, мы любим помечтать и отучились работать.

Народ Татарстана хочет работать, хочет быть собственником и хозяином, но, увы, бывшие коммунистические структуры мешают ему расправить плечи и засучить рукава. Очень непросто открыть здесь свое дело, стать фермером, арендатором или получить в собственность кусок земли. Дело в том, что, когда Шаймиев был избран президентом (а это происходило в тот же день, когда избирался Ельцин), первым делом, как говорят депутаты, он издал Указ о том, что указы Президента России на территории Татарстана недействительны.

Поступок логичный, если ты уже сориентировался на суверенитет,— так по крайней мере поступали Ландсбергис и Гамсахурдиа.

Но что же дальше? Где законы по земельной реформе, осуществляемые на деле? Я говорил со многими крестьянами: как там у вас с собственностью? Увы, был ответ, малейшая попытка частной инициативы душится прокоммунистическими Советами и председателями. Натурально говоря, идет очередной обман труженика: его заставляют сеять, пахать, убирать — и выплачивают зарплату по старым госрасценкам, а собранный продукт продается брокерам и отправляется на российские биржи. Например, килограмм пшеницы у них, директоров и председателей, покупают за 2—3 рубля.

Мой сосед по гостиничному номеру Сергей Ким, кореец, двадцатипятилетний фермер из Ростовской области, сказал: «Это очень хорошо, что в Татарстане консервативное руководство мешает развиваться свободному рынку. М н е хорошо. Потому что, пока у м е н я нет конкурентов-фермеров, мои арбузы, помидоры и картофель идут нарасхват».

Это действительно так: в сентябре 1991-го мелкий и средний бизнес Татарстана в отличие от других республик разворачивался как-то тяжело, неуклюже, встречая на своем пути массу преград, и прежде всего со стороны имущих власть Советов. Непонятно мне было: то ли исполкомы боятся дать ход предпринимательству и конкуренции, то ли сам народ верит, что можно както по старинке, по-советски выжить в условиях, когда повсюду пошли в рост рыночные отношения.

Другое дело — посредничество и крупный бизнес.

Несмотря на шатания и неуверенность политиков в области государственно-политического суверенитета, на дебаты в Верховном Совете и Кабинете министров, эти виды коммерческой деятельности идут к рынку, причем не только к межреспубликанскому, но и международному. С удивлением, например, я узнал, что в Швейцарии состоялось подписание «одного из самых важных соглашений в области нефтяной промышленности» о создании совместного швейцарско-татарского предприятия «Голубая Кама». По условиям соглашения, каждая сторона располагает пятьюдесятью процентами капитала предприятия, общие финансовые обязательства которого оцениваются в 600 миллионов долларов. Предположительно дневная производительность будет составлять 125 тысяч баррелей нефти. Заместитель генерального директора «Татнефти» Ренат Муслимов закончил свое официальное заявление такими словами:

— Полученная от деятельности нового СП прибыль будет распределяться между республикой Татарстан, «Татнефтью» и теми районами, где расположены эксплуатируемые «Голубой Камой» месторождения.

Не знаю, может быть, от таких соглашений хотя бы нефтяники заживут безбедной жизнью. Быть может, люди, изготавливающие в Татарстане самолеты и вертолеты, тоже вздохнут свободнее. Из источников, близких к официальным, мне стало известно, что Татарстан продал одной из западных стран партию вертолетов и деньги получил немалые.

Кстати, о деньгах, о банковском деле. Какова ситуация сейчас, после переворота?

Некоторые моменты этого пояснил мне один из крупнейших финансистов Татарстана Рафаэль Мингазов, управляющий Промстройбанка:

— Видите ли, суверенитет — это политический вопрос, а я банкир. Самое святое дело банкира — это из денег делать деньги, и как можно быстрее, но стараться не влезать в политические игры. Наш Промстройбанк — государственно-коммерческий, имеющий в республике пятнадцать филиалов. А в дальнейшем, думаю, он будет чисто коммерческим, как бы дочерним отделением Госбанка. С нами, между прочим, уже сейчас вступили в контакт крупнейшие банки мира — Сити банк и Свисс банк. Английская фирма Ай-Си-Эл через нас хочет организовать в Казани крупное совместное предприятие электронного машиностроения. Но мы не ориентируемся только на европейские и американские капиталы. Для укрепления деловых связей со странами Ближнего и Среднего Востока мы создали Российско-мусульманский банк, который будет отвечать интересам многочисленного мусульманского населения России и Союза.

...Несколько дней я добивался встречи с президентом Минтимером Шаймиевым, дабы из первых уст услышать о конкретных планах руководителей суверенного Татарстана, но, увы, беседа с национальным лидером так и не состоялась: меня в самый последний момент перенаправили сначала к Председателю Верховного Совета Мухаметшину, а потом, как выяснилось, и у него не оказалось времени для встречи с корреспондентом. Лишь за несколько часов до отхода поезда пресс-секретарь Шаймиева сообщил, что со мной готов встретиться вице-президент Татарстана В. Лихачев.

Василий Николаевич Лихачев — тридцатидевятилетний доктор юридических наук, профессор Казанского университета, женат на татарке. Из черт его натуры я мог бы отметить такие немаловажные для вице-президента, как умеренность и либеральность. А в ноябре, в отпуск, он поедет в Зальцбург читать на французском языке лекции по международному праву.

Не буду дословно приводить интервью с Лихачевым о текущем моменте. Назову лишь главные и, думаю, наиболее важные положения, интересующие россиян.

Татарстан желает государственного, а не национального суверенитета; все предприятия, кроме оборонных, будут со временем переведены в юрисдикцию республики; Татарстан не собирается создавать своей армии («она должна быть союзной»), вводить свою валюту, устанавливать пограничные столбы и строить таможни; Татарстан не намерен быть республикой третьего сорта и будет делать все возможное, чтобы быть равным среди равных; а переходный период, заметил Лихачев, продлится еще некоторое время — может быть, год, а может, и больше.

Потом его неожиданно вызвал Шаймиев, чтобы обсудить главный вопрос дня — о взаимоотношениях с Россией, ведь на следующий день, 14 сентября, в Казань прилетала делегация от Ельцина, возглавляемая Старовойтовой: возможно, сейчас удастся найти общий язык и договориться о том, как жить дальше, точнее, как выжить в период развала державы. Вместе ли расхлебывать результаты коммунистической перестройки или порознь, спиной к спине?

...Казань догорала в лучах закатного солнца, такого неназойливого и бархатного в вечерах бабьего лета. Его крохотные осколки рассыпались по куполам кремлевских башен, церквам и мечетям, витринам пустых магазинов и блистали в длинных осенних лужах и в ожерельях модных татарских красавиц, фланирующих по узеньким улочкам старинного купеческого города.

Ничего особенного здесь не произошло, ничего не изменилось за последние три года. Так же стоит окованный цепями памятник Мусе Джалилю, так же плещет своей черной водой таинственное озеро Кабан, на прежнем месте стоит театр имени Камала — на стене надпись «Слава ГКЧП», сделанная кем-то из ушедших в подполье; город продолжает жить своей жизнью, и, что любопытно, в последнее время снизилась преступность — по крайней мере больше не слышно о крупных формированиях молодчиков, останавливавших в свое время поезда из Москвы.

На улицах, правда, нет такой оживленной торговли, как в Москве. Исчезло куда-то даже то, что всегда отличало Казань от других городов. Теперь вы не попьете здесь душистого чаю с щербетом или чак-чаком, а настоящую шурпу с сытными беляшами сможете отведать лишь в фешенебельных ресторанах. Бывают ли очереди? Конечно, как и везде. За товаром первой необходимости. Сейчас, в осенние дни, такие очереди выстраиваются к грузовым машинам, хозяева которых привезли откуда-нибудь из Чувашии лук и картошку.

Все происходящее в этой мусульманско-православной республике требует от политиков большой осторожности и такта: малейшая небрежность или неудачное выражение, сказанное с высокой трибуны,— и тут же начинается переполох как в стане русских патриотов, так и в стане татарских националистов. Но, к счастью, не из всякой искры возгорается пламя.

Казань, сентябрь

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК СТАНЕТ ДЛЯ ВАС БЛИЖЕ БЛАГОДАРЯ ФИРМЕ «Fact-INFO»!

На ваш выбор:

— компьютеры, лазерные принтеры, сетевое оборудование, стриммеры, сканеры;
— телефаксы, телефоны, телефоны с автоответчиками, радиотелефоны, множительная и другая оргтехника;
— калькуляторы всевозможных типов, игровые компьютеры, дискеты, стриммерные ленты, картриджи к множительной технике и лазерным принтерам;
— товары народного потребления.

ПРОДАДИМ, ПОСТАВИМ, УСТАНОВИМ.

ТОВАРЫ, ПОСТАВЛЯЕМЫЕ «Fact-INFO» — ЭТО НЕ РОСКОШЬ, А СРЕДСТВО ПРОЦВЕТАНИЯ ВАШЕЙ ФИРМЫ!

«Fact-INFO» также окажет услуги

— по разработке и сопровождению специального программного обеспечения;
— по ремонту и техническому обслуживанию вычислительных средств, множительной техники (в том числе заменит отработанный порошок в картриджах).

«Fact-INFO» — это отличное качество и приемлемые цены!

Фирма «Fact-INFO» — соучредитель Хабаровской товарной биржи и товарно-фондовой биржи «Бизон».

МЫ ГОТОВЫ РАССМОТРЕТЬ ЛЮБЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ!

Наш телефон: 33-63-32
Телефакс: 33-63-32
Адрес: 680000 Хабаровск, Карла Маркса, 28.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

ЗАЩИТИТ ЛИ НАС ГОСУДАРСТВО?

Атмосфера вседозволенности довольно давно воцарилась во всей нашей жизни. Во всевозможных очередях, в переполненном транспорте, просто на улицах обстановка напоминает лагерный барак или казарму, где свои порядки диктуют «деды». Попробуйте что-нибудь вякнуть в свою защиту на вокзале, на остановке такси, да где угодно, и, если вы не военный с табельным оружием или не мастер по восточным видам борьбы, шанс подвергнуться, как потом пишут в протоколах, «физическому насилию» у вас весьма и весьма значителен.

Точно такая же ситуация вполне может возникнуть, если кто-то заметит, как в соседнюю дверь ломятся грабители. Точно так же полностью беспомощным ощутите вы себя, если, не дай Бог, начнут разносить вашу собственную дверь. Что делать? В милицию звонить? А если от волнения палец не попадает в отверстие телефонного диска? А если та не успеет приехать? Ведь вышибить даже просто ногой хлипкие ворота в наши «домашние крепости» ничего не стоит за несколько секунд. Потом, загнав в лучшем случае вас в ванную (могут ведь и просто врезать фомкой по голове, и вся недолга), в мгновение ока вынести наиболее ценное и исчезнуть.

В общем, мы в очередной раз становимся заложниками нашего родного отечественного патернализма. Государство вроде как берет на себя обязанность защитить нас, наше жилище, нашу честь и достоинство. На деле же до сих пор на это постоянно не хватает средств. Ни денежных, ни технических. Милиция перешла в оборону от преступного мира.

При этом и мы с вами лишены возможности постоять за себя, за свое достоинство и имущество. В глазах бандита, плевавшего на закон, мы безоружное и вполне безопасное ничтожество, с которым в принципе можно делать что угодно. Законопослушный гражданин проигрывает изначально.

Запрет на хранение оружия, которому подчиняется в подавляющем большинстве каждый из нас, на руку только правонарушителю. Попробовали бы наши родимые домушники вломиться в квартиру где-нибудь в Америке! Тут же бы получили заряд в грудь. Да, впрочем, и не полезли бы: здесь жилище человека неприкосновенно, и никто без законных оснований не имеет права в него проникать. А как только ты нарушил это основное право гражданина, ты уже вне закона. И в суде не будут долго рассуждать, превысил ли хозяин права на необходимую самооборону, выпалив в тебя, хотя ты был вооружен «только» ножом.

Поэтому-то в США право на хранение оружия дома получить очень легко. Если, конечно, вы не стоите на учете в полиции, имеете работу, исправно платите налоги и не лечитесь у психиатра или нарколога. Государство (естественно, в разных штатах по-разному, но принцип один) считает в этом случае вас способным самому постоять за себя в экстремальной ситуации. Никому не приходит в голову вводить принцип всеобщей презумпции виновности, как у нас, где считается, что если разрешить хранить людям оружие и применять его для защиты, так все тут же перестреляют друг друга.

Дом человека повсюду в мире — святыня. Такая же, как права человека. И человек должен иметь возможность защитить свой дом от любых посягательств. Что касается личной безопасности на улице, то в той же Америке дело уже обстоит несколько по-другому, ибо право на ношение оружия получить значительно труднее. Надо доказать, что это вам действительно нужно — по роду деятельности, по необходимости бывать в неблагополучных кварталах с повышенным уровнем преступности и т. д.

Не так давно в Америке живо обсуждался случай, когда человек в метро открыл огонь по четверым грабителям, набросившимся на него. Одного он убил, другого ранил. За все про все ему дали по суду... шесть месяцев. Причем не за убийство, а за то, что права носить оружие с собой у него не было, а было лишь право на хранение оружия.

Так что давным-давно созданы самые разнообразные правовые системы, с одной стороны, дающие гражданину возможность эффективной самозащиты, а с другой — предотвращающие беспредел в распространении оружия и его использовании. Могут возразить — мол, у них там стреляют просто так! Отвечу: а у нас что, просто так не убивают? В столице, судя по сводкам МВД, самое распространенное орудие убийства — кухонный нож. Так что, и его запретим?

Практически ни в одной развитой стране возможность налогоплательщика самому защищать себя и свой дом при помощи оружия не ставится под сомнение. В оружейных магазинах Рима и Парижа вы «запросто» можете купить все что угодно — от «дамского» револьвера, свободно помещающегося в театральной сумочке, до кольта «Магнум», делающего выходное пулевое отверстие размером с тарелку. Вам предложат и примитивные кастеты, и финские ножи, автоматическое оружие — от наших «Калашниковых» до израильских «Узи». Ну а любители экзотики могут испробовать любого вида нунчаки, широкеты (шестеренка с остро заточенными краями — брошенная рукой мастера, может снести полчерепа) и даже... боевой арбалет с лазерным прицелом!

Формальности, необходимые для покупки, усложняются в соответствии со скорострельностью, калибром и общей опасностью оружия. И, знаете, ничего. Никакого ажиотажа, хотя у многих итальянцев и французов полным-полно в домах оружия. Представьте себе, не слыхал я пальбы на европейских улицах и даже плелся с друзьями как-то ночью через весь Рим (на такси, естественно, денег не хватало, а метро закрывается в пол-одиннадцатого), и никто нас не тронул. Наоборот, на площади Испании, где собираются по ночам сотни молодых людей, выпивают, курят, поют и Бог знает что еще делают, мы не чувствовали себя как-то дискомфортно. Для сравнения: темной московской ночью встречается всего человек пять подвыпивших подростков. Ваши ощущения?..

Уверен, не в сложностях приобретения оружия суть проблемы. А в неотвратимости наказания за его незаконное использование. В скрупулезной отработке всего правового механизма приобретения оружия и контроля за его применением. Кстати говоря, вроде лед тронулся и у нас. МВД СССР разработало проект закона «О контроле за оружием», в котором обозначено право граждан иметь оружие самообороны — газовые баллончики, газовые пистолеты и «приспособления и устройства ударно-болевого действия».

Естественно, нельзя идеализировать ситуацию с преступностью на Западе. Есть и подпольная торговля оружием, и применение его наркоманами, алкоголиками. Есть районы в американских городах, откуда каждый день полиция вывозит несколько убитых в перестрелках или поножовщинах на улице. Однако тут проблема скорее социально-экономическая, чем юридическая или политическая. Ибо, если у вас есть деньги, вы можете жить в нормальном районе, где вероятность правонарушений сведена к минимуму.

У нас же, если вы, конечно, живете не в «номенклатурном» доме, где внизу сидит или милиционер, или некто в штатском, но с наганом, повсюду ситуация одинакова: и на Ореховом бульваре и на Тверской могут вполне спокойно дать по голове и вломиться в квартиру. Проблемы защиты нашего имущественного благополучия и личного достоинства в реальной жизни — сугубо наше дело, государство как-то в стороне.

Впрочем, что это я — не в стороне государство, а всячески ограничивает наши возможности дать соответствующий отпор правонарушителю. И сволота всяческих мастей отлично понимает, что в итоге мы с ней в разных весовых категориях. Но мне, простому обывателю, надоело чувствовать себя потенциальной жертвой, не имеющей гарантий неприкосновенности своего жилища, не имеющей возможности в случае опасности за себя постоять.

Сергей ШАХМАЕВ

Это письмо от человека, числящегося во всесоюзном розыске уже третий год. Пишу его, находясь под впечатлением статьи Михаила Корчагина «Смертник». Фабула моего дела во многом напоминает дело Валико. Так же, как и он, я несправедливо осужден вместе с моим товарищем Виталием Мордвинкиным. Он сидит уже третий год за изнасилование, которого мы не совершали. Обвиняли и судили нас, используя те же испытанные годами классические приемы коммунистической юстиции.

Много сходного, но есть и различия. Если у Валико были лжесвидетели, то у нас свидетелей обвинения не было вообще, вернее были, но их показания подтверждали нашу невиновность. Мало того, заключение судебно-медицинской экспертизы отрицает факт преступления. А приговор в отношении Виталия вообще являет собой образец нашей социалистической законности: человека не было на месте происшествия совсем, что подтверждают материалы дела, свидетели — 6 человек, и тем не менее — 5 лет! Ну а о следствии, которое вел следователь Алефиренко, можно писать долго, скажу лишь о приемах, о которых мне ни читать, ни слышать не доводилось. О них я сразу сообщил прокурору Медведеву и заявил отвод следствию — реакции никакой. Зато прокурор очень живо отреагировал, когда первый суд под председательством судьи Карначева, объективно подойдя к делу, вынес, по сути дела, оправдательный приговор. Прокуратура его опротестовала, и второй суд под председательством Прудникова, снискавшего себе славу за покладистость в ущерб правосудию, организовал мне 6 лет, а Виталию, отцу 4-х детей,— 5. Это был не суд — фарс: не выслушивали свидетелей, не удовлетворяли ходатайства... Зачем? Сценарий расписан, приговор отпечатан, чего тянуть... Правда, потом крайсуд отменил этот приговор. И опять адекватная реакция партийного чиновника — Медведев совершил вояж в Краснодар и там, используя личные связи, сумел-таки добиться отмены решения крайсуда, оставив прудниковский приговор в силе. Честь мундира! А мундир-то еле держится — к тому времени на прокуратуре «висели» три нераскрытых убийства и одно дело об изнасиловании, где та же компания — Алефиренко, Медведев, Прудников — пыталась обвинить невиновного.

Зная, что при отработанной аппаратом юстиции системе отписок ничего не добьешься, я решил скрыться. Три года у меня ушло на обращения во все существующие судебные инстанции. Безрезультатно! Так что же мне делать? Ничего лучшего не придумал, как совершить самосожжение на Красной площади. Одно плохо: меня не будет, а Медведев со товарищи безнаказанно и дальше будут гробить людей. Остается одно — действовать, как Валико. Оружие — не проблема, патронов не было, теперь есть. Не воспользовался до сих пор только потому, что трудно пробраться через всю страну с оружием без документов. И хотя такой радикализм не в моем характере, но Валико прав — другого пути нет.

В. КУБАРЕВ
Сочи

ЭТО МЫ

«Молюсь за тех и за других»

Римма КАРНАУШЕНКО

«Я родилась в сыром подвале в осеннюю хмурую, темную ночь, качалась я в люльке под скандалом, была сиротства, пьянства дочь...» Горькие эти строчки песни моего младенчества вспыхивают в памяти из каких-то затерянных закоулков, как только я оказываюсь на платформе и вижу на вагоне: «Горький». Я никогда и ни от кого более не слыхала эту песню и не знаю, что там дальше стало с героиней, но вряд ли что хорошее.

А эти вагоны я знаю. Знаю крутой до обморочности колбасно-селедочный запах чемоданов, смешанный с запахом пота добытчиков московской снеди. По два-три раза на год езжу к своим двум старым тетушкам.

Но вхожу — ах, какая радость: в вагоне чисто всё — от улыбки проводницы до ручки умывальника. Пирогами, конечно же, пока не пахнет, но волжский окающий говорок сообщает, что чаек заварен и сахарок нынче имеется. Постели застелены, и веточка сосны нежно венчает перестройку.

Благодарствую, но от чая отказываюсь, и пока в купе никого нет, укладываю сумки с гостинцами под полку, сама на верхнюю, скорее накрываюсь почти с головой. Надо силы скопить, завтра будет долгий день: помыть моих старушек, обстирать, побегать по рынкам, наготовить, а поздно ночью опять вернуться на вагонную полку. Но заснуть не успеваю, в купе входят, тихо разговаривая, сразу трое мужчин. Сделав щелку в укрытии своем, стала рассматривать. Совсем трезвые, а если и приняли за ужином, то самую малость для согрева в этот мокрый и неуютный вечер. Командированные. Едут налегке, по магазинам не бегали, да и чем у нас в Москве сейчас разживешься. Одеты с аккуратной внемодностью провинциальных интеллигентов. Горьковчане и инженеры, судя по речи. «Изделие номер такое-то... финансирование, конверсия, Вольский, Малей.., как быть с заказом в/ч...» — слышалось снизу (не извиняться же, что у меня есть уши). Понятно, они все трое из оборонного комплекса, и не простые, а, видимо, при должностях. Ездили на совещание, а может, чтобы пробить финансирование, понять, как жить дальше. Но не решили, не поняли... Устали, растерянны, и ночной чай идет не в охотку.

«Сиреневый туман над нами проплывает, над тамбуром горит прощальный огонек»,— поет репродуктор. «Толя, Толя, ты помнишь эту песню? Мы ехали на целину тогда, в Кулунду, помнишь, как Сашка ее пел?» «Помню, помню, конечно, я помню»,— в сладком ознобе воспоминаний отвечаю мысленно нижней полке, сама ее пела. Мужчина откладывает одеяло, садится. Его голос теперь звучит молодо и свежо. И остальные мужики веселеют. Как было все хорошо, ясно, какая романтика, мечты. Там они вступали в партию. Один вспоминает, как потом по 12 часов не вылезали из КБ, упирался какой-то там узел, и они тоже упорствовали и дожали. Кончается музыка, и он замолкает на полуслове.

Тишина... Разговаривают только колеса и ложки в стакане. Вдруг он поднимается снова, видимо, вспомнив вчерашний и сегодняшний дни, с болью и яростью обрушивается на демократов, так называемый рынок, биржи, брокеров — этих жуликов с большой дороги и членов правительства, их поощряющих. Вот бы твердую руку хозяина, тогда все что угодно. Говорят о Пиночете. Только бы оздоровить экономику. Спасти какого-то Витю, гения, физика-прикладника.

Мне вдруг хочется вскочить... Просить слова, кричать! Убеждать и доказывать! Но я представляю идиотизм вагонного этого съезда в полночь, лежу и молчу. Сколько процентов, по обследованию, поддержало ГКЧП?

Вот трое из них. И очень они мне симпатичны. Они умные, профессионалы, честные и, конечно, добросовестные. Система опиралась именно на таких. А опираться, как известно из учебников, можно только на то, что оказывает сопротивление. И по мере сил они и сопротивлялись ей. Ведь признают прямо, что система больна. Давно критиковали и боролись. И мучительно искали, как подлечить ее, как усовершенствовать. Гуманная форма коммунизма — это идеал в их понимании. Главное — не менять миропорядок на иной... Как же эта система сильна, как въелась, втерлась в кожу и ум. Вот ее уже нет, почти нет. Но есть люди, сотни тысяч, особенно в городах так называемого оборонного значения.

Они шли нам навстречу по площади огромной демонстрацией рюкзаков, саженцев и лопат, когда поезд остановился и я вышла из вагона. Суббота. Серый дождь, а они едут к своему собственному — к кусочку земли.

Мои попутчики молча переходят вокзальную площадь и садятся в казенную «Волгу», как раз под трехцветным рос-

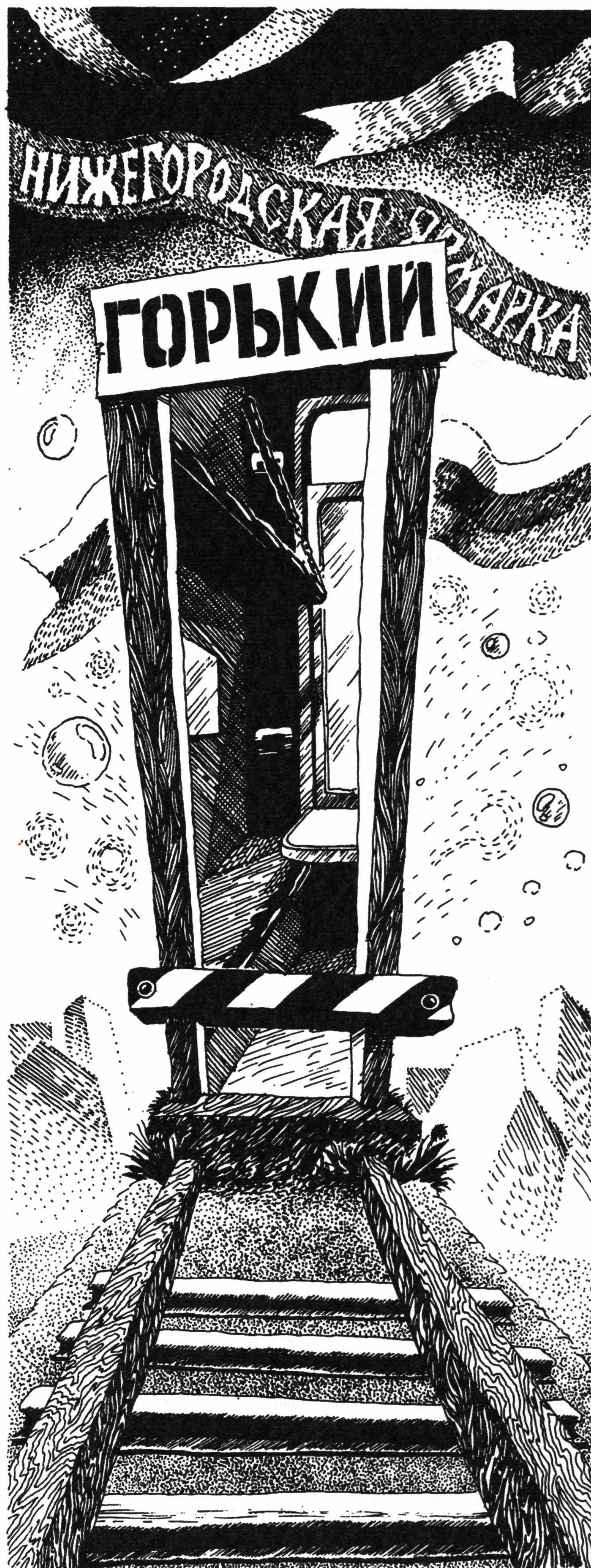

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

сийским флагом и громаднейшими яркими буквами, колышущимися на ветру: «Нижегородская ярмарка». Вот где в ближайшее время именно им придется сказать: «Прощай, оружие». На профессионализм и знания оборонки придется прививать силу и предприимчивость торга, чтобы стать людьми одной крови.

«Радость какая! — обнимают меня мои старушенции.— Живая, здоровая. Страхов мы натерпелись за тебя и всех вас. Мы вечером и телевизор никогда не смотрим, глухие обе, а тут Маруся стучит: «Включайте, включайте, смотрите, какой-то переворот-то в Москве». Смекнули, что ты-то уж точно против супостатов будешь!»

«Почему «супостатов»,— подзадориваю я,— чем они вам-то не угодили? Талоны вот у вас горкой лежат с июня не отоварены, а они обещали...» «Держи карман шире,— отвечает тетя Катя, ей 92 года, она до сих пор в теле и в уме и очень смешливая.— Руки-то его видела, дрожат, как у моего покойного Михаила — твоего дяди, чай, помнишь, как он крепко зашибал. Он вечером всем ну чего хочешь наобещает. Да и батюшка в церкви нам сказал, что раз бюллетеня на Горбачева нет, надо молиться за его здравие и всем нам держаться законной власти. А что талоны не отоварены, так потерпим, не впервой».

Это уж точно, не впервой. Тетя Катя жила на Вологодчине в деревне, и пахали на ней вместо лошади. Тридцатилетней невестой приехала в Сормово к родным. Мой дядя посватался, красавица. Вот и выбирала — или за пьяницу выйти замуж (правда, тихого, руки он на нее не поднимал), или обратно в деревню, вместо скотины. А прожила она всю свою жизнь у сормовской водокачки. Любит вспоминать, как однажды тяжело заболела и ей дали потом путевку в санаторий. И вот там... И каждый раз, рассказывая про свой сладчайший, первый и последний грех, она так хорошеет, исчезают ее морщинки. Над чашкой с чаем синеют молодые вологодские глаза.

А другая моя родная тетя собирается отмечать девяносто лет. Всю жизнь с молоденьких девчонок протрубила она на заводе, в войну он стал военным — имени Орджоникидзе, авиационным. Когда я там работала, она уже на легкой была — вахтером с пистолетом. Через ее кабину проходила и сама слышала, как начальники ее — не Нюрка, не Аня, а уважительно, Анна Ивановна,— звали. Она очень маленькая — дюймовочка, 150 сантиметров росту, легонькая, как воробушек. Она не такая, как все мы,— сердце с правой стороны... Моя Анна Ивановна — абсолютная крестьянская доброта. Обмыть, одеть покойника — к ней бегут, надо в больнице порадеть — она, или деньги в долг... «Утром давеча сажусь в автобус, нога-то не гнется, задерживаю народ. Они сердятся, кричат: «Куда, карга старая, в рабочее время прешься?», а я отвечаю: «К вам милые, к вам. Ваших деток нянчить...» И знаешь, замолчали, устыдились и посадили меня».

Давеча, утром, вчера — это они плохо помнят, а вот прошлое — до цвета пуговки на кофте. Помнят нижегородские ярмарки, как ждали приезда царской семьи. И хоть лето было, а ветер с Волги дул очень холодный. И замерзших гимназисток в белых шляпках с цветами и кисейных платьях помнят.

Но не дала им советская власть ничего... Ни шляп, ни нарядных платьев, ни дач, ни квартир. Отняла мужей, детей, а гор, морей и стран других не показала. Зато я все это вырвала, чтобы вот так приехать и обо всем доложить, рассказать. Дома, в Москве,— жена, мать, бабушка, должна быть все время в форме, большой и сильной. А здесь — с заступницами моего детства, которые помнят все мои чернильные пятна, синяки и дырки, я распускаю хвост, хвастаюсь и молодею.

Приходят соседки, мы пьем по третьей чашке, беседуем под внимательными тенистыми глазами Богородицы с единственной их иконы. Я спрашиваю, видела ли она купцов на ярмарке. «Наверное, видела, как не видать. Да как узнаешь, кто купец, а кто нет. Вот фотографию я откопала твоего деда, он рабочим был.

На бригаду его посмотри: где здесь хозяин?» Это рабочие? Я вглядываюсь в лица... В прошлое. Невероятно... Не может быть... Я же сормовских рабочих по Горькому представляю. Но это же, на фотографии, совсем другие люди... Благородство и чувство собственного достоинства...

Постой, говорю я себе, а может быть, истоки душевного здоровья моих тетушек, их умение работать, чисто жить, терпеть, прощать и любить идут оттуда? И нет никакой другой тайны русского характера? И на посошок мы пьем смешной тост: «За здоровье тех ворот, из которых весь народ».

Опять поздний вечер, и дождь, и тот же поезд. Только купе подороже — СВ. Во всем вагоне только двое — сидим с мужчиной друг против друга, разглядывая вазочки, фирменные знаки на белье и занавесках. Я уже предвкушаю тишайшую ночь до Москвы.

И вдруг минуты за три до отхода вагон взрывается топотом ног, громкими голосами московско-кавказских акцентов и шлейфом французских одеколонов. Молодой великан глядит на нас: «Прошу перебраться на наши места в конец вагона. Нам надо быть всем вместе. Быстренько!» Мой попутчик пытается слабо возразить, но в уже пустое пространство. Я же считаю за благо так и сделать, себе дороже было бы упорствовать.

Трогаемся под праздничные хлопки пивных банок и бутылок, даже перестук колес и радио не заглушают их радостных голосов: «Триста тысяч, сто пятьдесят тонн, кругляк по пятьсот. Маркетинг, метод нокдауна, секонд хенд».— Эти иностранные слова мальчики произносили легко, без запинки, словно родные. Но чем больше хлопков, тем чаще появляются истинно наши родимые выражения. Все громче и громче. Дверей они не затворяют. Зачем? К двум часам соотношение слов круто изменилось. В три часа ночи в мою дверь рвались и пытались открыть. Я не делаю попытки увещевать. На крепком языке сормовских баб (даром, что ли, качалась в люльке), доселе несвойственном моему лексикону, я коротко отослала: «...Сынок дверь... открою милиции... гуляй... И спрячь свои рваные...»

Утро было тяжелым. Тяжело в вагоне от перегара, окурков и банок. Тяжело было и помятым бизнесменам, и их телохранителям садиться в машины, поданные для них прямо к вагону на платформу.

«А раньше-то как у нас хорошо было. Войдет, бывало, большой начальник или генерал в купе. И тишина... Утром проводишь, убираешься, смотришь, и коньячок не допили, и икорку не докушали. Культурные люди были, аккуратные. С этими же, с ярмарки, намаешься. И милиция не хочет связываться, денег больно много. А воспитания нету»,— сокрушалась проводница.

Шла я по перрону, вспоминала то ярость, смятение и боль инженеров из оборонки; то ночной кураж победителей, незнакомых с хорошей детской. Впрочем, воспитания, особенно чувства собственного достоинства, культуры, нам всем не хватает, система и тут постаралась. Вглядываюсь в лица москвичей, спешащих к пригородным поездам с саженцами. Как они похожи, такие же, как в Нижнем Новгороде. Народ. Как я и мои дорогие старушки. Интересно, что бы сказала обо всем этом мудрая тетя Катя? Пожалела бы, верно, их, а если бы умела красиво сказать, то, может, так:

«А я одна стою меж них, в ревущем пламени и дыме. И всеми силами своими молюсь за тех и за других».

БОМ

ДОЛГАЯ

В последнее время советский читатель открывает для себя имена писателей, вычеркнутых из русской литературы. Один из них — Гайто Газданов, писатель, без сомнения, яркий и талантливый. Он принадлежит к так называемому «второму поколению» русских писателей-эмигрантов. Родители его — выходцы из Осетии. Отец в свое время закончил лесной институт в Петербурге. Гайто родился там же в 1903 году.

По долгу службы отца, Ивана Сергеевича, семья вынуждена была часто переезжать с места на место. Мать Мария Николаевна Абациева была высокообразованной женщиной, преподавала иностранные языки. От нее Гайто унаследовал тонкий вкус и страсть к литературе. Будущему писателю не было и шести, когда умерли две его сестры, а спустя два года отец. Эти и другие обстоятельства не позволили Гайто продолжить учебу в гимназии. Тем не менее уже в четырнадцать лет он запоем читал Вольтера и Шопенгауэра. Целеустремленно занимался самообразованием.

В 1919 году Гайто вступает добровольцем в белую армию. Позднее он говорил, что присоединился к белому движению скорее из любопытства и рыцарского духа, нежели по убеждению. Прослужив год на юге рядовым солдатом, Газданов в конце 1920 года оказался в Константинополе. Позднее в своих первых рассказах и романах «Вечер у Клер» и «Призрак Александра Вольфа» он изобразил апокалипсическое видение гражданской и мировой войн и тотальную гибель цивилизации, свидетелем которой стал.

После пребывания в лагере Галлиполи он поступил в русскую гимназию в Константинополе, но вскоре переезжает в Болгарию. Здесь он продолжил учебу в Шуменской гимназии, где познакомился и подружился с Данилом Резниковым, Брониславом Сосинским, Вадимом Андреевым (сыном писателя Леонида Андреева). Все они впоследствии стали активными участниками культурной жизни русской эмиграции в довоенном Париже, куда Газданов переезжает в 1923 году. Вся дальнейшая жизнь Гайто связана именно с этим городом.

Первые годы в Париже Гайто был грузчиком и мойщиком локомотивов, работал на сборочной линии автомобильного завода. Зимой 1925 года остался без работы. Какое-то время живет, как самый обычный клошар, ночуя на улицах и в метро. К концу 20-х его положение изменилось к лучшему. Некоторое время он работает в издательстве «Аметт». Но творческая его душа не выносит затхлости и бюрократизма. Гайто бросает работу и поступает в Сорбонну. В течение четырех лет он изучает социологию.

К 30-м годам Газданов нашел способ, позволяющий ему зарабатывать на жизнь и одновременно писать. Гайто стал ночным таксистом. Эта «русская профессия» в Париже с 30-х и вплоть до 50-х годов давала возможность выжить многим эмигрантам.

Газданов познакомился с ночной жизнью Парижа, с низами общества — алкоголиками, проститутками, калеками, сумасшедшими и просто уголовниками. Подобное знание жизни писателю пригодилось в будущем. Он великолепно показывает характеры, жизнь людей «дна», особенно в романе, во многом автобиографичном, «Ночные дороги».

В 1926 году Газданов опубликовал свой первый рассказ «Гостиница будущего» в журнале «Своими путями» (Прага). Но моментом настоящего литературного дебюта все-таки следует считать 1927 год, когда в «Воле России» была напечатана «Повесть о трех неудачах».

БЕЙ

Гайто ГАЗДАНОВ

ДОРОГА

К началу 30-х годов Газданов приобретает имя среди русских эмигрантов. Выходит его первый роман «Вечер у Клер», имевший большой успех. Критики романа, а среди них были весьма почитаемые, например, Асарги, Зайцев, Вейдле, были единодушны: роман — большое событие в литературной жизни русской эмиграции. О Газданове заговорили как о самобытном таланте наряду с Набоковым. Бунин отметил чистоту его стиля, Горький также высоко отозвался о «Вечере у Клер» и пытался даже опубликовать его у нас в стране.

Весной 39-го года журнал «Числа» опубликовал рассказ Газданова «Водяная тюрьма».

Успех открыл перед Газдановым страницы самого престижного в Париже журнала «Современные записки». Начиная с 1931 года и вплоть до закрытия журнала в 1940 году Газданов регулярно публикуется в «Современных записках» наряду с Буниным, Мережковским, Алдановым, Набоковым.

Так получилось, что Газданов никогда больше не сумел побывать на родине. Долгое время он поддерживал переписку с единственным близким человеком — с матерью, которая переехала во Владикавказ. В 1939 году она там скончалась.

Гайто обращался к Горькому с просьбой помочь ему вернуться на родину. В архиве Горького имеется черновик ответа: «Желанию вашему вернуться на родину сочувствую и готов помочь чем смогу. Человек вы даровитый и здесь найдете работу по душе, а в этом и скрыта радость жизни». Но в 1936 году Горький умер, обращение Газданова в советское консульство в Париже не увенчалось успехом. Разрешения он не получил. Стоит ли об этом сожалеть? Не знаю...

Когда фашистская Германия развязала войну против Советского Союза, позиция Гайто Газданова была однозначной. Он помогал советским военнопленным бежать из фашистской неволи, переправлял их в ряды французского Сопротивления. Он издавал и переводил бюллетени о положении дел на Восточном фронте, рассказывал о бесчинствах фашистов на оккупированной территории. За подобную деятельность Гайто мог поплатиться жизнью. Но, как говорят, Бог миловал.

18 мая 1945 года он закончил по горячим следам документальную книгу об участии советских военнопленных в борьбе против фашизма. Год спустя она была опубликована на французском языке. Оригинал, написанный на русском, никогда не публиковался.

После окончания войны начался новый расцвет в творчестве Газданова. Наиболее значительный из послевоенных русских изданий «Новый журнал» публикует два романа писателя — «Призрак Александра Вольфа» (1947—1948 гг.) и «Возвращение Будды» (1949—1950 гг.). Они имели большой успех и в начале 50-х годов были переведены на иностранные языки.

Свой последний роман «Переворот» Гайто начал писать незадолго до смерти. Он не успел его закончить.

Газданов умер от рака легких в декабре 1971 года. Похоронен в пригороде Парижа на русском кладбище Сент-Женевьев де Буа. С нами осталась его удивительная проза.

Фатима ХАДОНОВА

Рассказ печатается с сокращениями.

В Бомбей я попал, в сущности, случайно, в результате благоприятного и неожиданного стечения обстоятельств, которое произошло со мною за много месяцев до этой поездки и повторилось два раза. Это была встреча с мистером Питерсоном, о существовании которого я ничего не знал еще за секунду до знакомства,— точно так же, как он не знал о моем существовании. В пятом часу утра после долгих блужданий по Парижу я вошел в большое кафе Монпарнаса, на три четверти пустое. Стоял январь, была холодная и сырая погода. За ближайшим ко мне столиком сидел человек в добротнейшем, расстегнутом пальто и в костюме такого особенного коричневого оттенка, который характерен, кажется, только для английских материй. На нем были черепаховые очки; сдвинутый назад котелок обнажал наполовину крепкий череп с густыми и короткими седыми волосами; кожа лица была желтоватая. Он был дальнозорок — я заметил, что он взглянул поверх очков. Потом он наконец обратился ко мне на французском языке с сильным английским акцентом и спросил, не приходилось ли мне задумываться над тем, почему некоторые люди, совершенно, в сущности, похожие на других, вызывают у вас такое любопытство и такое желание заговорить, которое невозможно объяснить непосредственными рациональными причинами. Мы начали разговаривать на эту тему, и с первых же минут я убедился, что мой собеседник был простодушный и искренний человек, благожелательно настроенный ко всему окружающему и удивительно любопытный к отвлеченным проблемам и вопросам искусства. Взгляд его на эти вещи был до крайности наивен, и разговор его представлял интерес только внешней забавности; было очевидно, что ни на какое сколько-нибудь глубокое и оригинальное суждение он не был способен. Но в нем была такая привлекательность, такая прозрачность всех его несложных чувств, что пребывание с этим человеком было несравненно приятнее, чем интереснейший разговор. Он точно носил с собой совершенно готовое представление о хорошо устроенном доме, крепкой семье, глубоких креслах, хороших сигарах, диккенсовской душевной уютности; он, казалось, возникал в классическом пейзаже старых деревьев, которые любило несколько поколений, глубокого пруда с неподвижной поверхностью и опрокинутыми, потемневшими отражениями листьев и ветвей, опушки леса в прохладный день прозрачной шотландской осени.

Наступило позднее январское утро, мы перешли в другое кафе, уже успевшее переделаться на дневной лад — со сменившейся дамой за кассой, с новыми, только что начавшими работу гарсонами; и мы продолжали говорить о множестве разных вещей и преимущественно о вопросах искусства, в котором ему все казалось необъяснимым и замечательным; особенно — литература. Ему представлялось непостижимым, что человек может вот так просто сесть и написать целую книгу и рассказать в ней много интересного и, главное, такого, о чем, казалось, никто не знал, кроме него, мистера Питерсона, и неведомо как догадавшегося об этом автора. До самого конца, однако, я не знал ни фамилии моего собеседника, ни кто он и откуда он. Но когда я как-то сказал — вы, как англичанин...— он тотчас поспешно запротестовал — нет, нет. Я не англичанин, я шотландец. Он уезжал из Парижа в тот же вечер и, расставаясь со мной, успел только назвать себя и сказать, что живет обычно в колониях, не прибавив, где именно, и что если мне когда-нибудь представится случай... Я поблагодарил его — и мы с ним попрощались в одиннадцатом часу утра; он записал мою фамилию и адрес и уехал в гостиницу «Крийон» — я слышал, как он сказал это слово шоферу.

Прошло несколько месяцев, наступило лето. Я жил в маленьком средиземноморском городке, в четырех километрах от Villetrache, и пошел однажды купаться довольно далеко, по другую сторону мыса; там был скалистый, каменный берег с гротами и уступами, вырытыми ежедневным прибоем; и на моем любимом месте игрой воды и случая образовалось нечто вроде естественной лестницы из трех ступеней — очень плоский камень наверху, метром ниже второй, на который уже набегали волны, и еще ниже третий, подводный, покрытый зеленовато-бурым мхом совершенно удивительной мягкости. Прозрачная вода с ясно видимым дном неизменно обманывала глаз, и в первый раз, когда я попал туда, я спрыгнул, ногами вниз, собираясь стать, как я сделал бы это на мелком месте, но ушел глубоко под воду и дна все-таки не достал. Потом я выяснил, что там было около пяти метров глубины.

Был неподвижный и знойный день с остановившимся морем, на берегу не было никого. Я поплыл сначала вдоль берега, потом к открытому морю, я плыл, не оборачиваясь и не видя берега; и когда я повернулся, направляясь обратно, я увидел, что на моем камне сидел какой-то человек, которого я не мог как следует различить. И только когда я совсем приблизился, я узнал мистера Питерсона. Над его глазами был роговой зеленый козырек; он был в рубашке без рукавов, расстегнутой на груди, по которой вились седые волосы, в коротких штанах нежно-кремового цвета. Он удивился встрече со мной так же, как я изумился его совершенно неожиданному появлению,— и искренне обрадовался.

— Очень, очень рад,— повторил он несколько раз, пожимая мою мокрую руку,— как вы сюда попали? — Потом он собрался купаться, спросил меня, глубоко ли здесь, и на мой ответ сокрушенно покачал головой. За его спиной лежало два купальных халата и старинного фасона трико, доходившее ему чуть ли не до горла, тоже плотнейшей материи с красным, вышитым треугольником вверх ногами, в котором были инициалы J. P.— Джим Питерсон. Он осторожно влез в воду, окунулся — и вдруг поплыл чрезвычайно странным способом, в котором было смешение всех стилей и грубейшее нарушение элементарных спортивных начал, не мешавшее ему, однако, чувствовать себя в воде совершенно свободно.

Он пригласил меня завтракать в свой пансион — и после этого мы провели вместе с ним около трех недель, ездили повсюду, были в казино Монте-Карло, где мистер Питерсон после долгих часов ожесточенной игры с крупными ставками выиграл в общем около двадцати франков, были в ниццких кинематографах, осматривали достопримечательности всякого рода и окончательно условились о том, что, если я когда-нибудь буду в Бомбее, где он постоянно живет, я должен буду остановиться у него. Я сказал, что это было бы прекрасно, но что я, однако, сильно сомневаюсь в том, что мне удастся в течение ближайших лет попасть в Индию.— Почему, собственно? — Мистер Питерсон, подобно многим богатым людям, был введен в заблуждение некоторыми внешними обстоятельствами моей жизни, не имевши-

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

ми, в сущности, никакого основания,— в частности, тем, что в Париже я явно бездельничал и жил, как полуночник, затем ездил на юг отдыхать и, стало быть, мог бы так же съездить и в Индию. Стараясь избежать длительных и ненужных объяснений, я дал ему понять, что в настоящий момент состояние моих дел, совершенно, впрочем, удовлетворительное, не позволяет мне все-таки совершать дорогостоящие путешествия.— Да...— задумчиво сказал Питерсон. На следующий день он сделал мне предложение, на которое я согласился, и потом, попросив его не обижаться, заметил, что он поступил, как настоящий анекдотический шотландец, решение которого не носит, так сказать, молниеносного характера, и что я ценю его деликатность,— потому что если бы он предложил что-либо другое, то я вынужден был бы отказаться, и это вызвало бы тягостную неловкость и у меня, и у него. Питерсон предложил мне отправиться в Бомбей на одном из его грузовых пароходов в качестве единственного пассажира. Мы условились, что по прибытии в Марсель, примерно в январе следующего года, капитан этого парохода, который назывался Lady Hamilton, даст мне телеграмму в Париж о том, чтобы я выезжал.

Я почти забыл об этом за долгие месяцы, прошедшие со дня отъезда Питерсона из Ниццы, куда я его проводил. В Париже, как всегда, я жил в состоянии постоянной душевной тревоги, которая доводила меня до печального и бесплодного исступления. Дела мои вопреки успокоительным заявлениям, которые я сделал Питерсону, шли очень плохо, я был несчастен в любви и во всех своих начинаниях — словом, продолжалось все то, к чему я за многие годы такой жизни не мог привыкнуть и с чем не мог и не хотел примириться.

Я сидел у себя в комнате, в состоянии совершен-

ного отчаяния, когда раздался звонок, и мне передали телеграмму. Телеграмма была из Марселя, от капитана Lady Hamilton, он ждал только моего приезда, все было готово к отплытию. Было семь часов вечера; я наскоро уложил вещи в чемодан, пообедал, поехал на Лионский вокзал и успел как раз вовремя, чтобы взять билет. На следующий день я был в Марселе.

Мистер Питерсон приехал меня встретить в бесконечно длинном Изотто-Фраскини; за рулем сидел высокий индус. На его голове был белоснежный тюрбан из тонкой кисеи, много раз обмотанной,— и свободный ее конец был расправлен ровным, крахмальным взмахом посредине головы. Рядом с ним сидел второй индус, несколько менее декоративный, но который тоже поразил бы мое внимание, если бы оно не было поглощено его более блистательным соседом.— Здравствуйте,— сказал Питерсон так, точно мы расстались вчера,— я нахожу, что начинает становиться жарко. Как прошло ваше путешествие?

Свернув в одну из боковых улиц, автомобиль остановился перед неширокими створчатыми воротами, которые тотчас же открылись, и мы въехали в сад, в глубине которого был двухэтажный дом с широкими террасами и нависающей крышей. Громадный желтый дог подбежал к мистеру Питерсону, он потрепал его по голове. За первым домом стоял второй, значительно меньший, в котором жили слуги Питерсона.

Распределение времени в обычные, не чрезвычайные дни мистера Питерсона было установлено раз навсегда. Он вставал в шесть часов утра и шел на прогулку. К семи он возвращался домой, принимал ванну и, слегка закусив, ехал в бюро, откуда возвращался к завтраку, после которого спал ровно час,— и я изумлялся непогрешимости его рефлексов: он ложился, мгновенно засыпал и точно через шестьдесят минут просыпался. Потом он снова ехал в бюро, оттуда в клуб и часам к восьми приезжал домой обедать. Так было в нечрезвычайные дни, но иногда это времяпрепровождение менялось, тоже, впрочем, с такой же традиционностью; он завтракал не дома, а в клубе, или вечером у него бывали гости, или же, наконец, он бывал куда-нибудь приглашен, и в таких случаях я обычно сопровождал его. Два раза в неделю полагалось купаться, один раз в Джуху, на океанском пляже у пальмовой рощи, довольно далеко, минутах в сорока езды от Бомбея, второй раз в самом городе, в купальне. Один или иногда два раза в неделю полагалось играть в теннис,— но во всех обстоятельствах и всюду нужно было пить прохладительно-алкогольные напитки, и в невероятном количестве.

Иногда, под вечер, я брал второй автомобиль мистера Питерсона, садился за руль и ехал в город без определенной цели. Я предпочел бы ходить пешком, но расстояния в Бомбее были слишком велики, города я не знал, наемный автомобиль было не всегда возможно найти, особенно в кварталах, удаленных от центра, на возвращение пешком понадобились бы целые часы, и я не хотел рисковать такой перспективой. Помню, что однажды я остановил автомобиль на узкой и тихой улице, в совершенно незнакомой части города, на теневой стороне, и закурил папиросу. Я просидел так несколько минут, отдыхая от жары. Вдруг до моего слуха донесся женский голос: «Роза!» Я поднял голову: в одном из окон второго этажа, высунувшись наполовину, стояла пожилая женщина с черно-седыми волосами. Через секунду из противоположного окна выглянуло молодое лицо Розы,— и начался разговор на еврейском языке, который я с трудом понимал. Речь шла о каких-то коврах и мебели, которые можно было недорого купить у наследников мадам Френкель, которая умерла позавчера; пока что можно было не торопиться, но вообще не надо упускать этого случая. Но я особенно удивился, когда Роза сказала по-русски:

— Но это же дешевка.

Я хотел обратиться к этим женщинам и спросить их, как они сюда попали и что они здесь делают. Но едва я произнес первые слова, обе женщины мгновенно исчезли, как в сказке,— и я так и не узнал, отчего умерла мадам Френкель и какое отношение к ней имела Роза или ее собеседница. Потом мне сказали, что эта улица состояла почти сплошь из публичных домов, и я испытал чувство неловкости и грусти. Как попали сюда русские еврейки? Я видел их до этого в Константинополе, во всех портах Черного моря, но это было, в сущности, недалеко от Одессы. Было так удивительно за много тысяч верст от России услышать эту фразу, которая должна была бы прозвучать на Пересыпи или Молдаванке,— но это же дешевка,— и я задумался на минуту об этом странствующем мире Израиля, к которому всю жизнь чувствовал непонятное влечение.

В Бомбее он был таким же, как всюду. Я познакомился там с семейством Рабиновичей, состоявшим из мужа, жены и пятилетней дочери. Жена Рабиновича, полноватая женщина лет тридцати, которая начала уже расплываться и стареть, лицо ее стало уже терять ту грустную, еврейскую красоту, которая еще несколько лет назад, наверное, была исключительна,— рассказала мне, что они приехали в Бомбей буквально без копейки, но что, слава Богу, теперь все идет лучше, хотя здесь, вы знаете, такая дороговизна, такая дороговизна... Они прекрасно жили, были, казалось, счастливы и очень нежны друг к другу, но когда я как-то сказал ей вскользь — приятно видеть, что у вас все благополучно,— она пожала плечами, покачала головой и сказала:

— Благополучно! Что значит благополучно?

И она начала жаловаться, что муж не жалеет себя. «Он убивает себя этой каторжной работой; конечно, хорошо, что они еще живы, но разве можно так неосмотрительно употреблять слово „благополучно"?»

И потом, понизив голос, она прибавила:

— Вы же не знаете моего главного несчастья, из-за которого я ночи не сплю, меня всю выворачивает. Ведь у него же больная печень.

И через неделю сам Рабинович, наклонившись ко мне,— мы сидели рядом — сказал:

— Ради Бога, не говорите моей жене, но вам, как мужчине, я скажу прямо: я обреченный человек. Да, я работаю, да, я занимаюсь делами, да, никто этого не знает. Но я обречен.

Он покачал головой — снизу вверх, сверху вниз.

— Жена этого не знает, иначе она сошла бы с ума. Но вам я скажу: у меня больная печень. Что? Лечить? Мой дорогой друг, болезни не лечат, болезни залечивают, но потом они возникают опять — и тогда они вас убивают. Я знаю это.

Я был у них однажды поздно вечером, мы вышли в сад. В темном небе светили громадные звезды.

— Когда я была совсем молодая,— сказала жена Рабиновича,— ты помнишь, Мирончик? — я так переживала эти звезды: я так им радовалась, как будто они были родные. И вот светят теперь так же, как светили раньше, но я уже этой радости не чувствую.

В Рабиновиче, как во многих евреях, которых я знал в разных странах — но всегда под чужими небесами, как сказал Рабинович,— было удивительное соединение философа и коммерсанта. В философии он был печален, созерцателен и пассивен — в коммерции энергичен и бесконечно изобретателен. Он торговал чем угодно, заключал сделки, ездил в разные места, телефонировал, телеграфировал, спорил, обсуждал, комбинировал, и, хотя значительная часть этой работы шла впустую, остального было достаточно, чтобы обеспечить ему чрезвычайно сносное существование и, помимо денег, вложенных в разные предприятия, неизменно увеличивать свой текущий счет. Но как только речь начинала идти о вещах отвлеченных, Рабинович становился безутешен.

— Ну, хорошо, чужое небо,— сказал я ему,— вы всегда употребляете это выражение. Но где-то же есть ваше небо?

Мы сидели в креслах, на террасе дома, в котором он жил. В стаканах едва слышно, умолкая, еще чуть-чуть шипела только что налитая вода из сифона. Рабинович резко повернулся в кресле и сделал отчаянный, широкий жест рукой.

— Нет, нет,— сказал он. И потом, показывая большим пальцем правой руки себе за плечо, назад, он спросил: — Вы помните ваше откровение Святого Иоанна?

— Помню,— сказал я.— Это единственная глава в бледном, в общем, Новом Завете, написанная с библейской страстностью и библейским великолепием. Но, в сущности, это скорее ваше откровение, чем наше.

— Оставим этот вопрос пока что. Так там есть одно замечательное выражение. Это, конечно, только образ, но это прекрасно. «И ангел вострубил, и небо скрылось, свившись, как свиток». Так вот, это случилось с нашим небом. Его нету.

В течение некоторого времени я почти прекратил свои самостоятельные поездки по городу, предпочитая сидеть в библиотеке, в кресле, стоявшем рядом с полкой классических авторов и над которой мистер Питерсон приклеил длинную пластинку из блестящего белого картона с надписью, которая мне очень понравилась своей наивной торжественностью: Here the dead speak to the Living...*

Но все же иногда, когда и это мне приедалось, я ехал в город; и однажды в начале такой прогулки встретил Рабиновича, которого не видел некоторое время. Он вышел из своего бюро на несколько минут, не помню, по какому делу.

Он предложил мне отправиться вместе с ним на следующий вечер в гости к хозяйке французского пансиона, которая должна была праздновать свои именины. Я отговаривался тем, что неудобно идти, не будучи не только приглашенным, но даже знакомым.— Это пустяки,— сказал Рабинович,— я ей протелефонирую. К тому же там будут русские.

Я не имел никакого представления об этом французском пансионе. Он оказался второго или даже третьего сорта,— я успел отвыкнуть от такой обстановки. На столике, в гостиной, лежал целый комплект программ Moulin rouge совершенно незапамятных времен, примерно девятьсот третьего, девятьсот четвертого года. Сама хозяйка пансиона, мадам Карено, очень немолодая женщина с накрашенным лицом и немного жалобными глазами, была одета в совершенно особенного покроя платье, состоявшее из многих, непохожих друг на друга и разлетающихся слоев очень тонкой черной материи; каблуки туфель ее меня поразили своей извилистостью и вышиной. Тут же был ее муж, идеально лысый человек, незначительного вида, худощавый и желтоватый. Рядом с ним я увидел русскую чету, совершенно меня поразившую. Впрочем, мужа я заметил как-то на улице, недели за три до этого, и так засмотрелся на него, что едва не въехал на тротуар. Для Бомбея он был действительно совершенно необычен. У него был вид старого интеллигента, классический и не нарушенный никакой неканонической подробностью: седая бородка, седые усики и пенсне. Но на нем были тропический шлем, рубашка с короткими рукавами и штаны до колен; и этот в общем нормальный костюм на нем был нелеп до невероятности. Он представился: его звали Серафим Иванович, Серафим Иванович Васильков. Его жена была похожа на постаревшую нигилистку,— со стрижеными, прямыми волосами, с маленькими глазами неожиданно детского, голубого цвета. Она была в зеленом платье. На Серафиме Ивановиче в тот вечер был потертый синий костюм с узкими внизу брюками. Больше не было никого. Разговор происходил по-французски, хотя ни Серафим Иванович, ни его жена не знали этого языка; Рабинович говорил довольно бойко, хотя и оперируя той же самой гаммой интонаций, которая ему служила для всех языков,— так что, если бы слушать его речь из соседней комнаты, то можно было бы только безошибочно сказать, что это говорит Рабинович, но на каком языке, об этом никак нельзя было судить. Англичанин бы сказал, что это не по-английски, француз — не по-французски, русский тоже не узнал бы своего языка, и все ошиблись бы потому, что это мог быть в одинаковой степени и английский, и французский, и русский. Когда я его тут же спросил вполголоса, где он научился французскому языку, он быстро пожал плечами и сказал естественнейшим голосом: — Как где? В Одессе,— точно в Одессе было невозможно жить, не зная французского языка.

Мадам Карено обращалась чаще всего ко мне, потому что Рабинович сказал ей, что я парижанин. Она уехала из Парижа без малого тридцать лет тому назад, когда была совсем маленькой, по ее словам. Чем больше я всматривался в нее, тем больше убеждался, что в этой женщине было нечто ненормальное. Я никак не мог, однако, понять, в чем дело. Она совсем не производила дурного впечатления, наоборот, в ней была некоторая беззащитная привлекательность, но что-то было не так. Я никак не мог, однако, понять, в чем дело. Наконец ее муж поднялся из-за стола и сказал, что хочет мне передать одну важную вещь. Я вышел вместе с ним в другую комнату. Он был явно смущен, череп его покраснел, он некстати посмеивался.— Вот... да... видите ли... — он все не знал, как начать. Потом вдруг, решившись, он сказал, что я, по-видимому, симпатичен его жене и что я мог бы...— Я продолжаю не понимать,— сказал я. Он тогда наклонился ко мне и сказал, что я мог бы попросить его жену выйти в голом виде.— Что? — спросил я в совершенном изумлении. Он прибавил, что это ей доставит удовольствие и что я, как молодой человек... — Нет, это невероятно,— сказал я.— Я знаю, я знаю,— пробормотал он в совершенном замешательстве.

Я посмотрел еще раз на его печальное лицо; и вместо того, чтобы испытать отвращение к этому человеку, почувствовал к нему глубокую жалость. У него застыло на лице искательно-растерянное выражение.— Попросите ко мне на минуту Рабиновича.

Он облегченно вздохнул, пожал мне зачем-то руку и вышел. В гостиной в это время мадам Карено играла в карты с Васильковым. Рабинович явился с расстроенным лицом.— Слушайте, что это за история? — сказал я ему.— Я знаю, что вы мне скажете,— ответил Рабинович.— Это же несчастная женщина. У нее было двое детей, они умерли, когда были маленькие. Вы видели ее мужа.— Да, но все-таки... — Слушайте,— сказал Рабинович убедительным голосом,— что, у вас глаза заболят, что ли?

* Здесь мертвый говорит с живым.

Я тоже ее видел, и еще некоторые видели — ну, и что из этого? Она же больная, вы понимаете? И я вам скажу правду, что она на редкость хорошая женщина. Когда была больна моя маленькая Рахиль, вы бы видели, как она за ней ухаживала. Моя жена тоже знает эту слабость мадам Карено и знает, что я ее видел. Доставьте ей это удовольствие...

Наступила пауза. Рабинович покачал головой и потом прибавил:

— Я вам больше скажу. Я вам могу дать слово, что это совершенно порядочная женщина. К тому же мы будем с вами вдвоем.

Тогда я согласился. Мадам Карено вышла сначала голая, в черных туфельках и с черным бантом на шее. Потом она скрылась за портьерой и через несколько секунд снова появилась, уже без банта, но вся закутанная в гигантскую красную шаль, которую она внезапно распахнула, остановившись в картинной позе. У нее было очень белое и полное, но довольно крепкое еще тело. Затем она ушла и вернулась уже в гостиную, вновь в своем многослойном платье. В первом часу ночи мы уехали.

Потом я был у мадам Карено еще несколько раз и подолгу разговаривал с ней. Она была действительно хорошей женщиной — доброй, доверчивой и в самом деле совершенно порядочной. Но мечтой всей ее жизни было стать кафешантанной дивой. Она вряд ли даже ясно представляла себе, что это такое, ее прельщала главным образом декоративная сторона: поклонники, кулисы, и все это как-то платонически. Когда я пытался доказать ей, что она не подходила для такой жизни, она замахала на меня руками. Что вы, что вы! Именно такую жизнь ей и следовало вести. К сожалению, обстоятельства не позволили ей это сделать. Ее муж был болен особенной формой туберкулеза и не был в состоянии работать,— не могла же она его оставить? У нее были дети,— не могла же она их оставить? В Индии она сначала была гувернанткой, потом вот открыла пансион, в котором останавливались случайные люди. Она мечтала о Париже, очень хотела поехать во Францию, но не на кого оставить пансион, и, кроме того, это так дорого стоит. Я уходил от нее с чувством сожаления и неловкости, точно был в чем-то виноват перед ней,— может быть, тем, что совсем недавно приехал из Парижа и через некоторое время поеду обратно.

Затем я ближе узнал и Васильковых. Марья Даниловна боготворила своего мужа и, как множество жен, считала его самым умным, самым красивым и самым лучшим в мире,— о нем вообще говорилось только в превосходной степени. Она приехала к нему в Индию из России, двумя годами позже него. Она приехала через Кавказ, Персию и Афганистан, подвергаясь лишениям и опасностям, для этого нужна была исключительная личная смелость и сильнейшее желание добраться до Серафима Ивановича; но самым удивительным было то, что она довезла до Бомбея самовар, средних размеров обыкновенный тульский самовар. Серафим Иванович служил в каком-то бюро — я до сих пор не понимаю, как это ему удавалось делать, он почти не знал по-английски. Марья Даниловна помогала мадам Карено,— и так они жили вдвоем в Бомбее. У них не было родственников, почти не было знакомых, и уже в преклонном возрасте обе существовали в этом двойном одиночестве здесь, в городе, где все было им идеально чуждо и далеко.

Однако у Серафима Ивановича и Марьи Даниловны была одна спасительная отдушина: каждый вечер Серафим Иванович писал дневник своей жизни, затем читал написанное Марье Даниловне и аккуратно переплетал все это в большие тетради с тем, чтобы потом опубликовать. Он писал, кроме того, рассказы, повести и романы. Я несколько раз слушал его чтение и следил с невольной улыбкой за восторженным лицом Марьи Даниловны.

За многие годы литературной жизни, посещая бесчисленные собрания, я привык слушать самое разнообразное чтение. Я слышал скороговорочное бормотание совершенно незначительных произведений, и длиннейшие отрывки из бессодержательных романов, и некоторых авторов, просто плохо владеющих русским языком и писавших на полуукраинском, полуеврейском наречии; я слышал бесконечное множество разнообразных стихотворений, иногда даже со звукоподражательными эффектами, вроде завывания ветра или шума дождя,— и длинная галерея графоманов сохранилась в моей памяти. Эта незаменимая тренировка позволяла мне в конце концов выслушивать все, что угодно, и в то время, как мои соседи ерзали и нервничали в особенно спорных, по их мнению, местах, я оставался совершенно спокоен. А вместе с тем мне приходилось присутствовать на выступлениях редкой оригинальности вроде того, когда сидевший неподалеку от меня человек простого вида во время диспута об аграрном вопросе вдруг вскочил и закричал тонким голосом: я не могу терпеть, когда за крестьян царапаются! — и тотчас ушел. Я никогда не мог понять смысла, который он хотел придать этой фразе. В другой раз, на лекции одного критика, отличавшегося очень своеобразными взглядами на русскую литературу,— он был независимый, смелый и глупый человек,— и, в частности, не признававшего за Достоевским почти никаких достоинств, в зале раздался неумелый, но тщательный свист, и выяснилось, что свистал приличнейший человек, приват-доцент, очень немолодой мужчина, с причудливо вырезанной лысиной, так что издали казалось, что голова его покрыта зачем-то сероватым кружевом странного рисунка, специалист по Византии, богоискательству и тайникам души; сам он говорил вещи преимущественно возвышенные, актерски-адвокатским задушевным голосом и с надрывом, употребляя такие слова, как «юдоль», «ипостась», «искус», «прообраз».

Чтение Серафима Ивановича я слушал с чрезвычайной легкостью. Я мог заметить тогда же, что все его невольные странствия и приключения ни в какой степени не отразились на нем. Он принадлежал к первым годам столетья, к передовой русской провинции того времени и таким и остался. Писал он просто, к сожалению, чисто беллетристического дара у него, по-видимому, не было так же, как не было разборчивости в выражениях; у него фигурировали и свинцовые облака, и злополучное майское утро, и золотые лучи солнца. Но у него была известная бойкость изложения, кроме того, он хорошо знал русский язык и мог бы, конечно, с успехом быть журналистом или редактором небольшой еженедельной газеты. К несчастью, в Бомбее русской прессы не существовало, а в остальных многочисленных газетах и журналах — в Париже, Праге, Шанхае, Риге — его произведения не печатали, потому что у него не было никаких личных знакомств или связей. Он был, однако, настолько неиспорчен, что это объяснение неуспеха не приходило ему в голову, и когда я высказал ему свои соображения, он был очень удивлен и огорчен. Он никогда не сталкивался с газетной и литературной средой и имел о ней такие идеалистические представления, что мне не хотелось ему объяснять, как обстояло дело в действительности.

Но была все-таки во всем, что он писал, непритворная и неаффектированная печаль. Он не делал из этого литературного приема или profession de foi, вроде профессионально скорбящих и годами рыдающих писателей, благополучно существующих на гонорары, получаемые за эти платные сокрушения,— с сочувствующими женами и плохо поддающимся лечению геморроем. Печаль Серафима Ивановича была другого порядка, природного — как русский пейзаж,— говорил он сам. Она же слышалась в его голосе, когда он, аккомпанируя на гитаре, пел стариннейшие романсы:

Забыты нежные лобзанья,
Уснула страсть, прошла любовь...

Когда я пришел к нему в третий раз, он прочел мне рассказ, который назывался «Белые Призраки». В нем рассказывалось о крестьянине, который замерзал в степи, и ему все казалось, что его окружают белые, почти безлицые, полупрозрачные и клубящиеся призраки. Ему удалось добраться до ближайшего селения, но на отмороженной ноге началась гангрена. И, умирая в душной избе, он задыхался от холода, ему казалось, что он окружен снежной пустыней, в которой движутся эти клубящиеся, исчезающие призраки, и что он один, совершенно один на всем свете.

Был, как всегда, раскаленный бомбейский вечер, мерно шумел вентилятор, капли пота собирались на неподвижном, сосредоточенном лице Марьи Даниловны, которая слушала рассказ с напряженным вниманием. Рассказ, технически неудачный, был, по-видимому, очень хорош, потому что я с неожиданной силой вдруг почувствовал тогда жалость к Серафиму Ивановичу — к трогательному старенькому его лицу, седой бородке, пенсне; и я не отрываясь смотрел на него, с печальным и необъяснимым исступлением.

На следующий день Серафим Иванович заболел: он жаловался на резкие боли в кишечнике. Врачи, как почти всегда, не умели ни определить, ни лечить его болезни, и со страшной быстротой, характерной для тропического климата, Серафим Иванович в три дня «сгорел», как сказала Марья Даниловна. Его похоронили, неглубоко зарыв в беспощадно-жесткую и выжженную красную землю; в то утро зной был еще раскаленнее, еще невыносимее, чем всегда. К Марье Даниловне было страшно подходить, и я, подобно другим, испытал это животное чувство страха, похожее, по-видимому, на состояние собаки, ощущающей близкое присутствие смерти в еще живом человеке,— смерти, тень которой не сходила с лица Марьи Даниловны. Я видел войну, видел много умирающих, присутствовал на нескольких агониях, но никогда не испытывал такого страха.

Когда я вернулся домой и вошел в библиотеку, то знакомая надпись Here the dead speak to the Living еще раз напомнила мне о Серафиме Ивановиче, и я впервые подумал о том, как будет жить Марья Даниловна, у которой не осталось буквально никого и ничего на свете, ничего, кроме сознания своего смертельного одиночества. Прошел месяц, я видел ее два раза — с тем же остановившимся выражением беспощадных ее глаз, от которых я тотчас же отводил взгляд. Потом однажды утром мне позвонил Рабинович, который сказал, что Марья Даниловна ночью умерла. Я поехал к мадам Карено, которая объяснила мне, что Марья Даниловна с вечера жаловалась на недомогание, потом вошла в свою комнату, легла на кровать, лицом вниз, и больше не шевельнулась. Я вошел к ней; она лежала, положив руку под голову, и на полном сгибе ее пухлого, неподвижного локтя уже появилось черное, овальное пятно. Она была в затрапезном своем, запачканном платье, сшитом в Баку, у кровати стояли ее очень стоптанные, сиротливые туфли; и эта ужасная ее бедность, теперь совершенно беззащитная, произвела такое впечатление на стоявшего рядом со мной Рабиновича, что слезы, не останавливаясь, катились по его смуглому лицу.

Ее нельзя было похоронить рядом с мужем, их могилы на армяно-грегорианском кладбище были отделены друг от друга еще одной, в которую опустили совершенно чужого армянина из Персии, внезапно умершего в день своего приезда в Бомбей от припадка грудной жабы и чье случайное существование было таким непостижимым образом соединено с этими двумя смертями.

— Вам еще не так,— сказал мне Рабинович,— все люди братья,— забываясь, бормотал он,— но вы еще верите в загробную жизнь, а у нас, евреев, нет даже этого утешения.

Я посмотрел вокруг — на пыльную, выжженную зелень, взглянул наверх и слезящимися от солнца глазами увидел огромное и пустое, розово-синее небо.

— Вы ошибаетесь,— сказал я,— я, к сожалению, не верю в Бога, и у меня так же нет утешения, как и у вас.

Была уже вторая половина мая, приближался период дождей. Мы зачастили последнее время в Джуху, Питерсон, Грин, я и питерсоновский дог, и купались часами. Однако далеко заплывать было опасно из-за сильных прибрежных течений; однажды в такое течение попал дог, и его отнесло далеко от нас. Но он был настолько силен и неутомим, что через сорок минут плавания вылез на берег, встряхнулся и карьером бросился к Питерсону, радостно лая. Грин рассказывал всевозможные истории об акулах. Однажды в пальмах вдруг прошумел неизвестно откуда взявшийся ветер, и на секунду стало свежо и легко дышать. Было еще несколько охот, вплоть до охоты на пантеру, куда уехали Питерсон и Грин, а я остался дома, потому что мне нездоровилось; но когда старики вернулись, то Питерсон заявил, что охота была редкой в том смысле, что в этот раз они не видели не только пантеры, но даже кролика. Так что наш юный друг, как утешающе сказал Грин, который, наверное, представлял себе, что старики выдержали кровавую схватку с хищниками, может не жалеть, что не поехал. Зато на следующий день мы отправились в зоологический сад, и я видел великолепных тигров, совершенно чудовищных размеров, о которых в Европе я не имел представления, и черную пантеру, с бешенством бросавшуюся к прутьям клетки и потом отпрыгивающую назад, с непостижимой, акробатической точностью переворачивая свое гибкое тело на лету и мягко падая на лапы.

Но ни зоологический сад, ни охота, ни купанье, ни библиотека, ни чудесная прозрачность Пирсоновского мира не могли уже мне вернуть вновь утраченное душевное спокойствие, и нужны были бы, быть может, долгие месяцы, чтобы окончательно замерло и остановилось то волнение, которое я впервые испытал в обществе Серафима Ивановича. Я не мог не думать о его трагической и удивительной судьбе и о том, как вслед за ней, послушной и смертельной тенью, прошли последние, неудержимые дни Марьи Даниловны. От этого моя мысль переходила к другим вещам, я думал о преследующих меня воспоминаниях, о многих безвозвратно печальных вещах и о том, что всюду, куда занесет меня судьба,— так же, как сейчас, в Бомбее,— в один прекрасный вечер все это безмолвно вновь возникнет передо мной, и я никогда не уйду от этого.

И я уехал из Бомбея. Он медленно удалялся от меня в густой темноте незабываемого тропического вечера, окруженный звездами и небом, которое мерно двинулось назад и пропало в медлительном беге — в ту минуту, когда наступила полная ночь и когда скрылись с моих глаз последние огни исчезнувшего города.

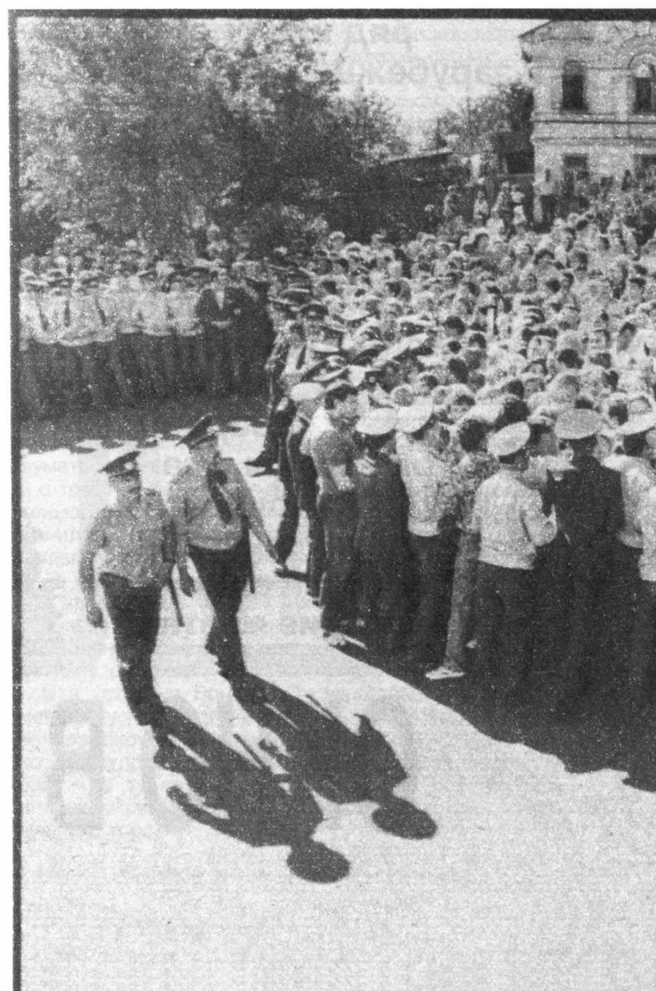

ФОТО
Игоря ФЛИСА
(Москва),
Валерия ЩЕКОЛДИНА
(Переславль-Залесский)

ФОТОКОНКУРС

Земля у нас одна

Инна ШУЛЬЖЕНКО

АМАСПЮР

Представь себе, дружок: ты входишь в ТАТЛИНскую башню, по ЭКСТЕРовским подиумам поднимаешься наверх, являя собой движущуюся часть некоей объемной РОДЧЕНКОвской фотографии, и глаз — твой, а не КИНОГЛАЗ Дзиги ВЕРТОВа,— то тут, то там тоже здесь бликующий,—цепляет, раздражает, дробит та обаятельная, нагловатая, к первобытному в тебе обращенная МЕЙЕРХОЛЬДовская безвкусица, медоточивым по части теорий Маэстро нареченная некогда эклектикой... Но если ты случайно еще не знаешь ни Татлина, ни Экстер, ни Родченко, ни Вертова, ни Мейерхольда... тогда вообрази простое и веселое: взбеги по лесенке стихов Маяковского!

Ибо сие соответствует ирреальной действительности этого пространства. Только не слушай старших, дружок, ни за что.

... лаубверк, флехтверк, волькенбанд *, амаспюр: даже в его фамилии как бы закодирован некий термин, непонятно что именующий, подразумевающий, имеющий в виду: модерн — не модерн? стиль начала века? направление? или, может, какое-нибудь архитектурное излишество?.. Бог его знает.

...Вообще, надо сказать, мне нравится все, что так или иначе связано с краской. Поэтому мне нравятся художники, даже те, кого я знаю лично. Не их картинки, не они сами, а то, что они художники. От их рук пахнет краской, краской пахнут их мастерские, даже их женщины — и те восхитительно пахнут растворителем. Живопись как физиология — мой случай. Художники, на мой взгляд, уж тем и хороши (даже самые убогие), что они художники, а не, к примеру, мясники или банкиры, или еще Бог весть кто. Что им красить нравится, а не по всем правилам расчленять говяжьи туши.

А Женя Амаспюр — художник.

Из письма безымянного автора: «... каждый отличен и зрит мир сам, а любое название петлей бросается на сноп ощущений и стягивает в единый букет колосьев пшеницы, полыни, кашицы, трепещущих ног большого кузнечика, извивающуюся гусеницу и серый мышиный хвост, а ведь все это попросту можно назвать снопом...» — и я тоже могу попросту назвать «музеем Маяковского» тот объект, который от сочинения литературной структуры пространства, через решение архитектурной концепции и до реального строительства придумал, выклеил макетик, прожил несколько лет в строительной робе и (это мне внутренний голос нашептывает) по сию пору вряд ли верит, что вся эта махина существует в действительности (проезд Серова — адрес),— осуществил Евгений Амаспюр.

Могу назвать — но не буду. Пока.

Потому что если перестать фильтровать информацию через себя — любимую, то получится вот что: команда, три года просто-напросто прожившая на строительной площадке, в которую превратился бывший всегда музей Маяковского на Лубянке (мемориальная комната, тусклая, тесная, страшная, как вместилище скорби, как за оградой кладбища, на погосте, могила самоубийцы, и масса кабинетиков-клоповничков, где ютились интеллигентные Барышни, до буковки разбирающие литературное наследие Хулигана),— команда, надо сказать, совсем непростых мужиков, каждый со своими заморочками, своими регалиями, амбициями, талантами, своими делами, короче говоря, три года жили, вкалывали, выпивали, время от времени устраивали разборки — то междусобойные, то инстанционные — и, думается мне, гадали: а тем ли они заняты?..

(Потому что в нашей стране, может, и не всякий знает, что такое комплекс Герострата, но то, что ломать — не строить, — уяснил для себя каждый.)

...Когда возводится здание — даже то, что недавно по ТВ пообещали японцы: в n-километров длиной, дом-город, дом-подземелье и дом-поднебесье, дом для маленькой страны,— существует проект, рассчитанный до миллиметра, всякие там сметы, расходы-приходы и т. п., то есть здание как бы уже существует, как бы уже есть, остается построить, и главное — не ошибиться при воплощении; строители сменяют друг друга, фирма — фирму, прораб — прораба, настают горячие денечки для томящегося в своем офисе автора проекта: самое ужасное в творческом акте — финал и ожидание резонанса... Это вам всякий скажет (коли не соврет).

А вот строится маленький, довольно нелепый, корявенький какой-то (конечно, в сравнении с тем японским домомстелой) музей. Три года строится, и автор — за неимением офиса и отсутствием счастливой уверенности в безошибочности отечественного воплощения — все три года днюет и ночует на стройке, холит и подкармливает свое чувство к проекту, раздувая его пропорционально масштабу «макет: оригинал»: ведь устанешь, разлюбишь — каторга, а не работа, к черту-дьяволу тоже не пошлешь — не красна девица же. Вот и получается простое, как мычание: смысл любого действия — в любви, а жизнь — тоже акт, простенький такой силлогизм, а поди попробуй пожить любя...

(А нижеследующий курсив, пожалуйста, попробуем счесть письмом из рубрики «Почта «Огонька».)

Что побуждает человека верности своему труду? Трудному (да-да), изматывающему, как правило, неблагодарному? Черному — часто. Что заставляет человека идти из-за него на ощутимые жертвы, лишения? Отказываться от столь сладкого удобства в быту, от уюта, беззаботности, сытости? Что принуждает пренебречь советом друга? Претерпеть потерю любимого?

Какое вещество питает эту веру? Ведь в себе не так уж трудно усомниться — и кому угодно. (Меня, когда я задаюсь всеми этими неслабыми вопросами, не интересует ни самоуверенность дурака, ни вера — от отчаяния — политика.) Все положенные в подобных случаях высокие слова как есть: «духовность», «вера в свое предназначение» — это все да. Хотя верить в свое предназначение можно и ничего не делая, и даже не зная, в чем оно,— это-то уж я по себе знаю...

И меня — без шуток — поражает тот факт, что в СССР все равно известно, что такое... ну, например, кинематограф, или театр, что и редкая, высококлассная режиссура все же присутствует в совковой культуре именно как режиссура, а не агитка или массово-затейливость... Или вот — египтологи, никогда не бывшие в Египте, и не знавшие наперед, что с 86-го года появится эта возможность: выйти в аэропорту Каира и вдохнуть ночную теплоту запахов, насочиненную за всю долгую зимнюю жизнь в Союзе... Что вопреки всему — и даже просто здравому смыслу, что для ученого особенно приятно,— всю свою жизнь совершенно конкретный человек, живя в Москве, занимался проблемой авторства шекспировских текстов (проблемой в СССР как бы не существующей и негласно запрещенной), и именно он, а не англоязычный гражданин свободной страны, Америки или Великобритании, сделал Великое Открытие на многовековом пути идентификации личности и подставного лица... Но это — отдельный рассказ.

...Что в конце концов у каждого даже советского человека, как ни крути, ни старайся, ни выколдовывай, все-таки есть детство. И ни один ублюдок не в силах лишить малолетку открытий и тайн, какие ошеломляют ребенка в ближайшем дворе, саду, овраге, в городе или в деревне; всех этих счастий и горестей, секретов и игр, любви и вражды,— первые 5—7 лет жизни любой человек окружен и храним Природой и Богом созданной плацентой: разумею только то, что вижу сам, сам узнаю, чувствую, ощущаю, сам могу понять,— и все, в чистом виде жизнь. Государство — и особо в том преуспело наше Горе-Злосчастье — может отнять у ребенка мать и отца (один только «отец народов» наплодил несколько поколений безотцовщины!); от случая к случаю расщедриться на горсть черешни или любой другой вкусности, выпадающей из разряда прожиточного минимума (пайки); государство может лишить чистой воды и безопасного воздуха, может лишить и здоровья... но не детства. Домашнее или приютское — оно всегда останется детством, временем счастливой и категорической веры в упоительность жизни.

А пока существует в биологической жизни человека этот период, будут и египтологи, хранящие верность Ра без надежды щелкнуться на фоне пирамиды, будут и режиссеры, и без здания театра остающиеся служителями этого культа, будут поэты и прозаики без книг... будут и художники без выставок и аукционов. Ведь безнадежность власти на данном историческом этапе не есть безнадежность частного лица в данное конкретное время — отпущенной ему жизни. Тем более что при пресловутой краткости (сравнительной...) совпериода в истории России все же прецеденты уже случились, уже произошли: именно бастарды советской, например, поэзии (Мандельштам, Хлебников, Цветаева, Гумилев, Обэриуты... короче, Серебряный век) и оказались на поверку полстолетием голубой кровью российской словесности.

...И вот смотрю я (не в музее уже — в мастерской) на серию живописных работ Амаспюра «Я превращается в МЫ» и страдаю. Неподдельно причем: слишком много чести! Не слишком ли много чести для любой власти, а тем более для советской, чтобы вот так, страстно, из самого нутра, в охряной палитре (коричневатый цвет запекшейся крови), выяснять художнику свои с ней отношения?! Сколько можно, опять же? Сколько можно продолжать делать советскую власть предметом художественного осмысления? Мое глубокое убеждение: власть эта должна и может уже стать предметом разве что документального и юридического протокола, и уж не более того, пора, пора остановиться быть вагантами совка, посвящая ей самое дорогое, чем располагает художник: чувство. Даже сегодня эта самая власть побеждает, берет свое, успешно обращая художников в воронье: ведь когтить мертвечину — не тот удел для певчей птички.

Неужели же все это действительно так ужасно: несколько поколений поэтов и прозаиков, художников и артистов обречены на верность этой теме (даже те, кто не стрижет дивидендов с соцарта), на этот натуральный надрыв, на невозможность самоопределения вне этой территории?.. И всякая новая волна разобьется об этот же берег точно так же, как и предыдущая, тоже бывшая «новой»... так недавно?

Амаспюр, нахохлившийся на кособоких, хромых, по стене, не по полу гуляющих стульях в фойе музея Маяковского, своего резонанса дождался: реакции на «объемно-пространственную композицию» музея, мало того, «неоднозначные»,— категорические (из коллекции автора статьи):

— Да! Да, пусть в Союзе такого нет, но на Западе подобного завались и больше, ясно? Невелика заслуга — нап...ть идей у Запада — и сваять здесь!

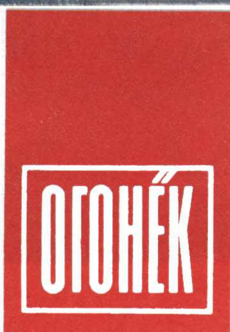
— Архитектурное решение — еще куда ни шло, но экспозиция — атас, жуткая безвкусица... хотя некоторые объектики — просто прелесть, стулья в фойе, например.

— Продался ты, Женюра, очередную потемкинскую деревню залудил: сейчас ведь уже все про твоего Владим Владимыча известно, дрянь-человек, говно, не личность даже, за красивую жизнь продавшийся Кремлю! А ты ему такие хоромины отгрохал! (Это уже друг высказался.)

— А мне показалось, что это не так музей Маяковского, как памятник 20-м годам, но не в партийной, понятно, жизни, в творческой... нет? — Это я робко подсказываю.

— Нет. Это музей Маяковского.— Амаспюр. Ох непрост, а тоже ведь «Воскресение Маяковского» читал. «Понедельник Карабчиевского» — «наш ответ Чемберлену». А если серьезно, то, к несчастью, невозможно писать о музее Маяковского, делая вид,

* Стили орнаментов.

АЗ'АРТ

ПОЛИПТИХ «Я — МЫ» (6 частей)

№ 4 ОПАСЕНИЕ. «УПАВШИЙ»

№ 5 ОСМЫСЛЕНИЕ. «ЗАКЛЕЙМЕННЫЕ»

что не знаком с этим фолиантом. Знаком... Прекрасно понимая, что мой негатив ясности не установит, сошлюсь на свидетельства, которые дорогого стоят.

«...Мы болтали, как всегда, понемногу обо всем и, конечно, о Советском Союзе. (Дело происходит в Ницце, в 29-м году. — **И. Ш.**) Маяковский, между прочим, спросил меня, когда же наконец я вернусь в Москву? Я ответил, что я об этом больше не думаю, так как хочу остаться художником. Маяковский хлопнул меня по плечу и, сразу помрачнев, произнес охрипшим голосом:

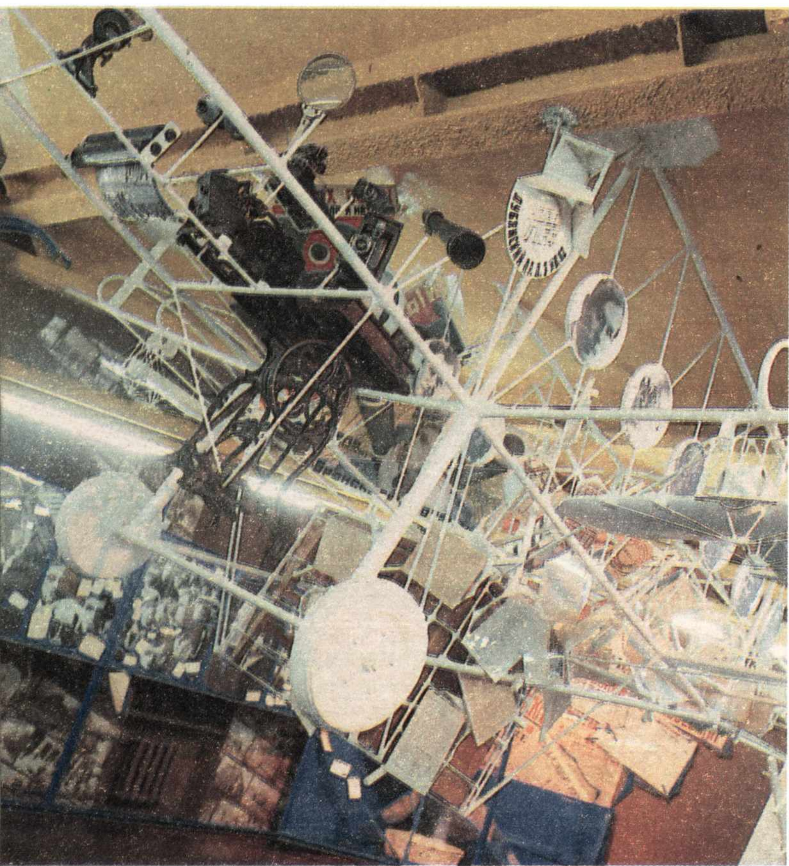
— А я — возвращаюсь... так как я уже перестал быть поэтом.

Затем произошла поистине драматическая сцена: Маяковский разрыдался и прошептал едва слышно:

— Теперь я... чиновник... (Юрий Анненков, «Дневник моих встреч. Цикл трагедий».)

Надо понимать, вина Маяковского заключается в том, что в отличие от расстрелянных, уничтоженных воспеваемым им режимом Гумилева, Мандельштама, Мейерхольда Маяковский расстрелял себя сам?..

А второе свидетельство я цитировать не буду. Для особо дотошных сообщаю адрес оного: журнал «Искусство кино», 1991, № 4, с. 125, письмо С. Параджанова в журнал «Театр».

Спасибо за внимание.

...Конечно, ни адвокатом, ни душеприказчиком музея я выступать не могу. Хотя на особо ядовитые замечания можно было бы ответить так:

— Какая глупая и какая совковая рецензия! Неужели ты не знаешь, что как раз на Западе-то и воспользовались идеями наших «бумажных архитекторов» начала века! (Советский авангард — раз, да Гауди — два,— камешки краеугольные для западной архитектуры нынешнего столетия!) А смешнее всего то, что они-то этого и не отрицают, а местные, наследнички, так сказать, теперь, когда первоисточники возвращаются к первоосновам (идея в пространство), дурно образованные авангардисты из дворников 80-х кивают на свой каникулярный американский багаж: «на Западе этого навалом». Ну и что? А на Западе всего навалом, и именно поэтому все мы намыливаемся туда. А не в Воронеж.

...И перед выходом из музея вы вправе выбрать (путеводитель Амаспюра предлагает два варианта): можно — в двери, где и вошли, по долгой лестнице, во двор-колодец (со всех четырех сторон — окна КГБ: Московский клуб поэзии мечтает об афише своих выступлений в замечательном зале музея — «Поэтические вечера на Лубянке»); а можно... а можно — вверх, по восклицательному знаку сохраненных «родных» лестничных пролетов, по восклицательному знаку, проломившему крышу прямо в небо... «Читатель ждет уж рифмы «розы» — так на ж, возьми ее... нахал!»: конечно, в небе зажигаются звезды. Хотя это уже никому и не нужно.

АМАСПЮР Евгений Абрамович родился в 1944 г. в Москве; 56—61 гг. — Московская городская художественная школа; 63—71 гг. — МВХПУ (б. Строгановка); член МОСХа с 1981 г.

Персональная выставка — 1979 г.; участие во всесоюзных, московских и международных выставках (живопись). Выставки в музее Маяковского: 1982 г.— «Маяковский и русский лубок»; 1983 г.— «10 дней из жизни Маяковского»; 1985 г.— «Хочу, чтоб к штыку приравняли...»

Музей Маяковского — 1986—1989 гг., при участии А. Волкова, И. Лубенникова, а также Т. Нариманбекова, И. Обросова. Сценарная структура Т. Полякова, архитекторы А. Боков, Е. Будин, И. Иванов, Б. Чернов.

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

«За шесть лет перестройки выросло новое поколение. Свободу защищала молодежь — те, кому в восемьдесят пятом было четырнадцать...» — сказал один из российских лидеров. Но ведь за эти шесть лет произошло и нечто другое, не менее важное: перестало быть молодым другое поколение, державшееся в тени. Поколение тридцатилетних сейчас стремительно выходит на авансцену во всех областях жизни. Они не «убивали в себе дракона» (зверь и так был на последнем издыхании), сдержанно слушали «шестидесятников», не вступали в горячую полемику с коммунистами (памятуя о правиле «нападая, оказываю честь»)...

Этому поколению принадлежат Владимир Друк и Дмитрий Пригов. Социализм давно умер для них, как дурной анекдот, а вернее, перешел в иную плоскость — эстетическую. Для В. Друка (в данном случае) послужил поводом для новой экспрессии, а в творчестве Д. Пригова обрел черты «лирического героя» — косноязычного, одолеваемого темными комплексами. Строго говоря, это и есть социалистический реализм наших «окаянных дней». Или социалистический декаданс — кому как нравится...

Отдел литературы

МЫ — ПОДЖИГАТЕЛИ ЛЮБВИ

Владимир ДРУК

25 МАЯ 1989 ГОДА

в масштабе женщин и мужчин
в года обыкновенных бедствий
мы — поджигатели причин
и легкая добыча следствий

покуда следствие идет
и снайперы сидят на крышах
не делай вид, что ты не слышишь
не делай вид, что ты Бетховен
не делай вид, что все пройдет

еще в полях гуляет страх
а в чащах бродят террористы
они вообще-то пацифисты
но с бомбометами в руках

они сперва ушли в народ
а после вышли из народа
у входа в рай табличка «вход»
и запах сероводорода...

мы — поджигатели любви
и — гинекологи свободы
еще умоются в крови
освобожденные народы

еще не все разрешено
еще не все запрещено
и в эту щелку как в кино
влезает каждое говно

раз не дано предугадать
чем наше слово отзовется
то пусть оно пока заткнется
и это будет благодать

освобожденная страна
вздохнув, развалится на части
но кто-то соберет запчасти
и вспомнит наши имена.

ВИТЕБСК

Памяти Марка Шагала

Судьбы сопливый бронепоезд
В чужой врывается уют.
Высовывая дула в прорезь,
Бойцы стреляют и поют.

Что толку прятаться за шкапом,
Когда тебя берут нахрапом?
И шкап летит наискосок,
И кровка падает в песок...

БА-БАХ! — как в банке монпансье,
Трясется все, трясутся все...

А за окном, в разделе «разное»,
Висит луна четырехфазная.
Видны сквозь дырки в занавеске
Ее обломки и обрезки...

По переулку ваньки-встаньки
Бегут, в подол уткнувшись мамке.
И розовое молоко
По сонным улицам венозным
Бежит привычно и легко.

Горит беременная баба,
Прижавшись к небу животом.
За ней, красивый и кровавый,
Бежит извозчик с долотом.

На электрический прицел
Повешено белье и склянки.
От привокзальной итальянки
Уйти солдатик не сумел,

И он теперь в кальсонах служит.
Старуха лук жует на ужин.
Старик картуз с горбом надел.
А кот задумчивый все туже
В морской затягивался узел,
Но не успел.

Учитель физики в экстазе
Соединяет проводки.
Вытягивает три руки
Мундир инспектора гимназий.
Оторванная голова
Летит. Не так уж и права.
От пряжек с тонкими усами
До ляжек с томными глазами
Бежит по партам шепоток:
Сейчас пойдет электроток!

Сейчас пойдет электроток
По проводам и веткам мглистым.
И сумрак стянется магнитом
Над гимназисткой с гимназистом...

БА-БАХ! — как в банке монпансье,
Трясутся все...

Ай, что такое? — у забора
Стоит, прикособочась, Дора

И эдак думает и так...
И смотрит надпись на заборе,
И чешет бородой кулак.
И восклицает: что я вижу?
И наклоняется поближе,
А там написано: «УМНЫЙ».

* * *

Фанерная стена сторожки
Ложится в травы с тихой дрожью.
Со свистом рассекает воздух
Опухший звук губной гармошки.

За мной судьба следит в окно —
Наплывшая густая тетка,
Позвякивая, мимо тетки
Идет костяшка домино.

Извозчик потный, как в кошмаре,
Спит в отраженном самоваре,
Темно. И ночь едва видна.
И выбита крестом луна.

Дмитрий ПРИГОВ

* * *

Ты помнишь, как в детстве, Мария,
Мы жили в селенье одном
Со странным каким-то названьем,
Уж и не припомню каким.

Ты помнишь, гроза надвигалась,
Нет, нет — это в смысле прямом,
А в сталинском и переносном
Тогда миновала уже.

И были мы дети, Мария,
Коли угрожала нам смерть,
То вовсе не по разнарядке,
А в виде подарка как бы.

Давно мы не дети, Мария,
И жизнь на различный манер
По-прежнему нам угрожает,
Но мы не боимся ее.

* * *

Народ с одной понятен стороны,
С другой же стороны он непонятен,
И все зависит от того, с какой зайдешь
ты стороны:
С той, что понятен он, иль с той, что
непонятен.
А ты ему с любой понятен стороны
Или с любой ему ты непонятен.
Ты окружен — и у тебя нет стороны,
Чтобы понятен был, с другой же —
непонятен.

* * *

Эко чудище страшно-огромно
На большую дорогу повылезло
Хвост огромный мясной пораскинуло
И меня дожидается, а я с работы иду
И продукты в авоське несу
Полдесятка яичек и сыру
Грамм там двести, едри его мать
Накормить вот сперва надо сына
Ну, а после уж их замечать
Чудищ

* * *

Старушка в кассу денежки кладет
Откуда денежки-то у старушки?
Уж не работает и видно пьет
Да разные там внучики и внучки
Откуда денежки-то? — ох-ох-ох!
Неужто старая ворует?
Да нет, конечно,— просто накопила их
За долгую за жизнь за трудовую

* * *

Счастье, счастье, где ты? Где ты?
И в какой ты стороне?
Из подмышки вдруг оно
Отвечает: вот я! вот я!
— Ах ты, милое мое!!!
Детка ненаглядная!
Дай тебя я пожалею
Ты сиди уж, не высовывайся.

* * *

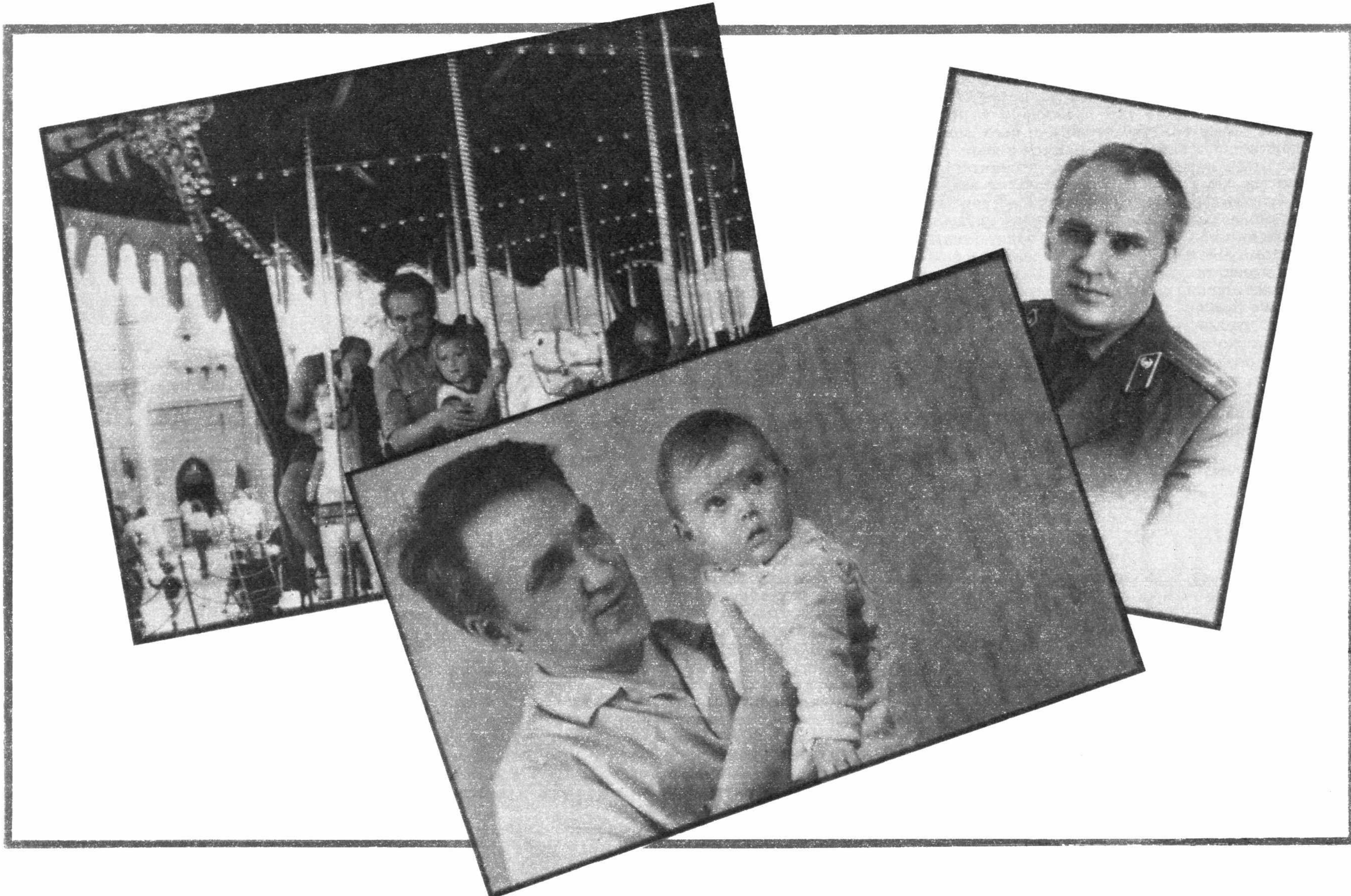
Вот страшный макрокосм — в него летают люди
Вот страшный микрокосм — в него летит поэт.
Я тоже космонавт, когда на гермошлеме
Моем слова горят: СССР

Но вот вхожу я в слой, где и слова сгорают,
Где и сгорает самый гермошлем.
Брат космонавт! Что, подскажи, мне делать?
Иль в должности твоей такого просто нет?

* * *

Я устал уже на первой строчке
Первого четверостишья
Вот дотащился до третьей строчки
А вот до четвертой дотащился

Вот дотащился до первой строчки
Но уже второго четверостишья
Вот дотащился до третьей строчки
А вот и до конца, Господи, дотащился.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА

Илья МИЛЬШТЕЙН

ЕГО МОГУТ УБИТЬ

Публикуя эту статью, я испытываю определенные сомнения. Во-первых, мне мало что известно о человеке, которого берусь защищать. Во-вторых, могу лишь догадываться о том, за какие прегрешения он был приговорен к 15 годам лагеря и тюрьмы.

Тайна окружает его жизнь и его дело.

Впрочем, исторический опыт подсказывает, что, где у нас тайна, там и произвол.

Выкрикнуть имя — наполовину спасти.

Вот только кричать надо громко. В прошлом году журналист из популярного еженедельника вскользь упомянул имя этого человека. Заключенный вскоре исчез. Два месяца его прятали неизвестно где. Семья терялась в догадках. Поползли слухи о его гибели...

Так что не навредить бы.

ПОМИЛОВКА

3 сентября 1991 года на страницах самиздатской «Экспресс-Хроники» было опубликовано «Открытое письмо Президенту России», где содержался призыв **«к скорейшему освобождению политзаключенных России. В некоторых случаях,** отмечалось в письме, **согласно закону, достаточно президентского Указа. Освобождению других Вы можете способствовать своим авторитетом».**

Подписавшие письмо Виктор Аксючиц, Глеб Анищенко, Елена Боннэр, Юрий Буртин, Игорь Виноградов, Владимир Корнилов, Валерий Сендеров и Лев Тимофеев выражали уверенность в том, что **«победившая Россия должна стать гарантом прав и свобод на всей территории государства».**

14 сентября по ходатайству Комитета по правам человека ВС РСФСР Борис Ельцин подписал Указ о помиловании пятерых российских узников 35-й зоны Пермского политлагеря. Незадолго до этого Президент Кыргызстана Аскар Акаев помиловал «своего» политзека, осужденного киргизским судом.

«Помиловки» у нас не новость. Случались они и в брежневскую эпоху. Широкой волной прошли во времена горбачевской перестройки. Тогда освобождали в основном заключенных по 70-й и 190-й статьям — «антисоветчиков» и «хулиганов». Недавно власть начала преодолевать священный ужас и перед осужденными по 64-й «изменниками Родины». Так, были помилованы Леонид Лубман и Михаил Казачков.

Теперь «по Указу» на свободу вышли Александр Голдович, Виктор Олисневич, Валерий Смирнов, Анатолий Хобта, Алексей Щербаков и Валерий Янин.

На встречах с журналистами они рассказывали о тех, кто остался в зоне. О Владимире Поташеве, Викторе Макарове, Юрии Павлове... Об Игоре Федоткине, объявившем бессрочную голодовку, пока «не выпустят всех политзаключенных» («Независимая газета» № 119).

«Хочу привлечь ваше внимание,— говорил на пресс-конференции А. Голдович,— **к судьбе одного человека. Как и мы, он осужден по 64-й статье. Должен был сидеть вместе с нами. В нарушение всех инструкций переведен из тюрьмы в нижнетагильскую колонию. Скорее всего с целью скрыть истинную причину расправы над ним. Я прошу вас сделать все возможное для его освобождения. Он может погибнуть».**

Речь шла о Борисе Николаевиче Южине.

ЖИЛ-БЫЛ КАГЭБЭШНИК

Он поступил в «органы» скорее всего в Томске, где учился в Институте радиоэлектроники, затем работал в НИИ полупроводниковых приборов. Женился. В 69-м был переведен в Москву. Продолжил учебу в каком-то непростом заведении. Читал книги по психологии. Как выразилась жена, «изучал науку работы с людьми». В декабре 75-го «решением Совета войсковой части» получил диплом кандидата исторических наук. Уехал на год стажироваться в университет Беркли (Калифорния).

Вернувшись в Москву, получил «прикрытие» — должность корреспондента американской редакции ТАСС. В 1978—1982 годах работал корреспондентом ТАСС в Сан-Франциско. Иногда публиковался, под своей фамилией. В том числе и в «Огоньке» — что-то об американском женском движении. Затем до ареста работал в Москве... От зарубежных командировок отказывался.

Портрет разведчика Южина в семейном интерьере приходится писать столь же скупыми красками. Дома, в трехкомнатной квартире на улице Менжинского, о его работе не говорилось ни слова. Душевная близость с женой и детьми не оскорблялась наличием тайны. Ибо тайна была государственной и воспринималась как нечто естественное, не подлежащее обсуждению за семейным столом.

Взаимная любовь подразумевала взаимную деликатность.

Иногда приходили сослуживцы с женами и без жен — друзья. Веселые, славные люди. В Америке напряженно вздыхали о Москве, в Москве осторожно вспоминали Америку. Болтали о всякой ерунде, мило шутили, пели песню «Подмосковные вечера», хором. Борис Николаевич, впрочем, отдавал предпочтение романсу «Гори, гори, моя звезда». У него был недурной голос. Надежда Сергеевна Южина любила Окуджаву. Когда поэт выступал в Сан-Франциско, она восторженно аплодировала ему и со словами: «Это вам от ТАССа» — преподнесла цветы. Поэт чуть заметно вздрогнул и сказал: «Спасибо...» В консульстве Южиной сделали замечание: зачем дарила цветы «диссиденту»? «А мне плевать»,— легкомысленно возразила Надежда Сергеевна...

Ее муж Борис Южин был уже кадровым офицером КГБ.

Сдержанный и немногословный, он умел внушать к себе уважение, не вызывая страха — свойство человека порядочного, не привыкшего «давить» ближних. В юности писал лирические стихи. В зрелые годы перестал. Все его силы и мысли отнимала работа — трудная, незаметная, хорошо оплачиваемая... Самым усердным поклонником поэзии в доме стал волнистый попугай Петя, обладавший прекрасной памятью и удивительной даже для птицы способностью перенимать голоса.

Сын Андрей гордился отцом и мечтал стать разведчиком. Жена и дочь Оля просто гордились — и любили. Любят и теперь, прожив шесть лет в унижении, отчаянии и страхе.

Чувство любви оказалось прочнее и достовернее чувства «законной гордости» и восхищения тайной.

КАТАСТРОФА

Как-то в октябре 86-го Южин вернулся домой подавленный. «Что-то случилось?» — осторожно спросила жена. «Чушь какая-то»,— помолчав, молвил муж. И, не выдержав, рассказал. Его ожидало повышение по службе. Бумаги задерживались. Кто-то из начальства куда-то позвонил и поинтересовался: как, мол, с Южиным. В ответ прозвучало нечто. У начальства отвисла челюсть. Борис Николаевич узнал об этой беседе от сослуживца... «Довыступался»,— сказала жена. В своем ведомстве Южин слыл «либералом». «Нет,— он поморщился,— здесь не то».

Больше к этой теме не возвращались.

За день до ареста мужа Надежде Сергеевне приснился странный сон: будто входят в комнату люди, вносят цветы в горшках...

Ее встретили у подъезда декабрьским утром 86-го года. Подошли двое, показали книжечку. «Что-то с мужем?» — спросила она. Успокоили: с мужем все в порядке. Поднялись в квартиру. Тут откуда-то с лестницы набежали еще. Предъявили ордер на обыск. Шмонали до полуночи. Шутили, забирая «видик»: «Кино посмотрим!» Забрали несколько бутылок импортных вин: на проверку. Хотели и телевизор унести, да следователь Чередилов не разрешил. Еще понравилось серебро: тыщи на три, мол, потянет! «Оставьте»,— приказал добрый следователь...

Часть вещей потом возвратили. Наиболее ценные растащили до суда. Кое-что из украденного, подлежавшего возврату, суд предложил впоследствии заменить аналогичными вещами, изъятыми на других обысках. «Пусть подавятся»,— решила жена и этих вещей не взяла.

На первом же допросе она услышала: «Ваш муж во всем сознался». И после паузы вскользь: «Надежда Сергеевна, неужели вы не знали, что муж всю жизнь вам изменял?» Пожала плечами: «Даже если это так, я его ни в чем не виню». Много позже оценила прихотливость чекистской логики: раз предал Родину, значит, изменял и жене...

Друзья исчезли мгновенно, словно их и не было никогда. Телефон умолк. В доме стало очень тихо. Лишь попугай, шурша крыльями, летал по комнатам и бормотал мужниным голосом: «Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу. Все равно его не брошу, потому что он — хор-роший...» Надежда Сергеевна вздрагивала. Теперь, к счастью, попугай забыл этот голос.

Следователи искали «иудины миллионы», которые должен был получить разведчик за предательство. Не нашли. По советским стандартам семья была обеспеченной. По чекистским меркам Южины жили скромно. Обнаружилась в деле и другая странность. Адвокат Южина, назначенный КГБ, уверял Надежду Сергеевну, что за московский период жизни «за ним ничего не числится». Следователь, вздыхая, вслух размышлял о проблеме выбора: мол, ваш муж много пользы принес, так что нам надо все взвесить...

23 октября 1987 года военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Бориса Южина к 15 годам заключения по статье 64, пункт «а» УК РСФСР. Из них 5 лет тюрьмы.

СВИДЕТЕЛЬ

В Чистопольской тюрьме Южин познакомился с политзаключенным Михаилом Казачковым — человеком совершенно иного мира, судьбы, характера. Противоположности сходятся. Верный себе, Южин был немногословен. Но недооценил (или как раз точно оценил) проницательность собеседника.

Освободившись, Казачков активно включился в правозащитную деятельность. Не забыл он и своего сокамерника. Его воспоминания о Борисе Южине, опубликованные в самиздатском бюллетене «Страничка узника», на сегодняшний день чуть ли не единственное достоверное свидетельство о судьбе этого человека.

«Как мне теперь стало известно, он был подполковником Первого главного управления КГБ, занимался внешней разведкой.

...Мне Южин ничего об этом не говорил. О своем деле он почти не рассказывал. Он и не мог рассказывать. На следствии и в конце следствия его предупредили категорически, что если он будет раскрывать рот по поводу своего дела, то будет возбуждено новое дело «по вновь открывшимся обстоятельствам» и его расстреляют».

Откуда же тогда сведения у самого Михаила Казачкова, почти от звонка до звонка отсидевшего 15 лет в лагерях и тюрьмах? Ответ его представляется мне убедительным.

«То, что я могу рассказать о деле Южина,— это в основном собранные по крупицам обмолвки. Восемь месяцев вдвоем в одной камере — это большой срок. И какие-то мелочи, которые узнаешь о человеке, складываются в конце концов в картину. Даже будь ты десять раз профессионал, скроешь какие-то важные факты, но общий рисунок пробивается.

...Итак, Южин поехал в Америку на стажировку как аспирант. Тогда он вошел в добровольный контакт с ФБР... Он, по-видимому, очень хорошо относился к Америке. И ему были отвратительны те операции, которые Комитет проводит за рубежом. И об этих операциях, а вовсе не обо всем, что он знал, он сообщал американской контрразведке.

Что это за операции? Ну, например. В какой-то момент фабрикуется письмо от одного политика к другому... Его публикацию обеспечивает подкупленный... журналист. Публикация вызывает политический скандал. Это на время парализует целую группу американских аналитиков... Приурочивается это к какой-нибудь хитрой акции Советского правительства или самого КГБ. Вот о таких вещах он давал информацию.

...Ему предлагали сотрудничать с ЦРУ, он категорически отказался.

...Арест его, по-видимому, связан с утечкой информации из ФБР. В этом смысле дело юридически слабое... построено на его собственных показаниях, которые получены под угрозой расстрела... Перебежчиков из ФБР нет. А оперативную информацию нельзя считать доказательством».

Самое любопытное для меня в воспоминаниях М. Казачкова — личная характеристика бывшего подполковника того ведомства, которое едва не сломало жизнь бывшему политзеку.

«Людям, которые не сидели в наших лагерях, может быть, трудно это понять. У нас гораздо больше оценивают человека по тому, как он сидит, а не по тому, за что он сел... У меня создалось впечатление, что человек он глубоко порядочный и действовал из нравственных соображений. Виден человек, видна семья, видно, что это порядочные люди. Возможно, и его могла бы разложить служба в госбезопасности, если бы он работал не в разведке (какой комплимент советской разведке! — **И. М.), а в каком-нибудь другом ведомстве. Думаю, что нет оснований относиться к нему как к дурному человеку».**

Михаил Казачков считает: **«Надо как минимум добиваться пересмотра дела».**

ЗАЩИТА ЮЖИНА

Адвокат, защищавший подполковника, обещал его жене ходатайствовать о пересмотре дела. Своего обещания он не сдержал и сдержать не мог. Как предположила Южина в письме в Прокуратуру РСФСР, «человек так много видел несправедливости, какая творится в стенах КГБ, что не выдержал и лишился рассудка».

Не знаю, не буду гадать. Могу лишь с грустью констатировать тот факт, что нам уже ничем не может помочь единственный человек, который читал дело Бориса Южина. (Следователи, понятно, не в счет; они нам не помогут.) Сочувствуя подзащитному, он доверял его жене некоторые тайны. Так, именно от него стало известно, что от расстрела Бориса Николаевича якобы спасло то, что **ни в** каких преступлениях на территории СССР он уличен не был.

В тюрьме Южин пробовал защищаться сам. По Указу об амнистии 87-го года он подлежал освобождению, как человек, имевший государственную награду. Об этом он беседовал с народным депутатом РСФСР Сергеем Ковалевым, когда тот посещал его в Чистопольской тюрьме. Кстати, о своем деле и депутату рассказывать ничего не стал. Но подготовил бумаги с просьбой об освобождении. Получил отказ... «Оказывается, к опубликованному Указу есть секретная инструкция,— свидетельствует М. Казачков,— в ней 18-й пункт, где написано: те, кто находился под следствием по «особо опасным государственным» статьям,— на тех амнистия не распространяется... Это обычный советский юридический анекдот...»

Между прочим, все подзаконные акты и секретные инструкции ныне считаются утратившими силу. Сей «анекдот» отменен решением Комитета конституционного надзора СССР.

В декабре 90-го Южина перевели в нижнетагильский лагерь, где никогда не было ни одного осужденного по 64-й статье. Он пишет жене: **«Я рад, что... Миша** (Казачков, навестивший в Москве семью Южина.— **И. М.) пришелся вам по душе. Скажу прямо, мне его очень не хватает здесь. К сожалению, здесь публика иного сорта. Пока не удалось встретить никого, кто бы глубоко разбирался в событиях, происходящих в стране и мире (да что греха таить — просто интересовался бы). За всю свою жизнь я, пожалуй, не слышал столько матерных слов, сколько здесь за первый месяц. У многих они составляют чуть ли не большую часть вокабуляра, понятие о культуре в поведении и общении отсутствует»** (цитирую по «Страничке узника»).

Южина обращается в Верховный Совет РСФСР, в Прокуратуру, к Вадиму Бакатину... Время от времени получает дубоватые отписки из МВД или странные телефонные отповеди. Пишет снова...

Из письма в Верховный Совет РСФСР (июль 91-го): **«Мне позвонил представитель МВД РСФСР... По его словам, он посещал тюрьму в г. Чистополе и обсуждал вопрос, куда «лучше» направиться мужу отбывать наказание дальше. Этот представитель... уверял меня в том, что лагерь в Пермской области (учр. ВС-389/35) закрыт** (недавно вернувшиеся оттуда по «помиловке» долго веселились, услышав это сообщение: оказывается, они сидели в несуществующем лагере... — **И. М.)... Он также уверял меня, что лагерь в Нижнем Тагиле — одно из лучших мест подобного рода, что там отбывает наказание сам Чурбанов, и т. д. Но судьба Чурбанова меня не волнует... Меня волнует судьба мужа!.. Я больше чем уверена, что его, как «носителя тайн», держат специально в данном лагере, чтобы запугать...»**

Тем временем у Южина появился новый защитник — московский адвокат Татьяна Георгиевна Кузнецова. Она имеет право немедленно ознакомиться с делом. Чего и добивается с марта 91-го года. Дела не получила до сих пор.

Судьбой Бориса Южина заинтересовались международные правозащитные организации. Это внушало надежду. Это вызывало тревогу. Ясно ведь, какие силы противостоят адвокату, если его совершенно законное стремление ознакомиться с материалами следствия наталкивается на непреодолимые преграды.

Следовало ждать ответного удара.

В мае Южиной разрешили свидание с мужем. Он выглядел, как обычно: замкнут, спокоен, сдержан. Протянул жене газету, где в интервью с Казачковым было и о нем.

— Хоть что-нибудь при этом сказал? — спросил я у Надежды Сергеевны.

— Он сказал: «Я очень боюсь за вас. Будьте готовы к потокам грязи, которые теперь на меня польются».

КОМПРА

А. Васильев на страницах «Комсомольской правды» (3 окт. 91-го) начинает издалека. Со слухов вокруг Евгения Примакова и нынешнего назначения его шефом советской разведки. Далее журналист высказывает завидную компетентность в делах компетентных органов. По его мнению, «главным противником советских спецслужб по-прежнему остаются американские ЦРУ и ФБР, но главный враг теперь — некомпетентность...». Да, враг не дремлет. Кроме того, коллега весьма увлекательно повествует о настроениях, бытующих в среде советских чекистов. Он рассказывает разные случаи. Оказывается, когда Крючкова назначили председателем КГБ, на его прежний пост в развед-

ке долго не могли найти замену. Разведчики шутили (шутка приводится). А нынче, когда «нашли» Примакова, его сослуживцы «ворчат насчет того» (приводится и ворчанье)...

Столь углубленные знания автора не только о том, как шутят в советской разведке, но и о чем там ворчат... уже вызывают доброжелательный интерес к источнику этих знаний.

«Разведчик может добывать секреты и вербовать агентуру только тогда, когда он чувствует надежность своих тылов»,— учит нас А. Васильев. «Что еще важно? — вопрошает коллега.— Важно, чтобы не сместились нравственные ориентиры сотрудников разведки, чтобы они четко понимали, для кого и против кого они работают».

Да, это важно. Смещение нравственных ориентиров у вербующих агентуру — предмет напряженного внимания всего нашего общества. Что угодно, только не это... А неужели у нас еще есть такие, что стремятся сбить советских разведчиков с правильных ориентиров, лишить нравственности?

«В нынешних условиях,— веско замечает автор,— когда, например, из предателя Родины Гордиевского пытаются сделать глубоко нравственным (что-то с падежами, но так в тексте,— **И. М.**) человеком и чуть ли не борцом за перестройку...» Теперь понятно. Конечно, если ставить перебежчика Олега Гордиевского в пример нашим комсомольцам, то кого-нибудь это и впрямь может сбить с верного пути. Вот только не помню я ни одной публикации, где бы Гордиевский объявлялся героем и представлялся к ордену.

Что-то коллега напутал. Вероятно, деятельное участие некоторых наших журналистов и правозащитников в судьбе Лейлы Гордиевской и ее дочерей, мечтавших воссоединиться с мужем и отцом, А. Васильев воспринял как нечто оскорбительное для всеобщей нравственности. Или разведчики наворчали?

Самое интересное для нас автор приберегает к концу. Он пишет о подтасовке. Как бы сочувствуя политическим узникам, осужденным по 64-й, он предлагает не ставить «в один ряд с диссидентами» изменивших присяге чекистов. И в этой связи называет имя подполковника Южина, умалчивая, правда, что сами диссиденты как раз и ставят его в один ряд с собой. Дальше начинаются чудеса.

Мы узнаем совершенно секретные сведения о том, что Борис Николаевич был «сотрудником» советской «резидентуры в Сан-Франциско». Что задержан он был в Москве после того, как «потерял на работе зажигалку, которую нашла уборщица и отнесла дежурному по зданию. Оказалось, что в зажигалку был вмонтирован... фотоаппарат. Через некоторое время контрразведка вышла и на владельца зажигалки».

Уборщицу примем на веру. В любом учреждении кто-то должен убирать мусор за сотрудниками. Совершим усилие и предположим, что опытнейший чекист-«контршпион» ходит на службу с дырявыми карманами и где ни попадя разбрасывает улики. Любопытно другое: какими путями скромный журналист получил доступ к абсолютно закрытому делу, тщательно скрываемому даже от допущенного к нему адвоката? Откуда у автора столь безапелляционный тон? На основании каких данных он уверяет читателя в том, что «известные ему секреты» Южин продавал спецслужбам за доллары?

Нравственно-агентурные искания А. Васильева сводятся к такой заключительной фразе: «Как будут себя чувствовать сотрудники разведки, если Южина вдруг тоже помилуют?» Хочется ободрить коллегу. Разведчики будут чувствовать себя хорошо. Этому их самочувствию немало поспособствует трагическая судьба подполковника. Расстрельная статья, пять тюремных лет, исчезновение, лагерь... Или вы полагаете, А. Васильев, что если его завтра освободят, то пример станет менее устрашающим? И уж давайте без подтасовок: помилование — не реабилитация.

Сопоставляя факты, приходишь к неутешительному выводу: Южина вряд ли помилуют. Статья А. Васильева — важное сообщение об этом.

НЕПОМИЛОВАННЫЙ

Повторю то, о чем писал вначале: мне слишком мало известно о человеке, которого берусь защищать. Я пишу о нем не потому, что уверен в его невиновности. Однако противоположная сторона делает все возможное, чтобы убедить меня в этом.

Рассмотрим самый безнадежный, самый невыгодный для Южина вариант. Действия, которые он совершил, прямо подпадают под 64-ю статью Уголовного кодекса. Материалы следствия неопровержимо свидетельствуют об измене. Предположим также, что в ходе переследствия будет установлено, что подполковник действовал исключительно из корыстных побуждений. Не «грязные дела» чекистов раскрывал он американцам, а сдавал всех подряд. Более того, вернувшись из США, продолжал здесь свою предательскую деятельность, покуда не был разоблачен уборщицей. Арестованный, активно сотрудничал со следствием (отдал все зажигалки), полностью признал свою вину и срок получил по заслугам.

Тогда отчего же дело до сих пор удерживается в тайных архивах? В конце концов разоблачение скрытого врага и мастерски проведенное следствие — хороший повод поддержать репутацию «органов», столь сильно пошатнувшуюся в последнее время. В 1987 году газетная статья на эту тему была бы в самый раз. Не мне, конечно, учить КГБ...

Рассмотрим иной вариант. Адвокат или независимая комиссия экспертов наконец допускаются к делу. В ходе изучения выясняется справедливость версии Михаила Казачкова: подполковник сотрудничал только с ФБР, действовал, рискуя жизнью, по идейным соображениям. Между прочим, это тоже 64-я статья со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кстати, тогда подтверждаются слова следователя, о которых сообщает Надежда Южина: мол, на одних весах «польза», на других — «измена». В этом случае Южин оказывается уникальным двойным агентом, не утерявшим «нравственных ориентиров», как выражается автор из «Комсомольской правды».

Тут, вообще говоря, возникает известное противоречие между понятиями «измена Родине» и «измена КГБ», заслуживающее отдельного рассмотрения...

Не исключено также, что дело подполковника и вовсе липовое. Хотя маловероятно.

Любая из предложенных версий так и останется версией до тех пор, пока секретное дело не попадет к юристам. Законы цивилизованного государства отвергают саму форму абсолютной секретности. С этим борются и адвокаты гэкачепистов, требуя немедленного доступа ко всем материалам следствия о государственном перевороте. Переворот происходил на глазах всего мира. О деле Южина до последнего времени почти никто не знал. Путч 19 августа был опасен возвращением межгосударственных отношений к состоянию «холодной войны». Дело Южина — приглушенное эхо этой войны, где взаимный шпионаж и локальные провокации были нормой в отношениях СССР с Западом. Ныне, когда государственные мужи всерьез рассуждают о возможности вступления страны в оборонительный блок НАТО, тоскливая безгласность в деле бывшего советского разведчика, обвиненного в сотрудничестве с американцами, пугает своей абсурдностью и кажется бредом.

...Когда после подавления военно-гэбэшного мятежа Президент страны вернулся из заточения, он сообщил растроганным журналистам, что чувствует себя жителем совершенно иной страны. Хорошо ему там, должно быть, в другой стране... Мы живем, где жили.

Борису Южину 49 лет. Срок его заключения кончается в XXI веке.

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

ДРАНГ НАХ ВЕСТЕН

ДЕЗИНФОРМАЦИЯ КГБ, КОТОРАЯ НА ЗАПАДЕ НИКОГО НЕ ДЕЗИНФОРМИРОВАЛА

И началось... Пошла писать губерния, довел все-таки аппаратчик свою машину до пропасти вместе с массой людей, большинство которых лишь выполняли приказ... Кто только сейчас не делает бифштекс из КГБ, причем все валят в одну кучу, где и разведывательная зарубежная служба, и сердце КГБ — внутренняя контрразведка, и борцы с диссидентством, с которым весь народ ассоциирует КГБ, и служба дешифрования с математиками, в жизни не видевшими живого агента.

В общем, бифштекс отбивают по заслугам, и пути реформ Бакатин наметил вполне цивилизованные, однако, как уж повелось на Руси, многие критики системы безопасности, особенно те, кто смело вынырнул на поверхность после заточения в «Матросскую тишину» Крючкова, норовят так сгустить краски, что чудится Нюрнбергский процесс даже над теми, кто только понаслыше знал о лагерях и психушках. Все это вполне объяснимо: Крючков и К° настолько всем запудрили мозги постоянной ложью, настолько покрыли все облаками секретности, настолько ожесточили всех, что на КГБ реагируют, как бык на красную тряпку, особо не разбираясь в деталях и нюансах.

Но Бог с ними, с журналистами — даже ветеран диссидентства Владимир Буковский, знающий КГБ не только теоретически, заметил между делом в своем эпохальном интервью с Бакатиным, что нашей стране неплохо бы заниматься лишь военной разведкой, а политическую и прочую вообще прикрыть. Мысль мудрая и прогрессивная, интересно только, поддержат ли ее западные правительства, которые, кроме военных разведок, имеют и ЦРУ, и СИС, и БНД, и Моссад. Прозвучал у Буковского и тезис о колоссальной дезинформации, которой занимается за рубежом внешняя разведка КГБ.

Сразу скажу, что я не сторонник дезинформационной работы разведок в мирное время и тем более в условиях партнерства с Западом, однако в любых оценках желательно присутствие джентльменской Fair play (честной игры) — странно, конечно, слышать столь высокие слова из уст бывшего сотрудника разведки, но меня утешает то, что Крючков причислил меня к лику ренегатов и перевертышей.

Хочется начать с того, что существует разница между дезинформацией и направленной информацией.

Образец дезинформации — это утверждение о том, что вирус СПИДа родился в лабораториях ЦРУ и с легкой руки этой организации гуляет по миру. Дезинформация отмечена фантазией кретина и вызывает только гнев в адрес ее создателя. Сложнее с информацией направленной, т. е. правдивой, но выстроенной тенденциозным образом, с преувеличениями и преуменьшениями. Как сейчас выясняется, именно такой направленной информацией и кормил Крючков Горбачева и его команду, подогревая в них подозрения и ненависть к демократам; так появился и тезис о грядущей оккупации нашей страны, которым пугал бывший председатель КГБ депутатов Верховного Совета. Мир велик, диких идей в нем витает множество, стоит их только отсеять и выстроить в единый логический ряд — и блюдо готово, можно подавать к столу.

Да не убьют меня ревнители истины, но смею утверждать, что направленная информация — это отнюдь не только занятие разведки. Разве не подстраивают информацию под свою точку зрения и «Свобода», и «Огонек», и «Правда»? Интерпретация информации под своим собственным углом — это обычное и естественное дело, хотя, конечно, во всем должно быть чувство меры.

До перестройки все наши пропагандистские органы работали в одном лживом пропагандистском ключе, особенно на заграницу: в этом коктейле перемешивались и правда, и вранье, изолгались все до такой степени, что сами уже начинали верить в свои собственные иллюзии и байки. Между тем американцы довольно тщательно отслеживали и дезинформацию, и направленную информацию, ловили нас за руку, все умело раздували и наживали на этом неплохой политический капитал. Хочу обратиться к слушаниям в комиссии по разведке палаты представителей конгресса США летом 1982 года, на которых выступали помощники директоров ЦРУ и ФБР, кэгэбисты-перебежчики и специалисты по психологической войне. На слушаниях рассматривались так называемые активные мероприятия — термин этот взят из лексикона первого главного управления, где этими мероприятиями занимается специальная служба, при Сталине и Хрущеве миниатюрная, зато бурно распухшая в брежневские времена. Однако американцы считают, что «активными мероприятиями» занимались не только КГБ, но и МИД, и АПН, и ТАСС, и СКЗМ, и подобные «общественные» организации, и радио, и пресса, и связанные с КПСС иностранные компартии, и их «фасадные» организации типа обществ дружбы, комитетов мира и т. д. и т. п.

В докладе американских спецслужб советские стратегические пропагандистские цели в отношении США формулируются следующим образом: «Повлиять на мировое и американское общественное мнение в целях противодействия военным, экономическим и политическим программам США, которые, как считается, угрожают советским целям, продемонстрировать, что Соединенные Штаты являются агрессивной, «колониалистской» и империалистической державой, изолировать Соединенные Штаты от их союзников и друзей и дискредитировать тех, кто с ними сотрудничает, продемонстрировать, что политика и цели Соединенных Штатов несовместимы с устремлениями слаборазвитых стран, дискредитировать и ослабить разведывательную деятельность США, в частности ЦРУ, и разоблачить американских разведчиков, создать благоприятные условия для проведения советской внешней политики, подрывать политическую решимость Соединенных Штатов и других западных стран в охране своих интересов против советской подрывной деятельности».

В 1978 году начальник Управления тайных операций ЦРУ дал следующую оценку ежегодных расходов на главные пропагандистские органы СССР в конце 70-х годов (в долларах): ТАСС — 550 млн., АПН — 500 млн., «Правда» — 250 млн., «Новое время» — 200 млн., иностранная служба Московского радио — 700 млн. Утверждалось, что ежегодные расходы на глушение американских передач (150 млн. долл.) больше, чем расходы на содержание «Голоса Америки», радио «Свободная Европа» и «Свобода», вместе взятых. Оценка ЦРУ расходов в 1978 году Советским Союзом на пропаганду и «активные мероприятия» равнялась 3 млрд. долл., в 1982 г. эта цифра выросла до 4 млрд.

Не берусь судить об объективности этих суждений — американцы далеко не ангелы и умеют и втереть очки, и запустить такую направленную информацию, какая нам и не снилась, однако, бьюсь об заклад, что служба «А» ПГУ КГБ занимает в списке пропагандистских организаций далеко не первое место. На слушаниях приводился внушительный перечень активных мероприятий разведки, проведенных в разные годы; большинство фальшивок ПГУ, как утверждают американцы, построено на правительственных документах США, полученных от агентов и через другие каналы, в которые вставлялись пассажи, выгодные с точки зрения СССР.

Например, использовалась карта, официально выпущенная ЦРУ, к которой добавили цели в Австрии для бомбардировки американцами в случае войны; карту опубликовала коммунистическая «Фолькcштимме», нашедшая ее якобы в здании секретной службы в ФРГ. Индийская газета «Пэтриот», которая давно считалась органом КГБ, опубликовала американскую карту Афганистана с целями для саботажа, обозначенными ЦРУ для душманов.

Изготовлялись фальшивые письма, например, в газеты попало в 1981 году письмо Рейгана испанскому королю Хуану Карлосу, которому президент давал совет быстрее вступать в НАТО и решительнее бороться с оппозицией. В 1982 году в греческой печати появилось письмо помощника госсекретаря Кларка послу США в Греции, в котором рекомендовалось поддерживать военный переворот в Греции в целях сохранения там американских баз. Много фальшивок было запущено для дискредитации египетского президента Садата.

В 1967 году в норвежской газете «Ориентеринг» было опубликовано собрание документов о военных планах США. Они снова появились в Лондоне в 1980 году и долго циркулировали в западноевропейских столицах в виде брошюры под названием «Совершенно секретные документы о штабе американских вооруженных сил в Европе: снова катастрофа для Европы». Кстати, ПГУ публиковало иногда западные секретные документы без всяких добавлений. Эти документы сами по себе носили весьма зловещий характер.

Я достаточно поварился на кухне «активных мероприятий», чтобы утверждать: фальшивки — лишь мизерная часть работы разведки, львиная доля падает на перепевы нашей пропаганды, которым придается «западный» лоск; большинство инспирированных статей и брошюр — это обыкновенная туфта, не имевшая никакого либо очень малый резонанс на Западе, но зато фигурирующая в отчетах ПГУ наверх. Служба часто хитро подстраивалась под некоторых западных и восточных политиков и присваивала себе плоды их усилий. За эту показуху сыпались ордена и генеральские звания, создавался миф, что КГБ может все, даже повернуть историю вспять или поставить у власти нужного американского президента. Большая часть этой так называемой работы — лишь булавочные уколы, совершенно незаметные в огромном потоке западной информации, они никоим образом не помогли тогдашним внешнеполитическим интересам СССР — бездарная и мутная политика шагала к пропасти, и ее не могла спасти ни пропаганда, ни агитация, исходящая из «западных источников».

Даже американцы, всегда склонные драматизировать действия КГБ, и то не скрывали своего скепсиса в отношении эффективности советской пропаганды, в том числе и «активных мероприятий». На слушаниях представитель ФБР прямо заявил: «Мы не считаем, что советские «активные мероприятия» в Соединенных Штатах оказывают значительное влияние на американских должностных лиц, принимающих решение». Мягко сказано. Вся наша внешнеполитическая пропаганда — это смех и слезы!

Давайте поставим вопрос так: сколько слушателей за рубежом было у советского радио? Сколько иностранных граждан плевались после его передач? Кто читал бодрые публикации АПН о политике и жизни СССР? Датские парламентарии, например, получив бесплатно эти брошюры, бросали их в корзину, не читая, ибо все на Западе, кроме коммунистов и некоторых «левых», прекрасно знали, что ложь — это главное оружие партии, контролирующей государство. Сейчас можно только хохотать, вспоминая издание «Правды» на английском языке, на которое убухали миллионы! Да кто бы, кроме группки дурней-догматиков, стал бы его регулярно читать? А самый потрясающий верх идиотизма — это публикации в полном виде (!) отчетных докладов генеральных секретарей КПСС в такой, например, газете, как английская «Таймс». Платили газете миллионы, как за рекламу, и сколько было триумфального шума в коридорах власти, как радовались генсеки успехам своего аппарата, как щедры они были на награды! Да кто на Западе стал бы читать эти занудные доклады, если даже речи своих собственных лидеров там в полном виде не читают!

Если сложить воедино все бравурные отчеты в ЦК наших пропагандистских ведомств, включая КГБ, то картина создастся умопомрачительная, даже пострашнее, чем нарисовал Буковский; если же взглянуть на эффективность всех этих «активных мероприятий», то мы увидим большой обман, крупный блеф, пустое прожигание народных денег. Можно надеяться, что обновленные службы разведки прекратят заниматься этой ерундой и их примеру последуют западные спецслужбы.

Михаил ЛЮБИМОВ

ЧТОБ ДЕМОКРАТ НЕ ДРЕМАЛ...

ПОЗИЦИЯ

С писателем-сатириком Михаилом ЗАДОРНОВЫМ беседует наш корреспондент Анастасия НИТОЧКИНА

В годы, которые сейчас принято называть застойными, одной из немногих радостей были писатели-сатирики. Юмористы. Жванецкий, Мишин, Коклюшкин, Смолин, Задорнов... Наши кумиры, слава которых равнялась славе кинозвезд. Вторым среди равных (первым, конечно же, был Жванецкий) считался Михаил Задорнов. Написала — «второй»... и испугалась. Вдруг обидится? Все они — народ самолюбивый, честолюбивый и легкоранимый. Каждый хочет быть первым... Но тут же осекла себя: «Нет. Не должен. Не дурак ведь...»

— Как быстро все меняется... Вот и вы стали иностранцем... На концерте вас представили уже именно так. Каково вам в новой роли?

— Когда меня сейчас спрашивают, откуда я,— в первый момент теряюсь, не знаю, что отвечать.

Впрочем... Как-то в Италии ко мне подбежал странный человек и очень эмоционально стал восклицать: «Чи-чи-пи? Чи-чи-пи?»

Я долго не мог понять, что же ему от меня нужно. Оказывается, он хотел майку с надписью «СССР» (по-итальянски «с» — произносится как «чи»). Так что на вопрос о моем гражданстве я сейчас иногда вроде как чирикаю: «ЧИЧИПИ».

Кстати говоря, это довольно точно отражает суть происходящего.

Впрочем, вы-то, конечно, спросили про Латвию, откуда я родом и где сейчас живут мои родители. Я же, будучи человеком русским, даже по хромосомному набору совершенно не иностранец. Я — НАШ.

— В невзоровском смысле?

— В совдеповском.

— Но вы так любовно подмечаете недостатки нашего общества, что невольно рождается мысль, что уж вы-то точно живете вне его. Где-то сбоку или над.

— Ну уж! Все мы пишем с себя. Поэтому, кстати, сатириком легко работать: чуть побольше в себе покопался — и готово!

— Наверняка лукавите. Впрочем, раньше сатирикам действительно было легко — только намекнул на что-то, зал уже хохочет. А КПСС ругать остроумно не проблема. Любой застольный разговор послушать достаточно. А вот теперь-то, когда исчез источник бед, что делать бедному сатирику?

— Суть сатиры должна быть не социальной, а человеческой. Мне, например, совершенно все равно, кто — коммунист, кто — демократ. Я признаю любое мировоззрение.

Смешно другое. Ну, например, еду недавно мимо бывшего памятника Дзержинскому, вижу надпись «Долой хунту!» и прочие гадости. Сегодня смотрю — надпись другая: «Прости, Феликс, что мы тебя не уберегли!» Сумасшедшая страна! Началась переписка между враждующими сторонами на постаменте памятника Дзержинскому. Вы только вдумайтесь! Больший бред представить трудно. А вы спрашиваете, о чем писать.

— И все же длительное время все вы занимались сатирой политической. Для этого необходимо, очевидно, иметь твердую идеологическую позицию, а вы утверждаете, что признаете любое мировоззрение...

— Я занимаюсь человеческими недостатками. А эти недостатки далеко не всегда зависят от должности или политической платформы.

Все, с чем мы боролись пять лет, сметено — лозунги, плакаты, соцсоревнования, доски почета, заодно и памятники... Нет больше партийных структур, и даже завершилась борьба за социализм с человеческим лицом (хотя не очень понятно, чем оно — лицо — отличается от звериной хари). Бог с ним. Все уничтожили, но человек остался прежним. 19 августа перед назначенным заранее концертом я поехал к «Белому дому». Иду по улице. Подбегает какой-то безумный демократ, хватает меня за руку и исступленно шепчет: «Давайте оставим хунту без электричества, перережем кабель. Я знаю, где он находится. Ножницы у меня с собой». И вот мы идем в потоке людей, а навстречу — две женщины несут кошелки с обоями. Вдруг этот демократ, оборвав на полуслове свой безумный монолог, спокойно так их спрашивает: «Обои где брали?»

Так что все равно мы совки и будем есть картошку с макаронами и заедать хлебом с маслом и повидлом.

Ничего не меняется. Существующая сегодня система беспартийной власти, конечно же, и правильна, и прогрессивна, но люди, находящиеся в ней, воспитаны партийным аппаратом. Они лишь поменяли мировоззрение. Но можно поменять мировоззрение, фамилию и даже родину, но нельзя поменять генетику и свое воспитание. Поэтому некоторые демократы уже присваивают себе отобранные у коммунистов привилегии со всеми поликлиниками, машинами, дачами и охотничьими домиками с заранее убитыми кабанами. Против этого вполне можно продолжать борьбу. Мне вчера прислали записку: «Нам спустили демократию, где теперь взять демократов?»

— Если бы мы не оказались заложниками собственных привычек и «не сотворили себе кумира», было бы проще, не пришлось бы разочаровываться теперь уже в демократах?

— Не знаю. Даже у Ельцина еще не было возможности показать себя созидателем. Все сегодняшние демократы — гениальные разрушители. А народ у нас — еще более гениальный разрушитель, потому что больше ничего не умеет. Вот и начинаем охоту на ведьм, ищем нового козла отпущения.

— Где вам легче жить — здесь или в Латвии?

— В основном я живу здесь. Когда приезжаю к родителям — страдаю: каждый день приносит унижение. Казалось бы, после событий в Москве прибалты должны быть нам благодарны: если бы москвичи не вышли на баррикады — не видать Прибалтике независимости. По крайней мере так быстро и почти бескровно, как они ее получили. И вообще москвичи спасли, по сути, всех. В Прибалтике же многие руководители (из числа «демократов») забыли все (если когда-то и помнили!), кроме борьбы против русских. На этом и держатся.

— Помню, во время прибалтийских событий многие журналисты буквально ринулись защищать законный парламент республики. Некоторые в те дни писали: «Мне стыдно, что я русский!» Общая трагедия, как правило, сближает.

— Как правило. 20 августа поздно ночью, подумав, что путч уже провалился, я улетел в Австралию. На другой день, услышав официальное сообщение, мы чуть не расплакались: голодный раб предпочел свободу. Вечером мы были в ресторане, и там, узнав, что мы русские, весь зал, стоя, нам аплодировал. Может быть, впервые я ощутил гордость за нацию, нас поздравляли даже поляки...

— Обидно, что в повседневной-то жизни ничего не меняется.

— Работать всегда не хотели, и сейчас рвения не прибавилось. Бизнесмены и предприниматели в полном составе пришли к «Белому дому», с деньгами, с охраной, оружием. Они защищали себя и свое дело. А пролетариат оказался вялым и никудышным. Ему все равно...

— А вот через несколько дней после всех этих событий Александр Кабаков написал хорошие слова: «Мы были быдлом. Мы стали народом. Дай нам сил, Господи, оставаться людьми».

— Не согласен. Быдлом мы никогда не были. Это высоколобое сочинение интеллигенции. Посмотрите на каждого человека в отдельности — у него есть семья, он любит детей, старается в меру сил их прокормить. И вообще в каждом заложено что-то доброе. Разве можно назвать быдлом простых, провинциальных женщин, пришедших ко мне за кулисы со словами: «Завтра такая-то годовщина со дня рождения (или смерти) Лермонтова. Нас 15 человек, приходите — будете шестнадцатым». Ни в одной стране мира невозможно празднование, скажем, 100-летия со дня смерти Некрасова или Конан Дойла — это не приносит дохода. Мы еще не продали душу дьяволу. По крайней мере продали неокончательно.

— У вас комплекс человека, часто выезжающего за рубеж. Когда там кто-то начинает ругать нашу страну (как правило, эмигранты), из элементарного чувства противоречия начинаешь им доказывать, что у нас все прекрасно.

— Верно. Но я действительно понял, в чем может быть самое главное наше преимущество. Там все укладывается в формулы — жизнь, творчество, искусство. Наша же душа (образ жизни) не поддается никаким математическим расчетам. Мы все равно при нашем хаосе остаемся людьми творческими. Если мы не подчинимся западным формулам и не станем жалкой пародией на них — мэр, префектура и полицейский с огурцом в кобуре вместо пистолета (осталось только авоську в нихренаську переименовать!) — может быть, мы найдем какой-то выход из кризиса. Для этого и нужны созидающие силы.

— У вас не возникает ощущения, что мы рождены на земле тоталитарного режима, где одна диктатура всегда сменяла другую с большими или меньшими потерями? Сегодняшняя ситуация в стране наглядно это демонстрирует.

— Диктатура невозможна, пока партия не стоит над выборной властью. Может быть, впервые у нас появилась возможность избавиться от тоталитаризма. Чего, кстати, нельзя сказать о Грузии или Прибалтике.

— А вы никогда не вступали в партию или успели благополучно из нее выйти до того, как коммунистов столь «демократично» разогнали?

— Мне два раза предлагали. Сначала я сказал, что недорос,— это соответствовало истине: мне было всего двадцать пять лет. Я руководил тогда самодеятельностью в МАИ, и меня заставляли ставить «Малую землю», поэтому и пытались затащить в партию. Пять лет обещал поставить это выдающееся произведение на будущий год и дождался, пока «ишак сдох» (как у Ходжи Насреддина). Второй раз я сказал, что не могу вступить в партию, потому что верю в Бога. С перепугу от меня навсегда отстали те, кто демонстративно «верует» сегодня. Я вообще еще совсем недавно предлагал при всех райкомах построить церкви. Чтоб не мучались: издал указ — пошел помолился, снял грех с души. Впрочем, сейчас это уже неактуально.

Сегодня меня волнует другое. Через три дня после того, как нас приветствовали австралийцы, я был в ужасе от западных репортажей про Советский Союз... Ну, Дзержинский-то тут при чем? Ну, давайте теперь переименуем всех детей, которых Феликсами зовут. Или Володями. И отчества всех Ильичей переделаем... Против прошлого борются те, кто не знает, как бороться за настоящее.

— А вы-то знаете?

— Начинать надо с экономики — это же прописная истина.

— Истина-то прописная, но никто не знает, с какого конца к ней подступиться.

— Устранить инфляцию. Знаете, почему она возникла? В стране идет процесс чудовищного обналичивания безналичных денег. Безналичный расчет — система, введенная Сталиным, который умудрился все так запутать, что еще долго будут страдать судьбы людей. В этом смысле он, конечно же, гений. Это надо додуматься — один завод рассчитывается с другим деньгами, которых в природе не существует, которые ничем не обеспечены. Когда же появились кооперативы и хозрасчетные предприятия, стала возможной обналичка этих денег. Я тебе заказываю продукции на 2 млн. рублей и перевожу эту сумму на счет твоего кооператива по безналичному расчету. Ты идешь в банк, снимаешь эту сумму уже наличными и 1,5 млн. оставляешь себе, остальное отдаешь мне. Просто, как три рубля. Вот почему коммунистам и вообще властям была выгодна система кооперативов. Они стали теми насосами, которые, помимо того, что давали взятки, еще и выполняли эту элементарную банковскую операцию. И никто из руководителей до сих пор не поднял этого вопроса.

— Что они — идиоты лишать себя заработка?

— Я разговаривал со многими депутатами, и у меня возникло ощущение, что эта тема является запретной. Больше того, в провинции этот процесс — откачивания безналички — приобрел характер официальный. Этим стали заниматься биржи и банки. А знаете, почему это происходит? Говорят, что каждый четвертый в нашей стране — дебил. А каждый третий — мутант. Вот и получается, что дебильные постанов-

ления единогласно принимаются дебилами наверху и горячо подхватываются мутантами снизу. А ведь для того, чтобы спасти экономику, нужно всего-навсего запретить эту простейшую банковскую операцию.

— Это слишком сложно. Гораздо проще начать с введения цензуры. Смысл всех этих цензурных постановлений таков — будут штрафоваться средства массовой информации, действия которых противоречат Российскому парламенту.

— Смешно. Раньше просто ничего нельзя было печатать. Теперь — ругай, но плати бабки. Демократия на хозрасчете.

— Как вы-то представляете себя лично во всем происходящем?

— Если вы имеете в виду меня как сатирика — все очень просто. Как мы боролись против прошлого кошмара? Мы же все-таки раскрепостили людей. Честь и хвала Жванецкому, который первым обрушился на эту стену, пробил брешь, и мы все за ним ринулись. Согласитесь, мы сделали хорошее дело. Если бы люди не смеялись на наших концертах, не возник бы тот колоссальный заряд протеста, который привел людей 19 августа к «Белому дому».

Конечно, все это произошло не без помощи Горбачева. Он ГЕНИЙ. Он дал возможность людям увидеть своих избранников по телевизору. Большей антикоммунистической пропаганды придумать трудно. Поэтому, когда все, над кем мы смеялись уже три года, объявили себя ГКЧП (они и объединились-то по этому признаку) да еще сказали, что всех вывезут на картошку,— естественно, народ выбежал от ужаса на улицы. (Шутка!) Но сейчас я считаю низкопробным приспособленчеством сочинять частушки про членов ГКЧП. В России всегда считалось безнравственным добивать лежачего.

— Хорошо. Тех вы ругали, когда они были у власти... Но сегодня не больно-то вы ополчились на пришедших к власти демократов...

— Еще рано... Хотя, с другой стороны, вы правы — на то сегодня и сатирик, чтоб демократ не дремал.

Я, например, мечтаю, чтобы сатирики написали продолжение к статье Солженицына «Как обустроить Россию», в которое внесли бы ряд конкретных предложений, исходя из реальной обстановки в стране. Например, глупо и неэкономично сносить памятники. Их надо переименовывать. Загримировать Ленина — назвать Менделеевым! Или свезти все памятники в Ульяновск, поставить вдоль берегов Волги — во всем мире есть «диснейленд», у нас будет «ленинленд». А впредь предлагаю вообще все памятники делать разборными и на шарнирах. Провинился какой-либо деятель — ему головку открутили, другую на ее место взгромоздили — и готово. Вечером заснул под памятником Свердлову — утром проснулся: лежишь под Гавриилом Поповым.

Я не понимаю, зачем переименовывать улицы. Проще дать всем номера — и улицам, и городам. "Где живешь?" — «Первый город, десятая улица, пятый дом, квартира Луначарского». А уж если давать названия, то какие-нибудь абстрактные — улица Последнего победителя...

Смешно, когда начинают бороться с прошлым или друг с другом вместо того, чтобы собирать урожай. Это государство, победившее разум. Ходит легенда, что в Казани сожгли портрет Ивана Грозного — в знак протеста против присоединения Казани к России! Теперь еще осталось русским потребовать, чтобы татары дань вернули. С набежавшими процентами. Хорошо кто-то назвал наш период — «мишанина». Если бы еще у него жена была Нина...

— Вообще вы замечаете, как мгновенно все в этой стране доводится до абсурда. Теперь ведь как получается: был на баррикадах — хороший, не был — плохой. И никого не волнует, что у тебя, к примеру, грудной ребенок.

— Сейчас по предварительному опросу выяснилось, что в Москве на баррикадах было 14 миллионов человек. Ген приспособленчества развит в нашей стране больше, чем где бы то ни было.

Приведу другой пример, уже не из области комнатной политики. Мой отец Николай Задорнов написал в свое время много романов о Японии. Там была затронута проблема Курил. В Японии книги издали без проблем, у нас же все время возникали какие-то трудности: он не секретарь Союза писателей, да и вообще в Латвии живет, в ресторане ЦДЛ не появляется. Сегодня проблема Курильских островов стала очень актуальной. В Японии собираются снимать фильмы по книжкам отца — он собрал правдивый и честный материал, потому что в течение долгих лет занимался этой проблемой. Так мне из четырех мест позвонили — про эти события пишутся оригинальные сценарии — за неделю. Установка есть! Но никому и в голову не приходит, что за неделю в этих проблемах не разобраться. Совершенно очевидно, что получится мелкое, комнатное приспособленчество ремесленников...

И вообще я считаю, что если отдавать японцам Курилы — то тихо, без шума, без предварительного обсуждения и внезапно. Как ГКЧП — утром проснулся — по телеку указ — ты уже гражданин цветущей сверхдержавы. В противном случае вся Сибирь туда рванет.

— И не только Сибирь.

— Да я и сам — с удовольствием...

А еще я боюсь, что китайцы будут претендовать на Приморье — это ведь еще один спорный вопрос...

Еще в прошлом году я написал рассказ, в котором описываю события двухтысячного года — Польша требует часть Литвы, Германия — часть Польши, Франция — часть Германии. Посмотрите: первое предсказание почти сбылось...

— У вас, видимо, нередко бывают пророческие шутки.

— За два месяца до путча я говорил о том, что у нас все слова — неправильные: демократы ничего общего не имеют с демократией, гласность на самом деле вовсе не свобода слова, левые — не левые, правые — не правые. Коммунисты далеки от благородных идей равноправия и т. д. Тогда я сказал: «Во всем мире есть слово — хунта. У нас же — Совет Министров».

Еще я говорил, что никак не могу понять, где же находятся закрома Родины, а увидел по телевизору щеки Павлова — наконец понял. Сейчас снова вопрос остается открытым... Чьи щеки теперь будут закромами?

На каждом концерте обязательно приходили записки: «Когда вас посадят?» или: «Не боитесь ли вы, что однажды на вас «случайно» грузовик наедет?» Я отвечал: «Нет. Не боюсь. Либо грузовик по дороге развалится, либо бензина не будет, либо его разбавят и машина не сможет тронуться с места. Либо накладную не на того выпишут и в результате не на того наедут...» Все точно — эти комсомольские работники даже хунту нормальную создать не смогли: объявили чрезвычайное положение и напились от радости, что по телеку выступить удалось. Не хунтеры, а хунтята какие-то.

На 19 августа у меня был назначен концерт. Я вышел на сцену, отменил его. Лично. Предложил всем, кто может, пойти к парламенту. Меня закидали вопросами — как, мол, я отношусь к Янаеву. Я ответил, что КМО вымогало у меня взятки два раза: когда я собирался поехать в лагерь «Спутника» и когда хотели отправить меня за границу на какой-то футбольный чемпионат развлекать нашу сборную. Второй раз я взятки не дал, поэтому поехал за свой счет. Но с футболистами так и не встретился. Как Янаев организовал хунту, так комсомол организовал ту поездку — наши маршруты с футболистами не пересеклись ни в одном городе.

— А еще вы на концерте сказали, что некоторые руководители пользуются вашими шутками как инструкциями. Смелое заявление, но примеров вы так и не привели.

— Пару лет назад, когда о приватизации еще никто не говорил ни слова, а партия сохраняла свои позиции, я пошутил: «Они хотят, чтобы был капитализм, но под руководством коммунистической партии». Все произошло точно по моему сценарию.

— Ошибаетесь. Партия как огня боялась даже слова «капитализм».

— На словах. Поэтому-то они довольно быстро приняли в свой лексикон слово «приватизация», чтобы избежать слова «капитализм». Они же все это придумали, чтобы через кооперативы и хозрасчетные организации на свои коммунистические деньги выкупать государственные предприятия и по-прежнему оставаться руководителями.

— А сейчас демократов обвиняют в том, что они имеют довольно большую часть акций на многих приватизированных предприятиях. Или по крайней мере уже договорились о проценте акций, который будут иметь, если эта приватизация наконец начнется.

— Если это так, то — независимо от законов по цензуре — говорить об этом опасно. Коммунистов высмеивать и ругать было просто. Они подчинялись инструкциям и, получив установку, что они плохие, стоически сносили все оскорбления в свой адрес.

Демократов критиковать довольно сложно еще и потому, что многие из них, как говорят, связаны с мафией. В этом смысле эта спайка непобедима. Хотя я лично не вижу ничего дурного в наличии акций у кого бы то ни было. Даже у демократов, потому что в идеале эти акции должны служить развитию нашей банковской системы и развитию промышленности. А вот если наши демократы издают законы, исходя из того, что у них есть акции, которых они могут лишиться,— это уже промышленное преступление.

Но если совсем честно, говорить об этом не решаюсь, потому что пока не достиг уровня советского классика-писателя: рассуждать о том, чего доподлинно не знаю.

— Это единственное ваше отличие от классиков?

— Нет. Еще, в отличие от них, сатирики очень дружат. Потому что у нас есть дело, нас приглашают, мы выступаем, у нас издаются книжки. Страна огромная — совершенно нечего делить. И, конечно, выручает чувство юмора.

— Не верю. Мы ведь уже привыкли к междоусобной войне на всех уровнях и во всех сферах жизни. Да и творческая среда давно перестала быть примером для подражания.

— Рискну сказать, что в отличие от многих сатирики научились воздавать должное друг другу. Даже в мелочах. Однажды сижу в ЦДЛ. Вдруг вижу — Жванецкий со своим директором. А рядом высоченные, прекрасно одетые девицы — ноги от шеи растут. Видно, с конкурса красоты — очередные мисски (как я их называю). Ну, думаю, сейчас сострю! Но у Жванецкого отличная реакция. Как только возле меня оказался, не дав мне рта раскрыть, сказал, показывая на девиц: «Ну, ты подумай! Из таких г... продуктов такая красотища получается!»

— Хорошо он вас сделал.

— А так всегда. Как только кто-то кого-то хочет обидеть или слегка поиздеваться — срабатывает профессиональная страсть к остроте: ссоры не получается. Смех сближает.

— Да уж, у вас парламентарии должны стажироваться... Политики всегда черпали свои знания у художников. Сегодня — наоборот. Вот и перестали художников уважать в коридорах власти. Может быть, поэтому в той же Прибалтике национализируют дома творчества писателей.

— Я отношусь к этому с такой нервностью, что даже не знаю, как об этом говорить. В этом, казалось бы, незначительном примере, как в капле воды, отражается сегодняшняя ситуация в Прибалтике. Полный бред! Бывшим хозяевам дома возвращать — благородно. Но почему при этом нужно отбирать дома, построенные на деньги самих писателей? Это лишний раз доказывает, что некоторые пришедшие к власти демократы — необольшевики. Семнадцатый год мы уже проходили — национализировать, и точка! Они даже слова нового придумать не смогли. (Коммунисты хоть капитализм приватизацией обозвали.) Надо же до чего договорились: «Раз дом построен на деньги ваших писателей-оккупантов, забирайте его к себе в Москву. А нам нашу землю отдайте!»

Ведь почти все эти демократы — бывшие коммунисты, в прошлом страшно лебезили перед писателями, которые занимали в то время какие-то посты. Перед тем же Бондаревым, Марковым, Беловым, Проскуриным, Михалковым. Верю, что можно разочароваться. Но человек, мгновенно меняющий подхалимство на враждебность, бездарен по сути. Талант никогда не позволит себе столь быстрой смены отношения к людям. Талант выше этого.

Или другой пример. Вы знаете, что в первые дни после путча по телевидению и в газетах сообщался номер телефона, по которому предлагали звонить и рассказывать о поведении своих знакомых и сослуживцев во время переворота, то есть фактически нам официально предлагали стучать. Разве это не безнравственно?

Понимаю: эти три дня станут святыми, мы отстояли независимость. Но зачем и эту благородную ситуацию доводить до абсурда?

— И другой вопрос: сколько можно об этом говорить? Меня не было в Москве две недели — мне казалось, достаточный срок, чтобы все это забыть как страшный сон. Приезжаю — все продолжается: слово «баррикада» не сходит с уст, не исчезает с экранов телевизоров. Мы опять-таки начинаем жить прошлым. Музей революции переименовывают в музей революций. Открывают выставку и экспонатами называют котелки, в которых кипятили тогда чай. Выдают за произведения искусства те ржавые балки, из которых состояли баррикады. Бедная наша страна.

— Вы становитесь сатириком. Все, что вы сказали,— мой хлеб.

— Тогда дарю еще одну шутку. Недавно летела в Ленинград. В самолете слышу объявление: «Полет проводит ордена Ленина и ордена Октябрьской революции экипаж Санкт-Петербурга».

— Должен вас разочаровать, этот пассаж уже есть у меня в коллекции. Из той же серии, что Санкт-Петербургский горисполком... Одна надежда на то, что люди, смеясь, разочаровываются. Смех в конце концов воспитывает. Поэтому, кстати, у меня никогда не было желания впрямую заняться политикой.

— Но ведь одно время сильна была мода на депутатство.

— Я всегда был уверен, что ни один писатель-сатирик просто не дорос до наших депутатов в смысле юмора. Я никогда в жизни не смог бы придумать такую фразу: «Я много сил приложил, чтобы в зале были депутаты-инвалиды»... День и ночь напролет могу просидеть — ничего подобного не вымучаю...

— Да. Но они разговаривают с себе подобными на одном языке. Атмосферы веселья это не рождает. А вот если бы вы или кто-то из сатириков в свойственной вам манере заговорили бы о государственных проблемах, при этом вам удалось бы рассмешить зал, а значит, и повернуть его в свою сторону,— может быть, тогда мы не дожили бы до этих трагических событий? Может быть, вообще сатирики во всем виноваты — не смогли выполнить своего исторического предназначения?

— Ко мне приходили из домоуправления, предлагали «депутатство». Я с ужасом отказался. Потому что ужасно не хочу погрязнуть в этой так называемой порнографии навсегда. Я хочу писать, выступать, жить нормально, чувствовать. И если благодаря нашим выступлениям в парламенте появится десять новых достойных людей — это будет гораздо полезнее, нежели мы сами там засядем. Я думаю, что депутатам полезнее почитать Толстого, нежели Толстому становиться депутатом. Я, конечно же, нас не сравниваю. Тем более что наш жанр слишком эфемерен. Я понимаю, что пройдет несколько лет, и никто о нас даже не вспомнит.

— Вы ощущаете это как трагедию?

— Не знаю — трагедию или трагикомедию,— но ощущаю. Может быть, поэтому снялся в кино, написал пьесу, заканчиваю сценарий и собираюсь попробовать свои силы в режиссуре...

— Мне всегда казалось, что сатирики и юмористы в жизни очень пессимистичны. Вы же оптимист. Почему?

— В отличие от нашей страны у меня было светлое прошлое. У меня был хороший класс, хорошие друзья. Я весело учился в институте и жил в общежитии. Руководил театром, который сам создал. Много ездил по стране. Побывал на комсомольских ударных стройках. Путешествовал на атомоходах, ледоколах, по Северному морскому пути, Приморью... На Курилах работал ботаником. Бывал в геологических экспедициях. Меня заставляли руководить самодеятельностью, чтобы я не мешал на кафедре. И даже прибавили за это зарплату. Это было чудесное время. Мы очень любили друг друга и не потому, что хорошо зарабатывали, а скорее наоборот. Сейчас я создаю театр и приглашаю людей, с которыми вместе начинал в самодеятельности.

— Это в КГБ, что ли?

— Нет, в МАИ. А по поводу КГБ — зря иронизируете — в разные времена там собирались неплохие компании... В агиттеатре этого ведомства «служили» и Эфрос, и Юткевич, и Любимов... Я назвал его «Театр драмы и комедии на Лубянке» и ставил пьесы по судьбам советских разведчиков. И знаете ли, интересные у них судьбы были...

— Звание-то у вас есть?

— Если вы про артистическое — то нет. Зато надо мной часто Ширвиндт смеялся: «В твоем театре, в отличие от нашего Театра сатиры,— все со званиями»... Так что и этот факт моей биографии нельзя назвать отрицательным.

И вообще у меня в жизни было много хорошего и замечательного. Так почему же я должен мрачно смотреть в будущее? Система — омерзительная, но в ней существуют прекрасные люди. Может, это равновесие природы: хорошим людям — омерзительную систему?

У меня есть надежда — что бы ни случилось, останутся друзья, хотя отдаю себе отчет, что диктатура демократии, если она случится, может окончательно уничтожить человека. Но надеюсь, что этого не произойдет.

— В общем-то ваш оптимизм понятен — популярность день ото дня возрастает...

— Популярность возрастает на улицах — узнают больше. А на эстраде... Раньше выходил на сцену — мертвая тишина. Уходил — на «бис» вызывали. А потом в жизни каждого артиста наступает момент, когда аплодисментов при выходе на сцену больше, чем при уходе. Сейчас я сравнялся...

— Может быть, потому что стали больше импровизировать на сцене? Раньше —читали миниатюры — было ощущение единого номера. Теперь говорите, что в голову взбредет.

— Всегда по бумажке мало читал. Мне в принципе нравится делиться впечатлениями... А рассказов не читаю, потому что мне читать нечего. Почему? Потому что не пишу.

— Только выступаете?

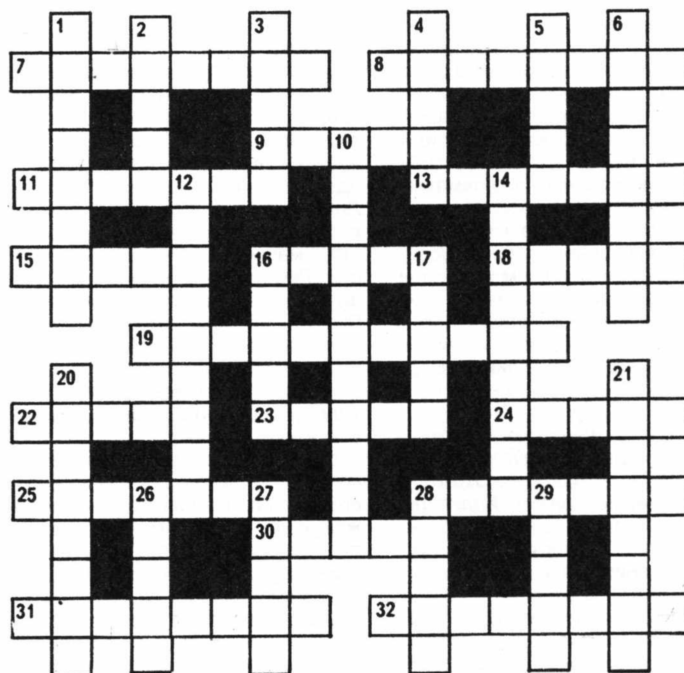
— Ага. Думаете, сострили? Но ведь самое смешное — это констатация факта...

— Времени нет или не знаете, что писать?

— Хотел соврать, что времени нет... Но ведь когда писать нечего, то всегда нет времени...

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Легкая шутливая комедия. 8. Животный крахмал. 9. Старинный французский танец. 11. Ударный музыкальный инструмент. 13. Государственное учреждение, контролирующее провоз грузов через границу. 15. Двойная звезда в созвездии Большой Медведицы. 16. Болотная птица. 18. Действующее лицо в пьесе М. Горького «На дне». 19. Русский математик, создатель неевклидовой геометрии. 22. Украинский поэт, Герой Социалистического Труда. 23. Поверхность шара. 24. Снежный барс. 25. Теплый, сильный сухой ветер в Средиземноморье. 28. Вид мотоциклетного спорта. 30. День недели. 31. Романс М. И. Глинки. 32. Духовой язычковый музыкальный инструмент.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Русский писатель, просветитель XVIII века. 2. Вид ивы. 3. Походный плоский сосуд. 4. Народный артист СССР, игравший в Театре имени Моссовета, Герой Социалистического Труда. 5. Столица государства в Азии. 6. Крупнейший остров в составе Дании. 10. Роман Л. Н. Толстого. 12. Город в Якутии. 14. Река в США. 16. Немецкий композитор, пианист и дирижер. 17. Приток Дона. 20. Разновидность тыквы. 21. Спутник Сатурна. 26. Время года. 27. Химический элемент, платиновый металл. 28. Рыба семейства карповых. 29. Персонаж рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 42

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Дискуссия. 7. Тунис. 9. Зенит. 10. Колонка. 11. Формула. 12. Журавль. 13. Свифт. 15. Портал. 18. Комета. 20. Протест. 21. Яцусиро. 25. Неделя. 27. Контур. 29. «Тоска». 30. Ледокол. 32. «Женщина». 33. Анданте. 34. Фомин. 35. Вишня. 36. Трускавец.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Шилка. 2. Луковица. 3. Тираж. 4. «Хуторок». 6. Кислота. 8. Скула. 9. Зерно. 13. Секстет. 14. Терцина. 16. Турне. 17. Лютня. 18. Косяк. 19. «Мирон». 22. Черенок. 23. Заставка. 24. Пушнина. 26. Локон. 28. Огнев. 31. Лаура. 32. Жерех.

ВСЕ СТРЕМЯТСЯ ВЫРВАТЬСЯ ВПЕРЕД. ГЛАВНОЕ — КТО СДЕЛАЕТ ЭТО БЫСТРЕЕ!

В дни августовского путча некоторые московские газеты, лишенные своих типографий, быстро наладили выпуск информационных бюллетеней, тысячами расходившихся по городу. Это стало возможным благодаря настольной редакционно-издательской системе. С ее помощью можно изготовить оригинал-макет любой печатной продукции, начиная от рекламной листовки и заканчивая подготовкой газетных полос. Со всей подобной работой могут справиться один-два человека. Затраты времени при этом — в десять — пятнадцать раз меньше обычного. Полностью освоить технику и обучиться работать с соответствующим программным обеспечением можно за две недели. Обучение бесплатное.

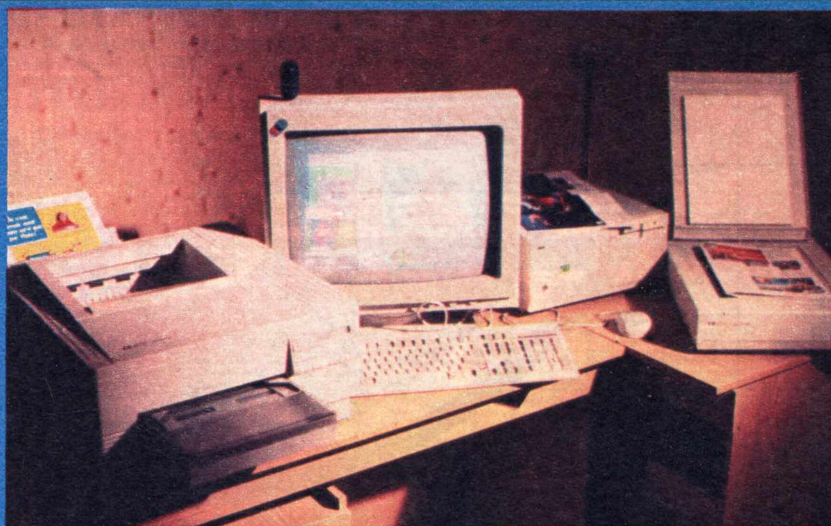
Базовый комплект системы формируется на основе персонального компьютера IBM PC AT/386 с тактовой частотой 25 МГц. Помимо него, в комплект входят ручной сканер и лазерный принтер. Однако возможно приобретение техники более высокого класса, вплоть до самых дорогих и сложных моделей. Вся конфигурация и пакет программного обеспечения подбираются в соответствии со спецификой будущей работы.

Для качественной работы с текстом необходим широкий выбор шрифтов различных гарнитур и начертаний. Каталог шрифтов, как «мягких», загружаемых в компьютер, так и «жестких» в специальных картриджах для лазерного принтера, фирма предоставит бесплатно.

Услугами фирмы НПО «Альтернатива» воспользовались различные организации, в том числе рекламное агентство «Эскарт», газета «Вечерняя Москва», газета «Сочи», журнал «Суфлер». Все они стали не только нашими постоянными клиентами, но и добрыми друзьями.

Настольно-издательская система — это шаг вперед.

С нами вы всегда на шаг впереди!

111402, Москва, ул. Кетчерская, д. 12. Тел.: 375-87-51
Fax: 370-3020

НПО АЛЬТЕРНАТИВА

ЭСКАРТ

1 руб. Индекс 70663